

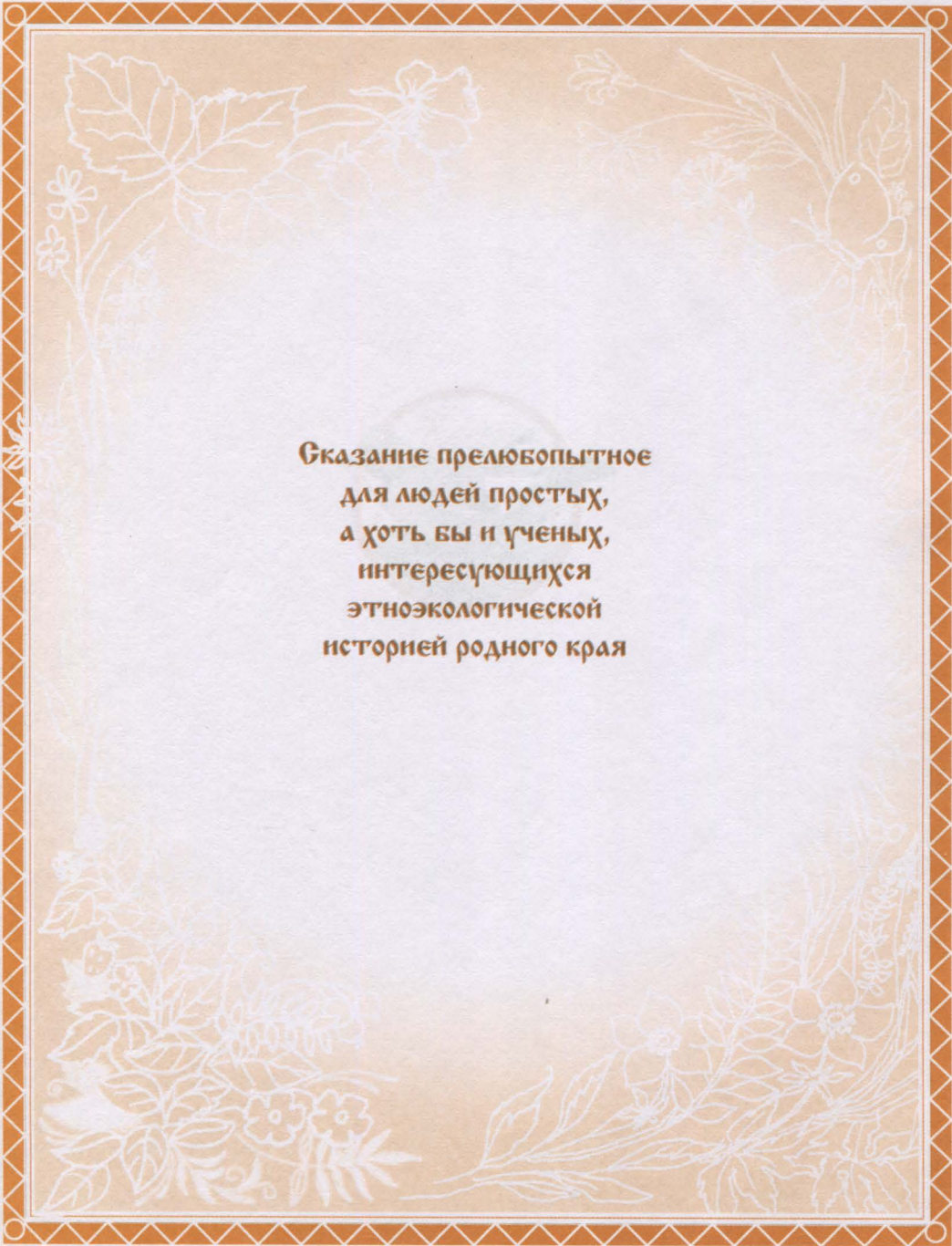
В.Г. Мордкович

БАРАБА ~
СТРАНА
ДИКОВИННАЯ

КУСОЧЕК
РОДИНЫ

A decorative border in a light brown color with a repeating diamond pattern surrounds the central text. The background of the page is a light beige color with faint, white line-art illustrations of various plants and flowers, including large leaves and small blossoms, scattered around the text.

**Сказание прелюбопытное
для людей простых,
а хоть бы и ученых,
интересующихся
этноэкологической
историей родного края**

В.Г. Мордкович

БАРАБА-
СТРАНА
ДИКОВИННАЯ

Новосибирск
"Наука-Центр"
2003

ББК 26.891

М 79

Мордкович В.Г. Бараба – страна диковинная. – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Наука-Центр, 2003. – 150 с., [0,6 л] вкл. ISBN 5-9554-0007-9.

А вот книжка – красивая, содержательная, интересная детям и взрослым, молодым и старым, ученым и не очень. Книга о том месте, где половина жителей Новосибирской области живет каждодневно, а другая половина бывает обязательно, через которое пол-России проезжает хоть раз в год на поезде или в автомобиле. Книга про то, что на нашем родном месте было, есть и будет – об истории, географии, животных, растениях, делах житейских... Это – единственная научно-познавательная книжка, написанная не каким-нибудь, а редчайшим, чисто русским слогом, именуемым "раешником". Он отличается словесным богатством, сочностью, ядреным словцом. Прочитавший книгу о Барабе получит и пользу, и удовольствие, умом напряжется и отдохнет, взгрустнет и посмеется сам над собой, заодно вспомнит, что язык русский совсем еще недавно был раз в 10 богаче словами, чем теперь.

*Настоящая книга издана при финансовой поддержке
Института систематики и экологии животных СО РАН
(г. Новосибирск),
глав администраций г. Барабинска и Барабинского района,
Татарского, Чановского и Доволенского районов
Новосибирской области*

Без объявления
ISBN 5-9554-0007-9

© В.Г. Мордкович, 2003.
© Художественное оформление.
Н.В. Быковская, 2003
© Оформление.
ООО "Наука-Центр", 2003

ПОЧЕМУ И ЗАЧЕМ ПОЯВИЛАСЬ ЭТА КНИЖКА?

Строгому ученому человеку, который тридцать лет кряду природу считал да мерял, вроде и не к лицу рассусоливать про нее как простому. А вот не удержался! Есть тому особые причины и надобность.

Народ наш полуазиатский-недоевропейский, с душой широчайшей и безудержной, до крайности ко всему чувствительной и отзывчивой, – больно уж политикой увлекся. А природу свою, из чрева которой на свет появился, напрочь забыл. От такой оторванности все мы маленько одурели и своеобычье, каждому народу полагающееся, подрастеряли. Березу с осиной, слава Богу, еще не путаем. А крушину от калины, грушанку от майника, дрозда от скворца, ромашку от поповника, черноземную почву от лугово-болотной, степь от луга – не каждый отличит. А ведь с грушанкой соизмеряем мы красоту, у дрозда учимся петь, у скворца – о детях заботиться, у ромашки – различать людей на тех, кто тебя любит и не любит. В какой-нибудь тропической Бразилии люди соотносят свою жизнь с тамошней природой. Потому и считают себя бразильцами, а не русскими!

Чтобы осознать себя вновь полноценным народом, надо срочно приохотить всех, кто еще душой не засох, к познанию родимой природы. С ней связывает каждого из нас незримая пуповина, как дитя с единотробоной матерью. Негоже быть на своей земле выродком, а природную титьку лучше сосать мягкой губой – себе на пользу и в удовольствие, а не откусывать все разом, с мясом. Ежели потянутся людишки к природе, подладутся к ней, то непременно поймут, какими корнями их жизнь предопределена, что за природные правила человечью судьбу раскачивают, кто таков каждый человек, от первого до последнего, на Земле есть.

Больше других привычка общаться с природой осталась у биологов. Может поэтому они среди прочих ученых людей немного лучше? От общения с природой они кроме своей мудреной науки еще многое видят и слышат, знают да умеют. Чего умом не цепляют, так душой вбирают. Могут и науку так выставить, что каждый поймет заглавное ее свойст-

во – мозги ворошить, воображение застылое растапливать, мыслишки егозливые вострить. Тут и неважно – какая-токая наука. Главное, что разворощенные мозги на всякую пользу пригодны. Выгучат человека специальному ученому делу, а он, разохотившись, еще и учебник для студентов напишет, и книжку развлекательную для детишек сочинит, и лекцию занимательную для неглухих прочтет. В задушевной беседе рассказом своим разбудит в душе нечаянного слушателя такое, чего тот в себе и не подозревал. И станет человеку жить интереснее, работа однообразная перестанет быть единственным тусклым окном в мир. Узнает он, что мир велик, разнообразен и неизбывен, станет любопытнее, терпимее, добрее, ответственнее к себе и окружающей среде. Науку любить до самозабвения и быть в ней мастером не каждому дано. А совсем без нее обходиться – быть обормотом – никому не показано.

Есть у науки в этом плане задачка особая – перевести научные догадки со специального заковыристого языка, на котором ученые меж собой разговаривают, на язык, доступный обычным людям. Иначе не ухватить научной премудрости. Поди-ка разберись, о чем речь, коли скажут тебе: "Квазикомплекс с регулярным чередованием проценозов и фитоценозов с их полипедонами и микрорельефом, связанных между собой экотонными сукцессиями"*.

Слова тут как в хмельном угаре заплелись – все разноязыкие: и греческие, и латинские, и французские..., и даже русские попадаютя. Досадная штука – обвычка. От нее из 50 тысяч слов великорусского языка только десятую бедную часть в научный разговор допустили. Это чтоб лишнего чего сгоряча не ляпнуть. Наука, Бог с ней, стерпит и всмятку. А с простыми людьми эдаким манером поговорить невозможно. Не понимают, просят растолковать по-человечески.

Зацепило меня однажды не на шутку. Неужто, думаю, я – ученый-разученый, степенями и званиями, как павлин, изукрашенный, все самые сложные премудрости превзошел, а до простого не возвышусь? Неужто нельзя изложить самые сложные мысли, не чураясь обиходных разговорных слов, которые кругом валяются неприбранные, полузабытые, вроде как не свои. А ведь ими русский язык много веков был богат. Недаром нынешние словари в сравнении с далевским поотощали. Эта мысль мне по душе пришлась. Вот и сочинил книжицу не каким-иним, а "забавным русским слогом". Сложилось про Барабу – неяркую страну, что притулилась затюканной падчерицей между знаменитыми реками – Обью и Иртышом. Бараба близка мне тем, что мы с ней одной области – Новосибирской. Посреди барабинской природы я впервые к науке прислонился. В молодости, 30 лет назад, я про Барабу даже пе-

*Быков Б.А. Экологический словарь. Алма-Ата: Наука, 1988.

сенку сложил. Вот теперь она выплуталась из закоулков памяти. Очень супротивные слова в ней рядышком угнездились. Да и не зря!

"Бараба – злая и противная,
Бараба – чудная и дивная,
Бараба, ты зовешь и мáнишь,
Не поеду, больше не обманешь!"

Обманула! Поехал – не раз, не два, восемь лет подряд – с 1967 по 1974 год. И позже бывал. Да вот, вчера обернулся. Злое и противное отступило куда-то, позабылось. А чудное и дивное окропило душу росами, сверкающими в паучьей паутине, воздухом сочным, ароматным, туманами-растуманами, что текут молочными реками багряной порой, а еще дождиками-хлюпиками, что хандру тягучую нагоняют, для рядки необходимую после трудной работы.

Пищи для ума Бараба тоже немало дала. А хлебом насущным делиться полагается со своими ближними. Тем более, мало кто в необъятной, раскорячившейся на два континента матушке России и представляет себе – что за земля такая – Бараба?

Не грех и напомнить. Потому, хоть и глухая сибирская сторона, а след свой в истории Отечества оставила, для науки интерес немалый представляет, для хозяйства полезна, да и просто для восприимчивого человека – красива, как девка на выданье!

Часть 1

ЧТО ЗА СТРАНА ТАКАЯ?

Глава 1

ГДЕ ИСКАТЬ ЕЕ СРЕДИ ПРОСТОРОВ РОССИЙСКИХ?

А найти ее проще простого. Выходи из Москвы – шишки российской на ровном месте, и иди себе прямехонько по Московскому же старинному тракту на солнечный восход. Как 3333 километра отмахнешь, тут и будет Бараба, посреди великой Западно-Сибирской равнины. Ну, а по нынешнему ненадежному раскладу – лежит она в Новосибирской области – между реками известными – Обью и Иртышом. На север из Барабы дальше реки Тары не уйдешь – в болотах Васюганских непроходимых увязнешь. То уж не Бараба. На юг, как до речки Карасук доберешься, – тут и вставай. Дальше другая сторона начинается, по прозванию Кулунда. Да ты сразу заметишь. Лесочки малые кругленькие меж лужаек многотравных кончаются, а дальше голимая степь начинается. Туда уж не надо, возвращайся назад, в Барабу.

Глава 2

ЧТО ЗА МЕСТО, ОТКУДА И КАК ВЗЯЛОСЬ?

Место низкое, а потому топкое. Над уровнем мирового моря только на 105–130 метров торчит. Четырнадцать тысяч лет тому назад, когда ледник великий последний раз таять начал и морем разлитым на весь западно-сибирский юг расквасился, Бараба его подводной частью была. Как воды с избытком набралось, стала она стекать туда, где еще пониже было, в сторону Иртыша-реки.

Как текли потоки бурные с северо-востока на юго-запад, так всю Барабу своими руслами избороздили, вроде как дорогу русскую земляную, где каждый норovit так проехать, чтоб свою колею природе на память, людям назло оставить. Текли эти потоки не меньше, как 2 тысячи лет, в дно бывшее морское врезались, песок да глину взмучивали и валиком сбоку себя оставляли. Валик тот, песчинка к песчинке, рос да рос себе помаленьку в высоту. Так и называется, даже по-научному, – прирусловой вал. Когда две речки, как жених и невеста, бок о бок по соседству текли, прирусловые их валы постепенно сходились. После них оставался плод общий – единый большой увал. Его гривой называют.

Высота над окрестной лощиной – метров 10–15, в длину тянется на 20, а то и на 50 километров; ширину имеет – от 0,5 до 2 километров. Поищешь – всякие найдешь. Когда ледник на севере Западно-Сибирской равнины 12 тысяч лет назад совсем истаял, потекли свободно реки могучие Обь да Иртыш со притоками. Они почти всю воду из южно-сибирского водоема забрали и в Ледовитый океан вынесли. И вовсе бы засушили территорию, да тут силы подземные проявились. Да и то! Припнулась ведь Барабинская низменность к самой что ни на есть беспокойной части Западной Сибири – Омской синеклизе. Об название не споткнись! Погружение ее каменной основы палеозойского древнего возраста началось 190 миллионов лет назад – в конце триасового периода, продолжалось в периоде третичном – к нам поближе, и в четвертичном – совсем родном. От тех сотрясений встали округ Барабы со всех сторон на цыпочки возвышенности невысокие: Прииртышский вал да Приобское плато, Васюганская да Кулундинская приподнятые равнины. Хоть и низкорослы они, а все ж топорчатся над окрестной равниной метров на 30–50. Сама-то Бараба взамен осела маленько. Вот ямина и образовалась. Посередке, на самом ровном месте, вроде как большой чан с водой остался. Так озеро поныне и называется – Чаны, Большой да Малый. Других озер тоже числом немало образовалось: Убинское да Сартлан, Тандово да Урюм, Чебаклы да Черемуховое. И еще 2,5 тысячи – всех не перечтешь! Ежели все озерные блесточки вместе сложить, водное их зеркало составит 25-ю часть барабинской земли.

Речки, в барабинском плену оказавшись, стали прежней дорогой на юго-запад пробиваться, куда уклон был. Все на один манер. Погляди-ка на карте, как они Барабу ровнехонько разлиновали, будто тетрадку наискосок. Те, что поглубже, – Тара да Омь с Тартасом прижитым, выскочили и в Иртыш давно текут. Другие со временем ослабели. Каргат с Чулымом в обнимку до Чана Малого с грехом пополам добираются. А вот Баган, Карасук, Карапуз, Сума и другие того не сумели. Растерялись среди низины, заночевали в обширных болотах. Не поймешь, куда и зачем текут. Иные реки, еще помельче, вовсе заилились и пересохли. Остались от них плоские лощины с мелководными озерками. Они, как бусы на веревочке, друг за дружкой тянутся. Многие из тех озерков только весной и живы. А к макушке лета подсыхают, в болото, а то и в мокрый луг обращаются. По ним и пешком ходят.

Вот тебе и вся Бараба – речки да озера, гривы да лощины.

ОТКУДА НАЗВАНЬЕ ЧУДНОЕ – БАРАБА?

Название – что ворона каркнула – Ба-ра-ба! А происходит оно от народа особого, который в этой стороне до прихода не то что русских, но и татар проживал. Так и звался – бараба, или барама. Народец был немногочисленный – всего-то тысячи три. Говорили на тюркском языке. Значит, были родственники алтайцам да хакасам, шорцам да уйгурам, а пуще того – кыпчакам-половцам, тем самым, что Древней Руси премного досаждали, князя Северского – Игоря, вояку незадачливого, так замордовали, что и до сих пор он, бедный, на театре оперном нараспев кричит, чтоб свободу ему дали. Народ всегда его жалел, потому что русские, ежели им еще и свободу дать, такого наворотят, что и театр сгорит.

Почему Бараба половецкая так себя обозначила, никто уж толком не помнит. Домысливали всякое. Одному путешественнику местные барабинцы так зубы заговаривали: "Кучум-де, когда его русские потеснили, местных татар с собой бежать зазывал – айда со мной!" А они ему: "Барам – погоди, значит. Оттого и Барама, то есть Бараба".

Еще известно, что Барабой на языке тюркском птицу сойку величали – рыженькая такая, вороне племянница; с пятнышками небесно-голубыми у сгиба крыла. На голове, как растревожится, хохол торчит. Есть такая догадка, что птица эта была священной для древнего людского рода, который еще задолго до татар в лесостепье между Обью и Иртышом проживал. Первобытные люди выбирали себе зверя или птицу по нраву и почитали за божество. У сибирских народов звали ее тамгой. Тамга родовая людей полудиких и суевренных от всяких бед охраняла. А коли осерчает, могла и погубить, неровен час. Потому люди ее выше себя почитали, жертвы ей приносили, вроде взятки, боялись пуще жены. По тамге и род назывался.

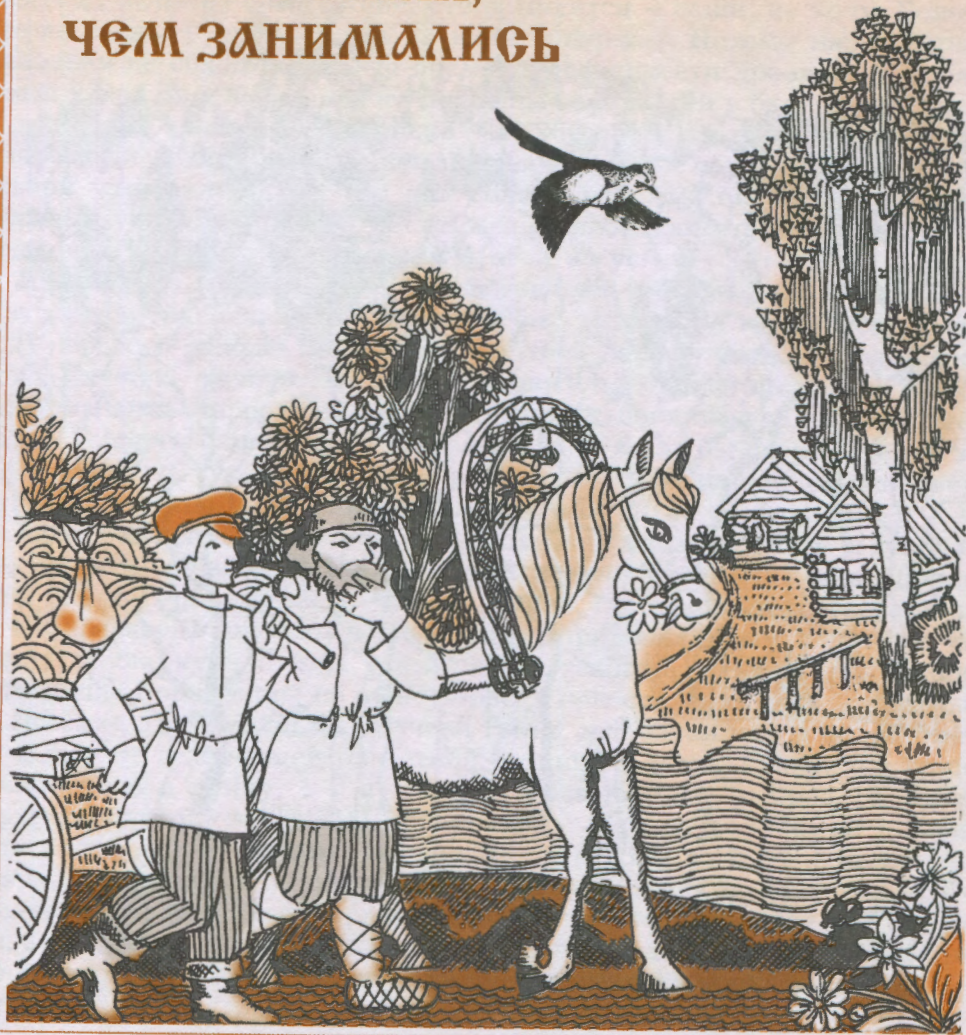

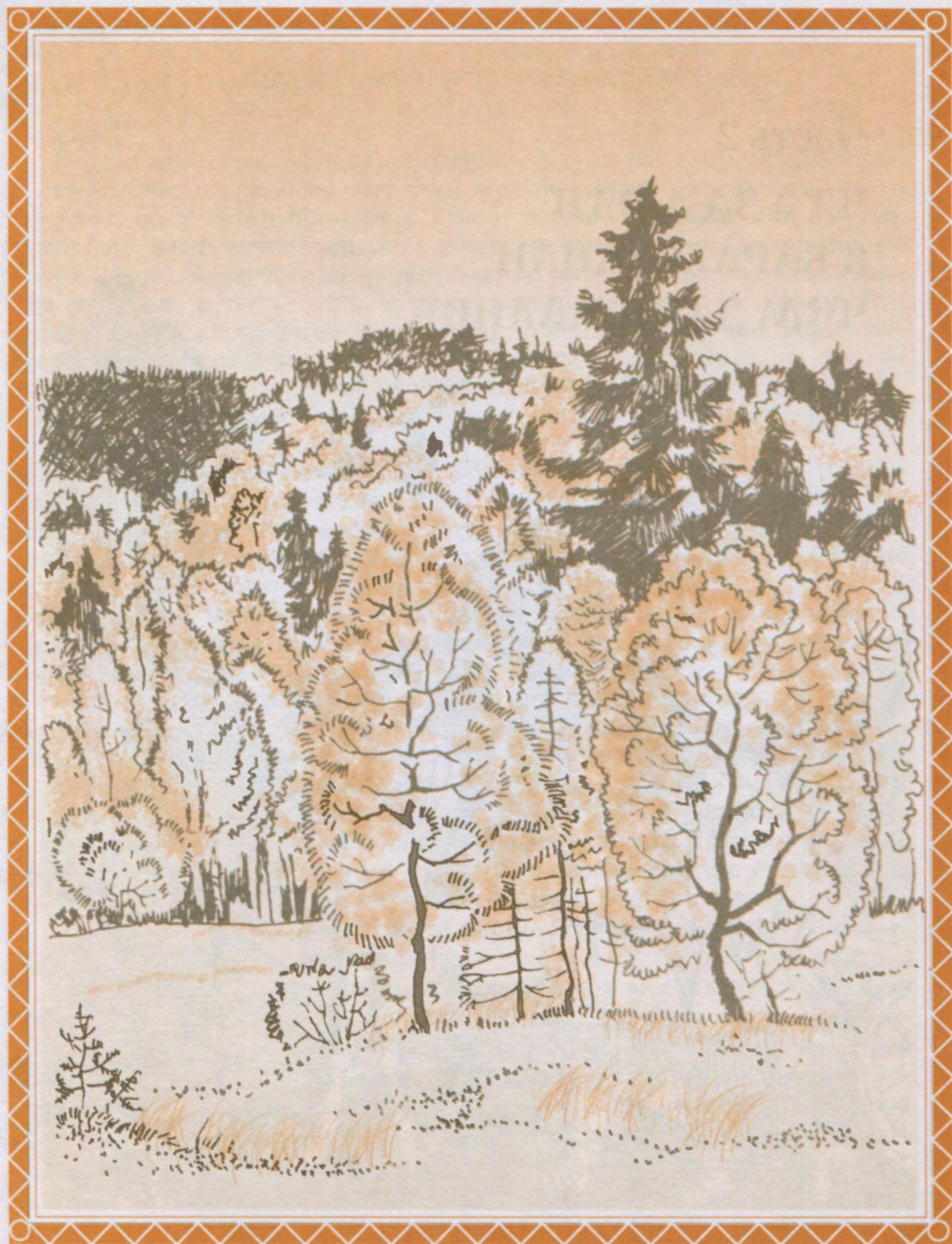
Сойка

Так ли, иначе, только прозвище "Бараба" прилипчивым оказалось. Через все народы прошло, которые в тех местах проживали, и уцелело до сих пор. Оттого на карте физической измененность называется Барабинской. На карте административной город есть – Барабинск. Раньше на его месте деревенька значилась – Барабушка. На карте ландшафтной – Барабинская лесостепь обозначена. Жителей местных барабинцами кличут.

Часть 2

ЧТО ЗА ЛЮДИ
В БАРАБЕ ЖИЛИ,
ЧЕМ ЗАНИМАЛИСЬ

КАК БАРАБА ЛЮДЬМИ ОБЗАВЕЛАСЬ И ДРЕВНИЕ КАМЕННЫЕ ВЕКА СКОРОТАЛА

Свято место, как водится, пусто не бывает. Вот и Бараба человека издавна манила. А как же иначе? Ведь всем красна: воды – залейся, рыбкой – закуси, лесу со всяким прибытком – много, сенокосы да выпаса – богатейшие, степь имеется – паши, не хочу. Болота, и те не бедны – много ягоды да дичи содержат. Потому люди Барабу вниманьем не обходили во все времена – от дикости древней до нашей. Самый древний человек, какого дотошные археологи в барабинской земле раскопали, появился давненько – 14 200 лет тому назад. В те времена огромный ледник все еще землю севернее 60-й параллели смертным саваном укрывал. Перед тем как совсем истаять, он еще раз нахмурился. По-ученому говорят: наступила Ньяпанская стадия Сартанского оледенения позднего плейстоцена. Мотай на ус!

Похолодало тогда сильно. Среднегодовая температура в Барабе на 2 градуса по сравнению с теперешней опустилась. За год осадков выпало на четверть больше нынешних, большей частью снежком. Оно и неплохо. Снежок, веснок тая, почву живительной влагой досыта питал. С такого пайка поросла барабинская земля богатой тундрово-степной травой. Говорят: был бы куст – ворона сядет, было бы озеро – черти заведутся. Так и тут. Потянулись на сочные барабинские харчи звери крупные да птица. А за ними и человек, как нитка за иголкой.

Люди были тогда – не нам чета. Шея коротковата, глаза – исподлобья, челюсть – совком. В Европе таких неандертальцами звали. Долина у них там, в Германии, есть – Неандерталь, где такого человека откопали. Не красавец, конечно, по нынешним привередливым понятиям, но, если не шибко куражиться, так и сейчас такого встретишь – в обморок не упадешь. Подумаешь: по шее человеку наkostenяляли, зато – зубастый.

Поселились те люди на Волчьей гриве, что затаилась в 60 километрах к югу от теперешней известной станции Каргат. Грива, как грива, 8 километров в длину, 1 – в ширину, да высотой – метров 10. Рядом с другими такими же ничем не приметна. Почему именно ее древние люди облюбовали – никому не ведомо. Чай грив-то было больше, чем людей. Стойбище было поставлено на высоком мысу по-над озером. Теперь-то озеро заилилось, травой заросло и потому зовется уж не озером, а Сумским займищем. Да и на гриве людей нынче живет, не в пример древности, целое большое село, по названью Мамонтово. Небось, зря не назовут.

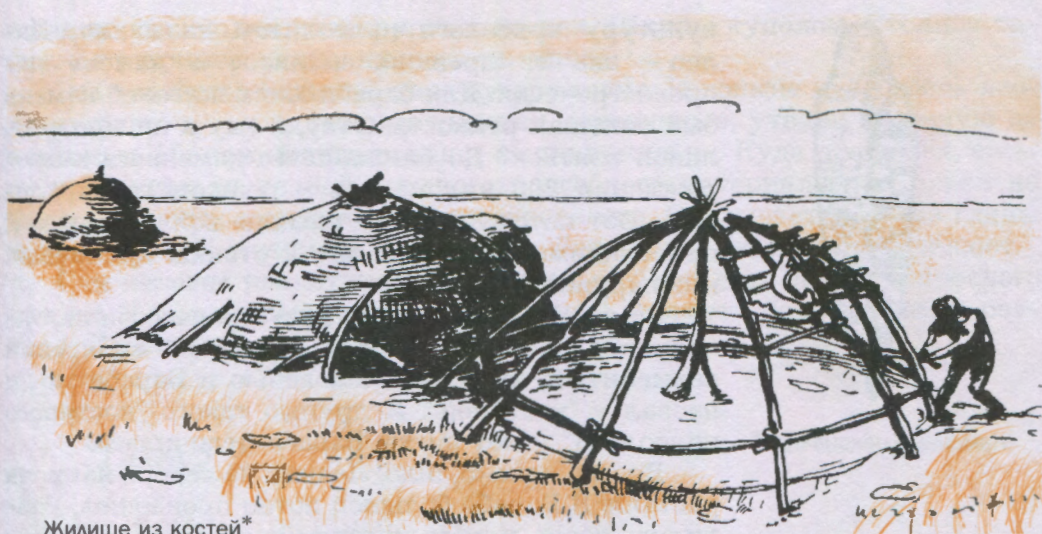
Мальчик-неандерталец*

Древние люди в те стародавние времена жили чем Бог пошлет – на готовеньком. Грибы, ягоды, травы да коренья собирали, в пищу пригодные. А еще рыболовством да охотой пробавлялись, не для забавы. Охота – это не ягодку с куста сорвать – дело многотрудное! Сейчас зверюгу завалить – нагнали бы роту солдат с автоматами при генералах. А тогда вся община была душ 20–30, вместе с детьми малыми. А поди ж ты – на той стоянке человечесьей, о которой речь, костей звериных нашли 495 штук: от мамонта, лошади, бизона и волка. Охотники, видать, были ловкие – подстерегали, подкрадывались; особо крупного зверя в яму-ловушку сообща загоняли.

Яму ту рыли мелко – всего метра 2 глубиной. Орудием пользовались немудреным – мотыгой с наконечником костяным, а то просто палками заостренными. Нынешний бы неандерталец и за бешеные деньги так не сумел. А те, дикие, располагали яму на дороге, которой зверь к водопою ходил. Сверху ловушку сучьями да ветками маскировали. В дно торчком крепкие колья да кости острием вверх втыкали, чтоб зверю, провалившись, было на что сесть... да не встать. Так всякое животное добывали, мамонтов тоже. Их на Волчьей гриве таким-то манером 8 штук завалили: одного матерого, лет 40 от роду, 6 помолже, да не умней, а остатного – вовсе детеныша. Да это и немного, потому что стояночка-то барабинская была летняя, временная, и община людская невелика. Вот, правда, все были едоки. У нас – сегодняшних – семья 8 мамонтов за жизнь не съедает, а те за одно лето управились.

На больших многолюдных стойбищах в совсем других местах находят костей звериных куда как поболее. Вот в Мальте, не той, что посреди Средиземного моря с рыцарями, а в сибирском селе под Иркутском, костей откопали от 400 северных оленей. Под сельцом Амвросиевка, что в Донбассе, костей нашли от 1000 зверей, но уж зубров. Мамонтам

*Здесь и далее основы для помеченных звездочкой рисунков взяты из работ: Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.; Л., 1937. – Т. 1; Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тысячелетия н.э. – Новосибирск: Наука, 1991. – 128 с.; Резун Д.Я., Василевский Р.С. Летопись сибирских городов. – Новосибирск: кн. изд-во, 1989. – 303 с.; Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. – М.: Наука, 1976. – 240 с.; Безертинов Р.И. Татары, тюрки – потрясатели Вселенной (история великих империй). – Новосибирск: ЦЭРИС, 2001. – 733 с.

Жилище из костей*

от древних людей сильно доставалось, даром что фигура большая. Под Новгород-Северским или прямо в Киеве на Кирилловской стоянке по 7 мамонтов откапывали, а под Каневом и Черниговом так и до сотни. Appetit у первобытных был под стать челюстям. Вот была заботушка – как мясо есть, да мясника не съесть. Мелкой зверушкой и той не брезговали. Сурков, зайцев и прочих грызунов силками да петлями ловили, костей нам на память довольно оставили.

Из шкур и сухожилий какую-никакую одежонку мастерили. Шкуры да кости покрупнее на строительство шли. Из них жилье мастерили. По бокам ямы кости втыкали, на них шкуры натягивали. Вот и дворец. Крыша потечет маленько – так не беда. В дождь кто избу кроет? Зато в ведро вовсе не каплет. Живи – не хочю.

Кости, что помельче, и бивни мамонтовые на поделки всякие годились. Из них и наконечник для копья или дротика, и скребок – шкуру драть, и острие для мотыги или кирки делали. А то еще копьеметалки умели ладить. Палочка такая костяная с крючком на конце. В этот крючок копьё при метании упиралось нижним концом древка. Так размах руки увеличивался – копьё летело дальше и с большей силой. Без копьеметалки до лука и стрел нипочем бы не додумались. Шила да иглы тоже из костей были. И украшения – ожерелья, браслеты всякие – из бивня и кости красиво на радость себе и людям излаживали. Носи женщина, знай мужика первобытного! А нынешний – опять на ус мотай!

Люди, что подале от Барабы в горных областях селились, те для всякой хозяйственной надобности больше камнями пользовались. Такую

Каменный наконечник*

культуру археологи палеолитом называют. Палео – значит древний, а литос – камень по древнегречески. Для барабинских жителей камень был большая редкость. Откуда ему в низине земляной взяться? До ближайшего каменного месторождения 200 километров – пешком грязь хлебать. Вот потому во всем раскопе волчьегривском превеликими трудами всего 2 отщеп кремневых и обнаружили.

Заместо камня кость к делу приспособили. Окладников Алексей Палыч, археолог сибирский знаменитый, культуру человечью в Барабе так и назвал – "костяной". А другого такого "костяного палеолита" и нет нигде. Бараба отличилась!

Время, однако, шло. Ледник на севере напрочь растаял. В Барабе большой потоп произошел. Разлились озера морем, потекли реки бурные. Земли сухой совсем немного осталось и до той только вплавь доберешься. Места много, а привалиться негде. Похоже, 6–7 тысяч лет подряд Бараба безлюдной была. Ни одной стоянки такого времени (мезолит называется) археологи не нашли. Да и кто в такой мокрети жить станет. Рыбе – вода, птице – воздух, а человеку – вся Земля. А ее и без Барабы хватало.

Только через многие поколения вернулись люди в Барабу, когда опять вода сошла, луга да степи зазеленели, леса по долинам рек появились. Время это уже неолитом называется. Тоже каменная эпоха, только поновее. Мамонты, дикие лошади да бизоны к тому времени повывелись, с мясом похуже стало. Ну да не без ума – так не без промысла. Стали проворней промысливать птицу водоплавающую, которой вдоволь родилось, рыбу да мелкого зверя. А все ж одной охотой, как ни крутись, было не прожить. Начали помаленьку скотину приручать. А это уже не присваивающее, а производящее хозяйство. Оно как цепью к месту насиженному, удобному, привязывало. Поэтому и строились основательно. Жили теперь в хижинах округлых, просторных, метров 6 в поперечнике. Посредине очаг. Пол углублен. Все

Костяной наконечник.
Костяной нож*

жилище на жердях или крупных костях. Шкуры куполом. Стоянок таких, не в пример палеолитическим, много.

Раз хозяйство большое, то и мусору много. И донныне кучи добра неолитического в земле находят: площадки деревянные, утварь костяную да каменную. Из камня делали вещи какие помельче. Куда денешься, ежели кроме гальки речной никакого подсобного материала под рукой не было. Глиняных изделий тоже не попадает. Оказывается, и без глины жить можно. Иначе бы не плодились. Детей, чай, не из глины делают.

Сам человек неолитический обезьянье обличье от житья добротного утерял. Лоб имел высокий, мыслительный, челюсти поубавились в раз-мере. Красивый стал, как мы с тобой.

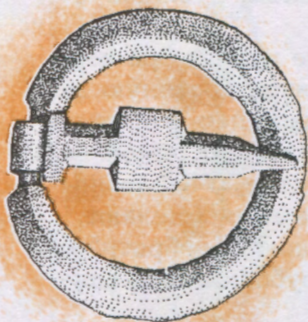

Глава 5

БРОНЗОВЫЙ ВЕК – НЕ БАБИЙ, ТЫСЯЧИ ЛЕТ ТЯНУЛСЯ

Пять тысяч лет назад изловчились люди медью и сплавами ее пользоваться. Такое умение и в Барабе пригодилось. Вещи металлические исправно доставляли с Урала и Алтая, из Казахстана и Саян. Да и на месте плавил. Наступило, стало быть, время бронзы. И длилось оно целых 25 веков, да все не нашей эры. Люди в Барабе еще погуще прежнего селились. Одних только раскопанных археологических памятников больше сотни наберется. А сколько их еще в земле от глаза научного въедливого хоронится до поры до времени? Одних только погребений больше тысячи раскопали. Оно, конечно, не для баловства, для дела расковыряли. А только, выходит, и после смерти нет людям покоя. Хоть через 4 тысячи лет, а домовину твою посторонние чужие люди отчинят, косточки тебе, бедолаге, перемоют. Все визнают: кто такой был, как с соседями ладил, много ль добра нажил. Еще интересуются: что носили, не лукошком ли наготу прикрывали, какими-такими украшениями молодуха бронзовая подружку в зависть, а полюбовника в соблазн вводила?

Глядишь, через то любознательство ненароком догадаемся, чем нынешняя жизнь в Барабе лучше той, что в бронзовые века была, а чем хуже; чего люди за тыщи лет приобрели, а сколько понапрасну просыпали в прореху между умом и разумом. Бронзу вот нынешним умельцам покажи – не узнают, олово со свинцом перепутают, а уж как их с медью сплавить, чтоб бронза эта самая получилась, а не нечаянность известная –

Бронзовая пряжка*

нипочем не догадаются. Выходит в умницы попали, а из дураков не вышли. Полезно в прошлом покопаться. Глядишь – найдем, чего потеряли!

Десять-пятнадцать веков назад барабинцы литейное рукоделье не понаслышке знавали. Мастерские недавно откопали, где этим ремеслом увлекались. Там и тигли глиняные, и формы для литья донныне сохранились. Чего только из бронзы не делали! Такие вещицы, что и сейчас – начини продавать, очередь бы сбежалась, подумали б – заморская продукция. А она своя, исконно барабинская. Перво-наперво отливали из бронзы наконечники стрел, дротиков да копий – не в носу ковырять, для суверенитета. Были те наконечники трехлопастные, втульчатые, формы непростой – то черешком, то листиком ивовым, то половинкой треугольника или миндалевидные. Размером наконечники барабинские были крупные, не в пример степным у соседских кочевников. Те любили помельче, чтоб колчан со стрелами меньше бок оттягивал при частых разъездах. Делали тоже мечи крепкие, ножи обоякоострые, кинжалы хищные.

Однако, как ни дорога была бронза, как ни берегли ее для всякой военной и хозяйственной нужды, а только перед женщиной и тогда никто устоять не мог. Делали для них украшения непременно. Особливо в ходу были бусы, кованые или литые, а еще – браслеты и зеркала. Чтоб могла женщина на себя своими глазами посмотреть, проверить: правильно ли мужик выбор сделал? Кольца тоже в ходу были, чисто бронзовые или еще фольгой обложенные, серебряной, а то золотой. Кольца были в полтора оборота закручены, чтоб не сомневалась женщина – бронзу на ней не экономят. Меж тем эти безделки металлические большого труда стоили. Потому таинственное литейное искусство обязательно жертвоприношением сопровождалось. Оно, конечно, и сейчас украшения женскому полу не без жертвоприношений достаются, но про то еще в летописях напишут.

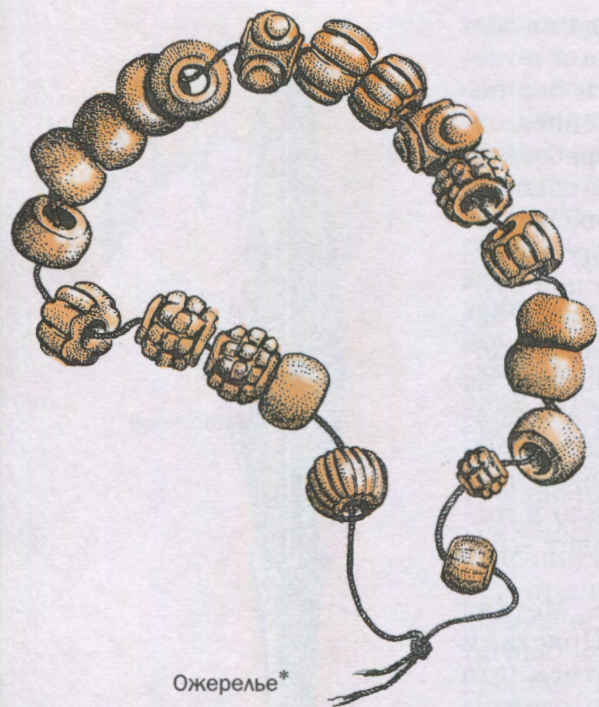
С бронзой и воевать было сподручней. Каждый взрослый мужчина был тогда воином. Меч да

кинжал, лук да колчан со стрелами всегда на нем были при жизни и после нее. Без оружия и в гости к соседям не ходили. С мечом, даже и без подарков, в лучшем виде принимали, последнее отдавали – значит жизнь. Война жертв требовала, но и прибыль давала. Чего сам не умел сделать, отобрать можно было у другого. Много всякого добра по степным просторам от Азии до Европы туда-сюда по рукам ходило. Вот и в Барабе под курганом у устья реки Тартас нашли бронзовые застежки римского производства. Так Бараба захолустная с Римом великим и далеким сошлась на узкой степной дорожке. Однако одной войной долго не проживешь. Ненадежное это дело. Даже когда есть добыча, не знаешь наперед, какая она. А бывает, что и ничего не бывает – сходили в гости щи похлебать мимо ворот. Вот и выходит – без ремесел никак было не обойтись.

Самое главное ремесло – гончарное. Металл плавить – тигли глиняные надобны. Прясть и ткать – без пряслиц глиняных не обойтись (это цилиндр такой усеченный, специально сделанный или из обломка горшка приспособленный). Из замызганных деревянных плошек, кои 100 лет не отскребешь, есть противно. А из глиняного горшка – любо-дорого. Моется хорошо, варево не стынет. Ну и освоили барабинцы гончарное рукоделье. И нам есть чему позавидовать, а то и поучиться. Глину для работы брали хорошо промешанную или отмученную. Для примеси добавляли песок, а как поумнее стали – шамот. Это тоже глина, только обожженная до спекания. Посуда глиняная у барабинцев была хороша: от махоньких горшочков, 5-сантиметровых в поперечнике, до больших – сантиметров 30–40 поперек себя. Сосуды фигуристы, что тебе девица: верх грудкой топорщится, перегиб смотрится осиным станом, тулово-бедрами крутобокими, придонная часть – ногами плотно сжатыми. Вот доньшко как произошло – нипочем не догадаешься. У девицы-то нету! От глины зависело (ну и от мастера конечно), какой

Бронзовый наконечник*

Ожерелье*

горшку цвет придать: серый, коричневый, желтый, красноватый аль черный? Глину сырую ладошкой, пучком ли травы затрут как следует, и специальной гребеночкой еще узорами затейливыми украсят. Тут уменя не жалели. Иная посуда наколочками, вдавленьями, орнаментами так вся сплошь и изукрашена. Даже и доньшко. Ныне людей украшают такой татуировкой, зато уж горшки попростежки лепят, чтоб не перестараться. Уж и не разберешь теперь, что откуда произошло: человека ли под горшок разрисовывают или наоборот? Сосуды бывали круглодонные, плоскодонные или с доньшком острым; смотря у какого племени. Но все были хорошо обожжены. А к концу бронзовых веков наловчились люди ирменской культуры поверхность глиняную доводить и до глянцевого блеска. Сиди, глядись в горшок, довольный своей работой.

Окромя дельных вещей мастерили из глины всякую всячину: шары, кубы, пирамидки. Не всегда и поймешь теперь, что для какой надобности. Ну да ведь в бронзовые века за умом не побежишь, не спросишь: зачем первобытные людишки при несладкой их тяжелой жизни на искусство ни времени, ни материала, ни сил не жалели. Вот зверей лепили со всем уважением: медведей, лошадок и других. Самих себя изображать не стеснялись – хоть целиком, хоть частями, особо почитаемыми. Часто лепили самую что ни на есть уважаемую мужскую часть: и в гордом виде, и в скукоженном. Знать, служила эта фигуровина предметом религиозного поклонения. А как же? Без нее, как без хлеба, без мяса, род человеческий хирел. Такую нужную вещь никакой бронзой не заменишь.

Браслет*

Бронза – хороша, да тяжело доставалась. Хоть и плавил ее в Барабе, да сырье-то издалече возить приходилось. Поэтому берегли металл пуще глаза, расходовали только на боевое оружие, да еще на женщин – оружие подсурдинное. А стрелы охотничьи по-прежнему были с костяными, а то каменными наконечниками. Накладки для луков, пластинки для панцирей – воинам на грудь – тоже не из бронзы, из кости излаживали. Ложки, черпаки тоже были костяными. Любили бронзовые люди носить подвески и ожерелья из зубов звериных: медвежьих, лисьих, бобровых или белчих. Гребни и другие поделки мастерили из рога. Все любовно украшали дивным орнаментом. За тысячи-то лет так наловчились с костью управляться, что до большого искусства дошли. Фигуру в Барабе нашли из рога в виде птичьей головы. Залюбуешься! Похоже, фламинго. Погляди-ка хоть на картинке. Фламинго-то живого в Барабе не часто встретишь.

Да что кость? Каменотесное мастерство – и то не забыли. Хоть по-прежнему туговато было с материалом, а все ж без каменных поделок никак не обходилось. Ладили мелкие всякие поделки из кварцита и яшмы: ножики да скребки. Чтоб бронзу острить, точильные камни из одного песчаника привозного делали. Еще раскопали в Барабе булаву каменную грушевидной формы из бело-розового красивого камня. Мрамор, известно, материал непрочный, хрупкий. Стало быть, булавой той скорее всего не бронзу, а человечьи золотые головы, осерчав, ковали. И то утешенье! Хоть тогда предмет этот уважали. Все не дерьмом каким – мрамором заморским благородным охаживали.

Жилищами барабинским жителям бронзовых веков служили полуземлянки, в почву на полметра углубленные. Площадь имели – от 20 до 80 квадратных метров. Стенки прямые. В центре ям – четыре опорных столба, метрах в 3–4 друг от дружки. На верхних концах у них чашеобразные углубления (как сейчас, когда избу кладут). В эти

Горшок*

Фламинго

углубления, как дите в люльку, клали лежмя еще два бревна. На них, опять в углубления, — еще два поперек. К эдакой раме прислоняли стоймя горбыли да плахи. Сверху раму покрывали жердями, заваливали сухой травой и землей. Крыша получалась плоская, однако с наклоном, односкатная, чтоб вода дождевая скорехонько стекала не за шиворот. Стенки изнутри укрепляли плетнем из ивовых прутьев. Снаружи все мудреное сооружение подпирало земляной завалинкой. Не докумекавши до дверной петли, занавешивали вход по-простецки — звериной шкурой. Пол в хоромине был земляной, в середке выпуклый, к краям — покатый, чтоб все непотребное прочь стекало. В центре располагался очаг и колодец для воды. И доньше кержаки сибирские, древнего ума не растерявши, колодец прямо в избе делают, чтоб лишний раз на мороз босиком не бегать. Были у древних и совсем роскошные дворцы, где пол земляной черепками глиняными мостили, навроде нынешнего паркета.

Все жилища эти, про которые речь, были многокамерные. Отдельные помещения коридорами соединялись. Кроме полезной площади, была, как теперь говорят у нас, еще бесполезная, что ли, где всякую домашнюю утварь держали. Жилища стояли кучно — деревенькой.

Климат барабинский в бронзовые века ненадежный был: то похолодает, то потеплеет. Вот во времена ранней бронзы похолодание сильное случилось. Воды в Барабе опять изрядно прибавилось. Озера да болота чуть не на пол-Земли расползлись. Крупный зверь в лучшие края подался. Недаром на человеческих стоянках тех времен косточки находят сплошь мелкие: птичьи да заячьи. Вскорости, лет через 500, потеплело, болота подсохли, лес вместо тундры пошел. Зверь в Барабу вернулся. Ну и снова появились на стоянках объедки серьезные: медвежьи да лосиные. Однако, как ни выгодно было лосей да медведей бить, а добыча охотничья больно уж от случая к случаю доставалась. Чуть с климатом что не так — нетути зверя, к которому привык, которого бить обучен. Жди лет 200, пока получшеет. А у случая на затылке не то что мяса, волос нет. Вот людишки барабинские, умом поднатужившись, догадались домашний скот разводить. На природу надеялись, да сами не плошали. На стоянках времен поздней бронзы медвежьих да лосиных громоздких костей поубавилось, а от домашней скотины — куда как поболее стало. Разводили крупный, мелкий рогатый скот, да еще лошадь. Она и поклажу перевозить годилась, и для еды. Кроме того, на нее у степных южных соседей-кочевников большой спрос был. Без лошади-то не покочуешь! Для тех степных народов, слышать, барабинцы и старались. А иначе зачем у них лошади больше половины домашнего стада составляли?

Земледелие тоже быстро освоили. Без хлеба и у воды плохо жить. Недаром в раскопах бронзовых времен находят то пест каменный — зер-

но толочь, то обломок зернотерки, то кусок жатвенного ножа. С бронзовым серпом дело еще веселее пошло. Одним словом, хозяйство у тех людей было хлопотное, большое. С таким по степи великой много не намотаешься. Потому культуры барабинские: байрыкская, одинцовская, крововская, андроновская, ирменская – все были оседлые. Колесо и повозки знавали, а все ж жили в Барабе безвылазно.

Селились не то что прежде – большими городищами. Укрепляли их валами земляными, утыканными деревянным крепким частоколом. Оно и понятно! Раз водилось у людей добро, находились и охотники на дармовое. А в городище от лиходеев обороняться было сподручнее, чем по рознь. С таким вот обиходом подались барабинские жители из бронзовых веков в железные.

Железо завели 2,5 тысячи лет назад. В сельце Чича, что в южной части Барабы, около нынешнего Здвинска, городище железной поры раскопали. Оно на уступе Чановской террасы примостилось. С оборотной стороны, где вода от врага не бережет, есть по сию пору вал земляной, шириной 12 метров, высотой – в 1 метр. Вдоль него – ров глубокий шириной 10 метров – для пущей надежи.

Занимались люди, как и прежде, полукочевым скотоводством. Климат по-прежнему позволял. Из железа делали то, что и из бронзы умели. Особо не мудрили, с прогрессом не торопились.

На том древние размеренные века кончаются, а начинается лихое беспокойное средневековье.

Глава 6

ИЗ КАКИХ ПЛЕМЕН СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОД БАРАБИНСКИЙ ПРОИЗОШЕЛ

Народу в степи к концу древних веков изрядно поприбавилось, а корму – нет. Вот и начали толпы несытые, жадные и злые, по просторам евразийским мотаться, друг друга зорить. И ни один в ворота не хочет, каждому – разбирай забор. С того многие народы растеряли своеобычье, присущее им испокон века, снимались с места родного насиженного, бежали от лиха куда глаза глядят. По дороге другим неповинным жизнь навыворот правили. А куда денешься? Широка Земля, всем места хватает, одному человеку – тесно.

В V–VI веках нашего уж летоисчисления была Бараба северной и малоприметной окраиной великого Тюркского каганата. Основали его

тюрки-тугю, которые с алтайских гор сошли. Могучее у них получилось государство – от Монголии до Черного моря. Немало всякого разноязычного народу эти тюрки под себя подмяли, в свою веру обратили, обычаям и языку своему обучили.

Барабу тоже не миновали. Ее в ту пору племена самодийские населяли, не то кеты, не то селькупы. От них названия рек да озер по сю пору остались. Тартас, например, кетское название, хоть от тех кетов народу – горстка сохранилась, и то на Енисее-реке, от Барабы далече.

Самодийцев потом угры, из лесу пришедшие, потеснили. Эти покультурней были, много чего умели. От тех древних угров нынешние ханты да манси приобские, а еще раньше – коми да финны произошли. Угров, в свой черед, племена, с юга пришлые, маленько отюркечили. Да, видать, на пользу. Те, язык родной уторский не утеревши, еще и кочевой образ жизни себе на пользу удачно приспособили. С тем дали стрелкача из-под тюрка – только их в Барабе и видели! Так припустили – аж за Уралом каменным очнулись. Там осели надолго, по берегам Белой реки, что в Каму впадает, с уграми тамошними смешались и государство древневенгерское образовали. Эту прародину нынешних венгров, незадолго до чингисханова нашествия, бенедиктинский монах Юлиан, специально из Венгрии приехавший, признал и назвал Магна Хунгарика, то есть Великой Венгрией. Оттуда потом венгры, всю степь пройдя, на самом западном конце ее приют нашли и нынешнюю Венгрию основали. А вышли из Барабы. Археологи, которые раскопки в Прикамье производили, культуру кушнаренковскую описали и много черт, общих с культурой угров Обь-Иртышского лесостепья V–VI веков нашей эры нашли. Венгры теперешние и вспоминать не хотят, что один их корешок из какой-то там мутнопамятной Барабы тянется. Ан российскую судьбу не обманешь! Откуда взят – туда обязательно возвернешься, не мытьем, так катаньем, не добром, так силком. Так венгры, которых в Первую мировую войну немало в русский полон попало, в Барабе сызнава оказались. Теперь-то уж обрусели до неузнаваемости.

А тогда, в VI веке нашей эры, угры, которые частью в Барабе застряли, с севера обского подкрепление получили и сызнава жизнь привычную наладили. Охота и рыболовство у них, как и раньше, были в почете. С того кормились, одевались и обувались. Что из шкур звериных одежду да обутки устраивали, то не новость. Это и теперешние ханты умеют, если для себя, а не на продажу. А древние, те из птичьих – лебязьких, гусиных, а то еще рыбьих шкур – осетровых да налиминых, наряды ладные и красивые мастерили. Не хочешь ли на рыбьем меху?

Сеяли злаки, которые побыстрее созревают: ячмень, полбу да овес. Еще из растений крапиву очень уважали. Сейчас из обжигуши чудаки

суп варят, витаминами заместо мяса напичканный. Угры древние – куда сметливее были. Они из крапивного полотна ткали грубый холст. А из него шили рубашки с пестрыми узорами. Небось, и штаны?! Иначе как крапиву заготавливать?

Жили-поживали в домах-полуземлянках со срубом деревянным и таким же полом. Крыша – из жердей, дерном крытая. В ней – дырка, чтоб было куда дыму от очага и прочему человечьему смраду выходить. Мебель – скамьи вдоль стен. От жилища недалече – амбарчики стояли на курьих высоких ножках, чтоб зверю голодному припасы не достать.

Так было, пока новые гости в Барабу не пожаловали на этот раз с востока. Каганат Тюркский обширный да непрочный, как все империи великовозрастные, три века просуществовав, распался благополучно. А вот кровь тюркская, обычаи их и язык – в разных народах остались. На обломках Тюркского каганата возникли другие царства-государства, тоже немалые и числом и размером. Каждое стремилось побольше братских народов в объятья цепкие заключить, жизнь им лучшую показать, за уши приподняв, повести к светлому будущему под уздцы, на свой манер.

Сложилось такое государство и в нынешней Хакасии, где енисейские кыргызы верх взяли. Так и страна прозывалась – Кыргызский каганат. Во все стороны те кыргызы-хакасы ходили. На западе их владения до реки Иртыш доставали. Значит и Бараба их вотчиной была. Да опять окраиной, едва облюдной. Тихо век под кыргызом прошел. А к концу IX века древние (кыргызы) в свои границы восвояси убрались. Да не по своей воле. Им новый народ, который кимаками звался, очень помог.

Это сильное племя образовалось в Верхнем и Среднем Прииртышье. Также из тюрков произошли. Сели в Барабе; кыргызам вежливо сказали: приходите почаще, без вас веселее. Все ж некоторые в Барабе остались и долго еще между Обью и Иртышом в лесостепи благополучно проживали. Мало-помалу, исподволь переобычились и с кимаками смешались. О том совместные кимако-хакасские могильники напоминают. Много их в Прииртышье раскопано.

Тогда же, в IX веке, влилось в кимакский союз еще одно племя тюркское – кыпчаки, которых в Европе, когда они туда заявили, половцами прозвали. Изначальная их земля была от Иртыша до Урала, да в Приаралье. Поскольку с кимаками они были кровью не чужие, то вместе жить стали – не разлей вода. Так и звали их – кимако-кыпчаки. Потом в названии только кыпчаки остались. Они-то и прижились в степной и лесостепной частях междуречья Обь-Иртышского, в том числе

Чингисхан*

чтобы единый народ его империю населял. Так барабинцы с того времени татарами стали.

в Барабе. Однако и в Кимакском каганате Бараба сбоку-припеку была. Такая уж ей планида выпала – бочком жить.

Ни один народ скотоводческий долго на месте не сидит, будто оса у них в одном месте прописалась, вот и кыпчаки в X веке ушли на запад, пляски половецкие Европе показывать.

Так-то вот! Много всяких народов сквозь Барабу прошло, да от каждого малость осталось. Образовалось племя смешанное: самодийско-угро-кыргызо-кимако-кыпчакское. А в XIII веке Чингисхан неистовый с топором по степи великой прошел, велел всем покоренным народам, кто жить хочет, татарами впредь называться. Желал хан,

Глава 7

КАК РУССКИЕ, СИБИРЬ ПОКОРЯЯ, БАРАБУ ЕДВА НЕ ПРОСКОЧИЛИ

Несколько семей татарских, что по соседству жили, пастбищами и рыболовными да охотничьими угодьями сообща пользовались, назывались улус. Во главе этого колхоза средневекового стоял председатель, по прозванию мурза, или бек. Известно, лошадь любит овес, земля – навоз, а воевода – принос. Потому мурзы черных улусных людишек нещадно и бессовестно обирали. Народишко замураный – ласковее и смирнее; трудится он по бековой потребности, отдает по возможности утаить.

Из таких вот улусов по среднему течению реки Тобол да междуречью притоков его Туры и Тавды сложилось государство – Тюмень. Потом уж, когда русские пришли, они название это приспособили для первой своей в Сибири крепостицы. А тогда, в XV веке, было такое нерусское царство – Тюмень. Оно Золотой Орде подчинялось – главному татарскому царству. Оттуда ханов назначали. Самый нам известный из тюменских ханов – Тохтамыш, тот самый что еще до Тюмени Москву

однажды пожег. Тюменью он недолго правил, потому что съестъ хотел больше брюха. Этой самой Тюмени Бараба дань платила.

Когда Золотая Орда ослабела, непорядок начался. Две ханские династии за Тюмень драться затеяли. Одна была местная – Тайбугинов род. Родоначальником у них был Тайбуга-хан. Другая – узбекская, род вела от Шейбани-хана, Чингисова колена. Уж как тайбугины и шейбаниды друг дружку подсиживали, со свету белого сживали, то ни в сказке сказать, ни пером описать. И убивали соперников люто, и породниться между собой пытались, а только Тюмень поделить никак не могли. Пришлось одному из тайбугинов, Мара-Мамету, в 1495 году с Тюменью распротиться, к Среднему Иртышу откочевать, там племена местные объединить и свое отдельное царство образовать. А столицу поставил на высоком берегу Иртыша, недалече от впадения его в Обь. Название ей было Кашлык, по-другому – Искер, а еще Сипыром прозывали.

Ханы тюменские и сибирские и дальше жили, как кошка с собакой, норовя друг дружку объесть до костей. Каждый хотел в дамки, да не удавалось. У Кучума-шейбанида – получилось. Он в 1563 году нагрязнул в Сибирь с юга с узбекской да ногайской ордами и верх взял. Кучум приходился внуком знаменитому Чингисхану – через девять колен. Он Сибирь в магометанскую веру обратил и царство единое образовал. Сам себя нарек – хан Тюменский и Сибирский, а государство новое – Сибирью!

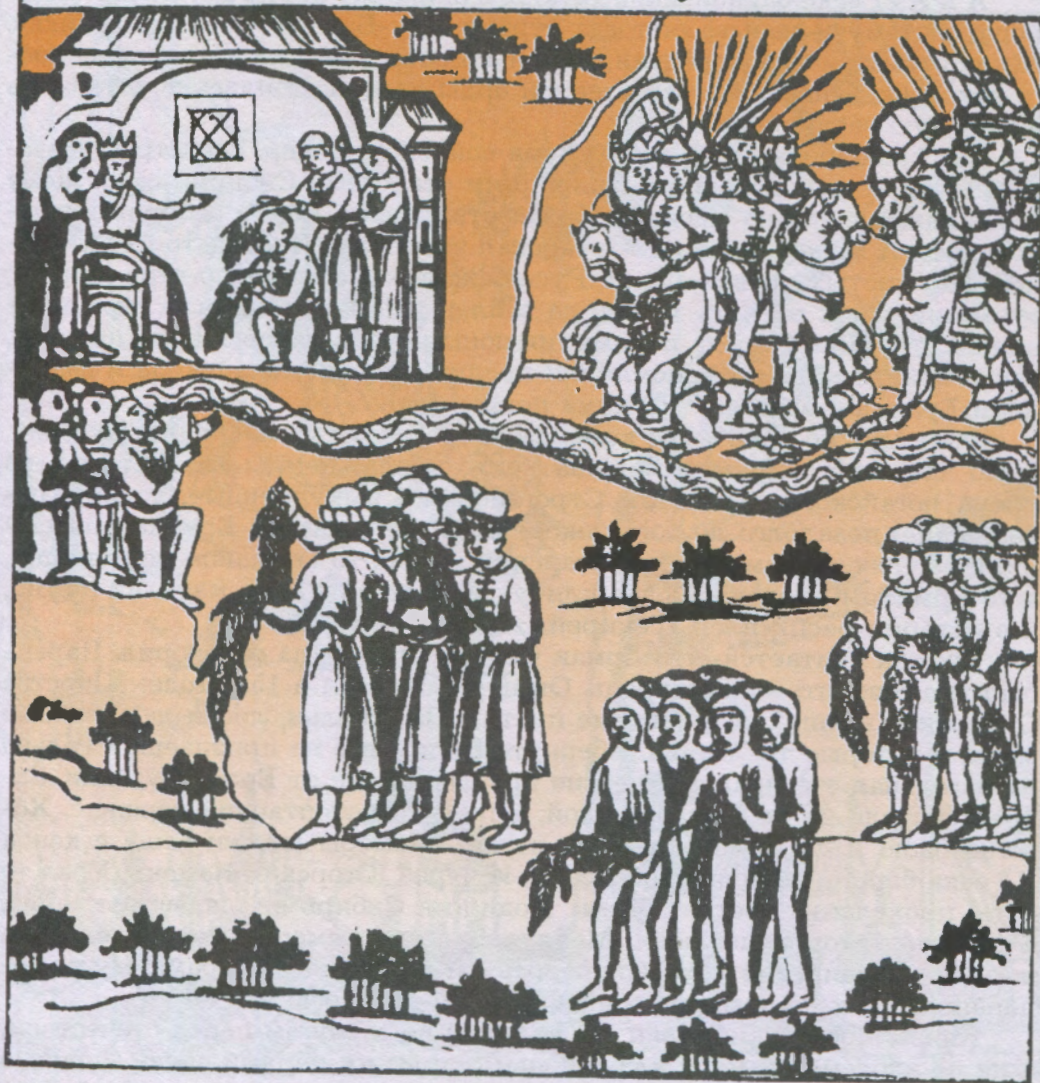
Хан в Сибирском царстве-государстве был всею голова. Помощник его именовался Карачей. А были еще есаулы, которых хан в улусы посылал – непокорных нагайкой уговаривать. Улусами правили доморощенные мурзы. У этих жизнь была вольготная, но только пока к хану на службу со своими воинами аккуратно ходили и дань ему исправно к ногам складывали. Иной раз, невзначай, забывали. На такую короткую память были у хана сборщики налогов – даруги.

Даруг, что у татар, что потом у русских, был самый уважаемый и дорогой человек. Так в память народную врезался, что и сейчас нет у нас никого дороже даруга. Вот только он на дороге исторической букровку одну из слова обронил, стал другом. В народе говорят: друга иметь – себя не жалеть, друга разжалобить – самому заплакать, а еще, в случае чего: оборони меня Бог от друзей, с врагами сам управлюсь. По женскому тонкому разумению: друг сердечный – всего-то таракан запечный. Тут уж букровка пропавшая прямо на язык и просится. Еще люди толкуют, что на деньги друга не купишь. Строгого даруга тоже было на деньги не купить. Сам отберет сколько надо! Договориться с другом было не просто. Может потому и по-нынешнему: друг – он мой, а ум у него свой. Рад другу, да не как себе. Был только один старинный способ с другом поладить. Если любил он за кадык закладывать, то получался из него – даруг, а ныне – друг закадычный. Чем дороже такой друг с горлом без дна обходился, тем пуще с ним дружбу берегли. Поэтому, наверное, старый друг – лучше новых двух.

А все ж, как не прижимали даруги да есаулы, народишко то и дело бунтовал. На такой случай по всему Сибирскому царству городки укрепленные поставлены были. Там можно было от народного гнева отсидеться в безопасности и казну до времени упрятать. Были такие городишки и в Барабе. Следы от них доньше сохранились. Тот, что Тон-Тура прозывался, стоял на берегу речки Омь. Там в XVI веке сидел наместник Кучумов – Буян-Бей. Стояло такое укрепление надежное даже на одном из островов Чановского озера – Чиняевское городище. Были и еще.

Бараба среди других улусов отличалась спокойствием, благополучием, а еще знатностью людей, в ней живших, и числом их. О том у немца ученого – Миллера – в мысливой книжице прописано. Он Сибирь в XVIII веке насквозь проехал и все подробно про жизнь тамошнюю

История Царя Василия Царя Юрия победил Инаута ратна емеша Рю д
 Чиниль. Цртво Венгрия. Гасроотранки в Поддани Умань Иобтотр Наси е
 - востиса Сибирь Иурн Иуре двідпаншад История Плавудасті

Город Кашлык*

вызнал. Бывал и в Барабе. Ему, немцу, и до нее, вишь, дело было! Вот и не зря. Будто чуял, что судьба рябая защекотит усами его сородичей через два века, тысячами их в Барабу силком затолкает. Да не их одних. Однако то позже было.

А в XVI веке барабинские татары в одиночку жили. Да, слышать, хорошо, потому и называли тогда страну Улу-Бараба – значит великая. Жила эта Бараба половецкая, маленько зататаренная, не тужила, много веков. От основной своей степной орды далеко отбилась, в глухомань сибирскую затаившись.

Так было, пока Ермак на Кучума войной не попер. Все Строгановы – купцы-жадуги подстроили. Завидно им стало, что Сибирь московскому царю каждый год по тысяче соболей отваливает. Еще и себе урвать захотелось. А может, кровь их татарская выиграла? Предок-то их татарин был чистых кровей. Он на Русь бежал, христианскую веру принял, супротив своих воевать ходил, да в плен попал. Его пытали страшно – ножом строгали. Отсюда и фамилия пошла – Строгановы. Коли не ложь, так и правда... Может вспомянули предка обидной печалью да и снарядили Ермака с ватагой – Кучума пошерстить.

Орел мух не ловит. Тот команду набрал хоть куда. Окромя русских, было там много другого перешатного народа: немцы да литовцы, из плена ногайского перед тем Строгановыми выкупленные, татары повожские, незадолго до того покоренные. Да и самого Ермака в сказаниях разных то Ермаком на татарский манер, то Германом по-немецки, а то Ермилом на русский лад кличут. Так-то вот! Ни в мать, ни в отца, а в истории расписался... секирой.

Уж так считается, что Ермак Сибирь открыл да и покорил. Парень был что говорить – наострень. Он царю отписал в 1583 году: "Царство Сибирское взяша". А царь и не против! За собольи, лисьи да бобровые меха, в которые то "взяша" обернуто было, чего не признаешь? Только не нагольная это правда. Русские про Сибирь не от Ермака узнали. Забрел он туда не по чащобе какой, а по туго натопанной дорожке. Хожено было и до Ермака не раз, не два. Поморы русские еще с конца XI века берега сибирские облазали. И через Югорский Камень (Урал то есть) проходы на восток ведали. Ходили в Сибирь не шалыганы какие, а солидные торговые люди. Меняли русские ремесленные поделки на нарядные сибирские меха. Случалось – и дрались с сыпырами. Ну не подерешься, так не помиришься! А дело-то делалось!

Князь Московский Иван III, великий по заслугам перед отечеством, а не по злодейской мере в сравненьи с другими царями очень Сибирью интересовался. По его указу два знатных человека из рода князей Ярославских: Курбский Семен да Ушатый Петр, а с ними Васька Заболоц-

Къ иштатъ

История

Срматъ поборъ доръхъ, повождь. Ипоисамъ идоитъ. Ора собоица итѣ множитъ за
и устрожанавъ рѣ рѣтѣ ѡрѣи. и залъ иотѣдъ пѣдъинопѣ итѣ рѣ рѣ рѣ рѣ рѣ рѣ рѣ рѣ
иеромоха сѣи. Наматъ. Долождѣт ѣ Амн до. ии иѣ иѣи Намолонъ пѣ рѣиѣ

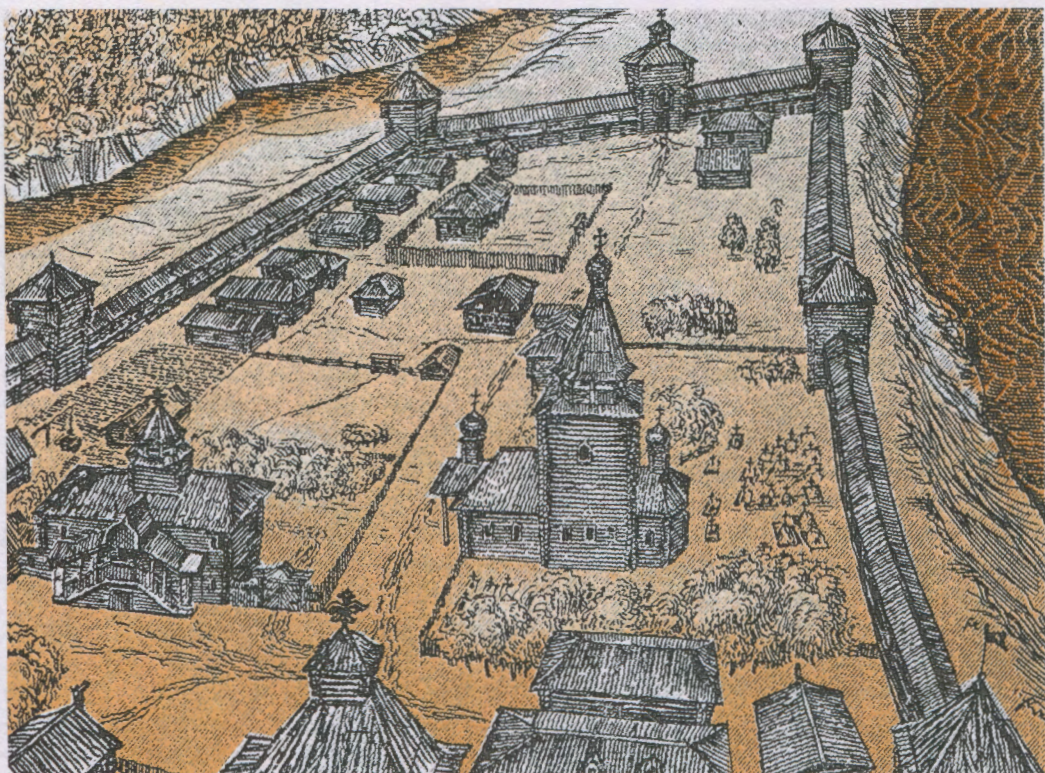

Волок*

кий в 1499–1502 годочках через Югорский Камень два раза шмыгали и на 5 тысяч верст в Сибирь заглублялись. С ними дворян и слуг боярских из разных городов великокняжеской области, не в пример Ермаку, поболее 4 тысяч душ набиралось. За 2 года они 33 городка вогульских да остяцких разорили, больше 100 человек вогулов в полон взяли, в Москву благополучно со славой и прибытком возвратились. Потом уж Руси изрядно годков не до Сибири было: то с Польшей, то с Крымом, а то с Казанью цапались. В это самое времечко, когда Ермак Тимофеевич еще и титьку не сосал, князь Василий – Ивана III сын – внес в свой титул Обдорскую да Кондинскую земли. Выходит, считал их своими, а стало быть, дань с них получал исправно. Ну, а уж Иван IV, задолго до Ермакова похода в грамоте польскому королю Сигизмунду без обиняков подписывался в 1563 годе: царь такой-сякой и всея Сибири.

Ну, а у Ермака, если по совести рассудить, с Сибирью пшик получился. Недаром сидел-то он, объятый думой, на диком берегу Иртыша. Небось не Оби! Было про что задуматься – куда ни кинь, всюду у него клин получался. С одной стороны, царь Иван Грозный ни Строгановых, ни уж тем более Ермака с его дружиной за поход сибирский, ох, не жаловал; иначе как злодеями да разбойниками поперву не величал; грозился перевешать всех, если обратно в Пермскую землю тотчас не вернутся. Осерчал за то, что остяков, вогулов, да и царя сибирского впридачу растравили так, что они на землю русскую стали похаживать разбоем. Из-за войн этих дань сибирская на Москву совсем поступать перестала. Осерчаешь тут.

С другого бока посмотреть, так на Волге-матушке атаманы казацкие вольготно и сладко жили. Богатая добыча сама в руки шла. А по Сибири пустой да неуютной за каждой полушкой, да что полушкой, куском хлеба, на пропитание, тысячу верст пешедралом ноги в кровь надо бить. Еще и с опаской. Воевать с каждым годом становилось себе дороже. Хорошо было поперву сойтись сразу со всей Кучумовой ордой. Когда татарин кучно стоит, его ох как ладно огнем густым из пицалей семипядных да пушек громопальных косяками валить. Или еще того проще – бей в куст – виноватого Бог выдаст. Сам-то казак огнестрельный не для всякой стрелы татарской досягаем. Да ведь вот грех-то, на второй военный год мурзы Кучумовы, особливо Маметкул хитрый, племянник Кучумов, докумекали, что против пушек да пицалей большой ордой с луками да саблями невыгодно драться. Куда сподручней малыми отрядами да внезапно, да ночью, филином налетать. Вона когда партизанская-то тактика образовалась! С этих пор Ермаково войско быстро редеть стало. От 800 с лишком казаков осталось вскорости, дай Бог, полсотни. И атаманы, отчаянные головы, все, один за другим, полегли. Охотников

Тюмень*

к Ермаку на помощь идти днем с огнем искали. На Москве грозили озорникам: гляди, сошлют к Ермаку – латы чистить!

Вот такой невеселый у Ермака расклад получился. Так он ни до чего и не додумался, сидючи на берегу иртышском. Смертная очередь подошла – и его, молодца удалого, невеста безносая, не с фатой, с косой, окрутила.

После гибели Ермаковой Кучум-хан еще 13 лет Сибирью как хотел ворочал. Бараба в его царстве затхлым углом считалась. Он там раны зализывал, когда его русские крепко бивали, уж после Ермака.

Ермак, хоть толку большого не добился, а русских, как водится, раззадорил. Однако поняли на Москве, что наскоком петушиным Сибирь не взять и не удержать. Начали укрепленные города ставить. Первой встала Тюмень. Ее воевода по фамилии, прости Господи, Сукин, на месте старого татарского городка Чимга построил, на правом высоком берегу

Тобольск*

реки Тура. Кругом земля плодородная. Она казаков-новосельцев сытно кормила. Летом 1587 года в Тюмень подкрепление прибыло – 500 душ служилых людей. Привезли они царский грозный указ, чтоб письменный голова Данила Чулков отправился с этими самыми людьми на реку Иртыш и новый город заложил бы бельмом на глазу столицы татарской – Сипыра. Оттуда ведено было дразнить татарина неумно. Так поднялся Тобольск. Состоял он первоначально из укрепления деревянного и служилых построек. Потом стал местом пребывания главного воеводы, а там и губернаторов сибирских. Постепенно все больше лесных областей Тобольску подчинялось.

А в степи и лесостепи все еще Кучум хозяином оставался. Русские сперва загорелись – север с мехами к рукам прибрать. Там новые городки ставили, Пелым, Березов, Сургут. Может на том и поладили бы русские с татарами, притерпелись друг к дружке хоть наобляп. Да не сиделось Кучуму спокойно. То и дело старые свои вотчины навещал, разор учинял, аж до самого Тобольска. Так заело хана, что хоть ногу изломай, а двери выстави. Ну и доигрался. Война русско-сибирская вплотную к Барабе придвинулась, туда, где хан все свое последнее время поневоле обретался.

Чтоб с Кучумом сподручнее было бороться, поставили русские в 1594 году новое укрепление – городок при реке Тара, той, что с востока в Иртыш впадает. Тарой и назвали, не мудрствуя лукаво. Внутри городок был солидный – 400 сажен квадратных, а вокруг – острог шириной 150, длиной 500 сажен. Внутри острога – жилые дворы. Окрест крепостицы по деревням тоже люди русские и иные поселились. Оттуда, из Тары, пытались Кучума поперву уговорить, чтоб миром Москве поклонился. Потом за упрямство его и нежелание покориться стали воевать. Раз за разом волости, что к Таре поближе, стали туда, а не в Тобольск ясак доставлять.

Попозже другой воевода, Андрей Елецкий, еще не единожды просил Кучума потесниться. И не без толку. Вскорости расширил пределы

14 1071А

Город Тюмень

Летопись о томъ какъ владимиръ крестилъ Русь и боролся съ княземъ Рюрикъ и
 какъ владимиръ женился на княжне Рюрикѣ и какъ владимиръ построилъ градъ Тюмень и какъ
 въ годъ 1071. Рюрикъ селъ въ Тюмень и владимиръ воевалъ съ нимъ и воевалъ
 сегоднемъ съ нимъ и побѣдилъ его и воевалъ съ нимъ и побѣдилъ его.

Город Тюмень*

Тарского уезда, занявшись покорением татар барабинских. Кучум в ответ пытался Тарский городок взять. Даже и укрепление свое рядом построил. Да не надолго. Ему так наподдали, что он Барабу пулей пролетел, только на далеком обском берегу очухался. За такую удачу всем казакам и прочим людям, какие в этом барабинском походе участвовали, выплачено было жалованье царское.

Тут уж среди самых близких Кучумовых родственников разлад пошел. Печинушкой приползла в Тару и сдалась русским мать царевича Маметкула, незадолго перед тем плененного. О других и говорить нечего; разбежаться стали кто куда. С этих пор, с 1596 года, Бараба стала ясак не Кучуму, а русским платить. Путному началу благой конец полагается. Вот и дочаялись. Поступил в 1597 году новый царский указ: собрать людей поболее, всей силой навалиться на Кучума и покончить с ним, где б он ни был. Для того снарядили в Таре и Тобольске 700 русских воинов и... 300 татар в придачу. С ними воевода Воейков в 1598 году, Барабу наскось пройдя, Кучума у обского берега, недалече от нынешнего села Ордынское, что южней града Новосибирска, догнал и прищучил. Ну и извел насовсем войско Кучумово. Брата его, внуков, 6 князьков да 15 мурз истребил. Пять младших сыновей Кучумовых, 8 царик из его гарема в полон взял. Сам Кучум, лиса хитрая, хоть и слепая к тому времени, убег-таки, к ногайцам подался. Без войска – куда ни шло. А без жен юных, которых по бокам к себе в постель класть привык, чтоб кровь грели, в Сибирь стылую боле не тянуло. Так и сгинул бесславно неведомо где.

Самое то место, где Кучум царство свое окончательно похерил, на дне моря рукотворного спрятано. Оно и неплохо, что схоронены до поры до времени скорбные могилы от шелепоглазых людей и лихих управителей, которых расплодилось нынче не в меру. Чем черт не шутит, может спустим когда-нибудь море непутевое, глянем на место печальное, да и отслужим молебствие, как 400 лет назад на Москве по случаю победы над Кучумом. Убиенным вечная память. Все они люди. Помянем и русских и татар заедино, чьи косточки вместе лежат, перемешавшись. А тогда в давности победители были царем московским обласканы сполна: кто золотые и денежные подарки получил, кто милостивую грамоту, а кто, как на Руси водится, облизной кукиш.

Как бы там ни было, а война в Сибири утихла, народ истреблять перестали. Что ж до старичка слепенького – Кучума – чего его жалеть, он барабинцам и другим сибирским племенам был не роднее русских – перешатный мужик, каких немало сквозь Барабу прошло.

Так стала Бараба русской волостью, а барабинцы подданными царя Бориса Годунова. И то утеха – царь-то этот был одним боком татарского роду-племени.

ЧТО ЗА НАРОД БАРАБИНСКИЕ ТАТАРЫ?

Татары ныне живут по всему югу Западной Сибири. В 1926 году их насчитывали 100 тысяч душ. И теперь не намного больше. Неодинаковые они. Сами себя по-разному называют. Одни – тобольск (тобольские, значит). Их около 30 тысяч. Другие прозываются тарлик (тарские, то есть). Этих всего тысяч около 12. Тюмени – поболее 25 тысяч будет. Барабы – тысяч 8 наберется. Еще самые старожилы называют себя мон-керлы-халк. Так они себя отличают от тех, кто с Кучумом пришли из Бухары. Те себя бухарлык величают или сартами, а некоторые – узбеками. Таких всего около 12 тысяч. Есть еще приобские татары – чаты. Это те, которые с приходом русских не обрадовались, а откочевали за Обь. Теперь называются томские и чулымские.

Даже и те, которые барабой зовутся, промеж себя издавна еще по племенам различались: терена, тураш, барама, кирпичи, келебе, каргалы, лугуй и другие. У каждого рода-племени своя была вотчина. Погляди на карте. Барабинские татары заодно с тобольскими от других и языком отличаются. Он у них к кыпчакской группе тюркских языков относится. Барабинцы и среди этих особым говором выделяются. Одно слово, половцы – они и есть половцы.

Язык уберегли, кровь половецкую почти не замутили. Кучум свирепый всех сибирских татар в магометанство обратил. Только барабинцы устояли, свою старинную веру сберегли. Даже и после прихода русских долго еще оставались язычниками-многобожниками. Верили в себя и маленько в духов. Может оттого у нас до сих пор свояк-барабашка в почете? Да уж больно имечко уничижительное, подручное, навроде кошечки домашней. Тогда-то, в былые времена, духов величали уважительно – "хозяевами". В доме жил один хозяин, в лесу – другой, в воде – третий. Каждому месту был свой хозяин. Сами-то люди, выходит, повсюду в гостях себя чувствовали?! Не худо. Гость, не кость, за дверь не выкинешь. А все же в гостях – не дома. Гость – человек подневольный, где посадят, там и садись. Значит, вели себя в лесу ли, на болоте скромно, умеренно, чтоб хозяина не обидеть. Не то что иные нынешние.

Старинные-то барабинцы даже березе или сосне поклоны бить не считали зазорным. Выходили при засухе всем скопом в поле, лошадь или корову резали, просили хозяина небесного, чтоб дождиком посыпал. Садились рядом против солнца, всех собравшихся сытно угощали, кости в воду бросали. То ли кормили божка, то ли намекали ему: вон где

вода-то для дождика. Такой обычай себе на пользу и небожителю не во вред. От богов много не требовали, земле шибко не досаждали.

Житье-бытье вели крестьянское, ячмень, рожь, овес сеяли. Однако сиднем на месте не сидели. Как земля родить перестанет – откочевывали всем аулом на новое место, заранее примеченное. Однако от матери-Барабы далече не отрывались. Так и кружили возле Чанов, как пуповиной притянутые. Отдохнет земляца – возвращались сызнова, брали от нее свое кровное сторицей. Получалась залежная система земледелия. Не без ума придумано. И поныне пшеницу на одном месте больше 2 лет подряд только дурак растит, у которого в голове так же реденько засеяно, как на поле вырастет.

В прежние барабинские времена земле полегче было, чем теперь. Машинами ее тяжелыми, трескучими да вонючими до смерти не топтали, не морили. Обходились сабаном – деревянной сохой с крючьями железными. Серпами жали, цепами молотили. Орудия – немудреные, а все были сыты. В былые татарские времена земля всему аулу принадлежала. Если барабинец подать исправно платил, на ханскую службу ходил, ему надел на всю семью выделяли. Мыслящим и живущим инако – тоже отваливали: большой шиш за сметливость. Коли рождался мальчик – земляцы к наделу прирезали, коли девчонка – ничего не полагалось, кроме мужа. Лет невесте – 13–14, а уж с вечера – девка, с полуночи – молодка, а на заре – хозяйюшка. Нынешних тоже без кормежки оставить, так не сидели бы до 40 лет в девках, опрометью бы замуж побежали – мальчишек рожать, сладкий кус зарабатывать.

Видно, с хлебной землей в Барабе и тогда не густо было. Пахали-то лишь верхушки грив. Разве совсем уж какой дурак внагнет изнахратит склон до изумления. Такого горе-сеятеля по пяткам палкой честили, чтоб ходить по земле не мог без боли о ней. Не рано ли обычай из обихода вышел?

Рыболовство и охота тоже были среди татар в чести. Да и как не быть, ежели озер среди грив барабинских рассыпано – что веснушек у конопатого. Рыбку ау-сетями и альп-неводом ловили. Били щуку острой. На мелких речках ставили поперек русла запоры из тонких прутьшков, переплетенных мочальной веревкой. У берега такой запор заканчивался хитрой ловушкой – кетцой. Рыба туда входила, да выйти не могла. Оттуда ее потом черпали сеткой, на рогатину натянутой. Еще рыли канавки-копанцы от озера длиной до километра. В них устанавливали загородь со свободным входом, да только с одной стороны. В устьях рек четы жердями ко дну притыкивали, ловушки такие, вроде корзины с горлом – конусом внутрь, по-русски – верши.

Охотились на белку, крота, куницу, соболя, колонка, выдру, лисицу, зайца, горноста. Очень любили верховую охоту на волков.

Скотоводством в Барабе только бухарцы занимались. Богатые были люди, все пастбища позахватили. Скота имели сотни голов на одну семью: лошадей, коров, овец. Еще и приторговывали со Средней Азией, откуда родом вышли. Обозы до 500 подвод собирали. Вывозили из Сибири, в том числе из Барабы, миллионы штук кож, шерсть, масло. Устраивали и на месте базары шумливые. Был такой, известный на всю округу, в Тармакуле, недалеко от соляного Карачинского озера, где курорт знаменитый нынче стоит.

Селились татары тогдашние просторно – стране под стать. Село от села – из-под ладошки не видать. Аулы были небольшие. Когда не тесно, то и порядка железного в строительстве не надобно. Вот и ставили дома, как Бог на душу положит. Улицы кривые, узкие, всюду тупики. Деревьев в аулах старинных не было, чтоб на степь было больше похоже. Жилища у барабинцев были поплоче, чем у других сибирских татар. Срубные дома ставили редко, чаще плетневые, глиной обмазанные, с плоской крышей из дерна. Отапливались дома печкой особой – чувалом. Ладили его из тонких жердей, стоящих торчком и также глиной вымазанных. Труба прямая, широкая, над плоской крышей едва торчит. Дрова в такое сооружение ставили вертикально и топили весь день-деньской. Для выпечки хлеба устраивали совсем другие печки – из сырцовых кирпичей на открытом воздухе. Там и готовили. Хлебным духом на всю Барабу несло.

Любили древние татары лапшу на мясном бульоне. Уважали лепешки пресные и пирожки четырехугольной формы с творогом или мясом. На большие праздники готовили пельмени и большие пироги с запеченной внутри цельной рыбиной. Теперь – это общие сибирские блюда,

Жилище татар

уважаемые что татарами, что русскими. Еще готовили алюве из пшеничной муки, заваренной молоком и приправленной топленным маслом. Затуран – тоже мучное блюдо, приготавливали из поджаренной на масле муки; варили его в чайном отваре и подавали к столу с молоком. Любимым к празднику угощением был баурсак – кусочки теста, сваренные в кипящем масле. Когда их на стол подавали, еще смазывали обильно медом и сахаром посыпали. В меду да в масле и ошметок съешь, а тут такая облизнятина! Об ухе и баранине – что говорить. Все знают, что татары – мастера шурбу делать. А мы отведать...

И в те времена не каждый день вкусно и сытно ели, но, наголодавшись, на праздники уж непременно чревобесие устраивали. Потом год помнили.

Из всех праздников для татар самый любимый был в начале лета – Сабантуй. Известно, Первомай многие народы, даже и не очень трудящиеся, испокон веков отмечали, радовались народженью природы после зимней мертвечины. Называли этот праздник по-разному. В Барабе вот – Сабантуй. В этот день плясали татары и песни пели под дудку-курай из полого стебля с дырочками прямоугольными на тонком конце. Под кабыз – инструмент язычковый, с пластиночкой вибрирующей медной – сказывали друг дружке скорым говорком всякие смешливые шуточки, по-нынешнему, частушки. Как смеяться надоест, вспоминали серьезные героические сказания про знаменитых богатуров, т.е. богатырей.

Девки да молодухи татарские к празднику наряжались, что лужайка в лесу. Идет такая пава в рубашке широкой с разрезом посредине (не подумай чего плохого) и низким стоячим воротничком. Шелк бухарский кольшется, переливается, узоры пестрые мельтешат, формы, от глаза ускользающие, воображение дразнят кому надо. Воротник рубашечный красным сукном подбит, вышит золотом или серебром да еще украшен густо нашитыми пуговицами, блестками да монетами. В таком и кривая шея лебединой покажется. Под рубашкой верхней – нижняя холщовая или миткалевая, заправленная в широкие шаровары. Они под коленками завязаны шнурочками, на всякий случай, чтоб мухарь ненароком не залетел.

К хорошему наряду голова нужна, а к ней, того важнее, головной убор. Девушки татарские причесывались гладко, а волосы заплетали в две косы. Замужние, чтоб к ним зря не привязывались ухажеры, вплетали в косу ленту с нашитыми монетами. Чем богаты, тем и рады: кто молодостью, кто деньгой. Все татарки на голове колфак носили – убор вроде мешка, к верхушке закругленный, вышитый шерстью, серебряной ниткой, бисером, жемчугом. Убор такой и девушкам, и замужним женщинам полагался. Колфак так полюбился, что даже в XIX веке еще в почете был, не только у татар, но и у русских (колпак). Богатые та-

тарки – те еще нагрудные украшения носили: золотые и серебряные тонкой работы, для красоты и от сглазу. В ушах – серьги, на руках – браслеты, кольца, на шее – бусы. Молодки не хуже нынешних ногти красили свежими листьями бальзамина – в красный, а мятой гвоздикой – в желтый цвет. Запоминай, девчонки, еще сгодится древняя наука! Зубы не белили, а, не приведи Господь, в черный цвет мазали. Вся эта женская красота ходила по барабинской земле в сафьяновых многоцветных сапожках.

Мужики татарские – тоже не лыком были шиты. Обряжались в бешметы с большим стоячим воротником, сборками и короткой талией. Украшением бешмету служили пуговицы, попарно пришитые двумя рядками на коротеньких шнуручках. Все остальное, что в бешмет не помещалось, в шаровары широченные упаковывали. На бритой голове вместо волос – аракчин, шапчонка такая круглая, с маленьким плоским околышем, а уж поверх нее – шапка. На ногах – шерстяные чулки и кожаные сапоги. На сапогах – самая большая красота – кожаные галоши с язычком на подьеме.

С доброй еды, ладно обряженный, Сабантуй шумел, что деревья в бурю, на всю Барабу. Веселился народ всюю. Самые резвые ребята промежду собой состязания всякие устраивали. Бежали, держа в вытянутой руке ложку с яйцом; лазали на столб, жиром мазаный, за сапогами – у кого нет; бегали в мешках наперегонки. Игры – все знакомые. Русские их у татар переняли. По сю пору всем миром дружно бежим в мешках, с ложкой, а скоро и на столб с осатанения полезем за выеденным яйцом.

У каждого праздника один недостаток есть – быстро кончается. После него почему-то, как назло, все дни – будние. В такие – и работа тяжелая, и еда скромная, и одежда поплоче. Татарские мужики-мужиковичи носили летом камзул, а зимой – шубу овчинную без воротника, крытую сукном, нанкой или дабой. Поверх шубы лежал кожаный пояс, изукрашенный металлическими бляш-

Одежда татарки

ками и пряжкой. Бывали и шерстяные кушаки. Камзул и женщины носили, только они его маленько приукрашивали, чтоб и тут мужчину обскакать, свое женское преимущество выказать. Еще были в ходу халаты, ватой выстеганные, с опушкой меховой. Ноги в ичиги обували. А сверху – обязательно галоши. Когда кожаные галоши уступили место свое галошам резиновым, блестящим – те еще больше татарам полюбились. До сих пор многие носят. Где только берут?

Культура татарская в Западной Сибири всегда казанской сродни была. А века с XVIII начались еще массовые переселения поволжских татар в Сибирь. В XIX и XX веках передвижение это особенно заметным стало. Перешельцы селились обычно особняком, а когда и вперемежку с местными. Однако и в этом случае различия между ними сохранялись. Пришлые татары по русским правилам, придуманным Михайлой Сперанским – законником екатерининским, приписаны были к сословию инородческому, а коренные – к крестьянскому. Были еще служилые татары. Это те, что приставлены были на военную или административную службу в русских острожках и городах. Многие татары, как возник Московский тракт, занялись извозом. Из них знатные ямщики получались. А чего ж? Тулуп с кушаком – одежда свойская, и к лошадям привычные! Замерзай знай в степи глухой, чуя смертный час. Те татары, которые на земле разорились, налогами замороченные, подались в города – в рабочие.

Татар-барабинцев русские поначалу пытались от многобожия отучить и в православные переобychить. Да не вышло. А вот в магометанскую веру при подмоге татар казанских все же обратили. За одним-то богом, как бы его не звали, надзирать удобнее. С тех пор барабинцы среди мусульман – сунниты. Некоторые и в Мекку хаживали. Потом, в Барабу возвратившись, выделялись среди других зеленой чалмой. Татарки, согласно мусульманскому обычаю, одно время намазное личико платком закрывали при выходе на улицу. Потом передумали. Богатые татары заводили до четырех жен. Как терпели, нам, русским, невдомек. Мало что четверной калым заплачен, так полагалось каждую селить в отдельный дом. Знать, не в одном русском народе ведают, что одна женщина – баба, две бабы – базар, а три – ярмарка.

Кроме мусульманских обычаев, много и русских привычек к татарам перешло. Да и то, с кем поведешься, от того и наберешься... Русские от татар тоже не самое худое взяли: базар, колпак, пельмени... – мало ли. Так незаметно единая культура возникла – сибирская. Она всех, кто в Сибири живет, одним кушаком повязала. Все мы теперь – и русские, и татары – под одним колпаком сидим, одним пельменем по губам мазаны, всем на хорошем базаре цена золотая, а на Москве, как ни нахваливай, – пятак.

КАК БАРАБА ТАТАРСКАЯ ОБРУСЕЛА

Русские, Сибирь покоряя, все больше по рекам продвигались. Так быстрее, сытнее и безопаснее было. На берегу острожки ставили. Потому на Оби-реке обосновались раньше, чем в Барабе. Она долгонько еще беспризорной была, как дитя без глаза у семи дядек...

С конца XVI века нападали на барабинцев граничившие с ними по реке Карасук телеуты. Их еще белыми калмыками называли. Немало было в калмыцких степях рабов из барабинцев. Потом их по ходатайству пограничного русского начальства сотнями сызнова в Барабу возвращали. В 1604 году прикочевали на Обь калмыки черные – ойраты. Тоже барабинцев щипали, как гусей, – требовали дани. Тут еще некстати с середины века XVII окрепла страна Джунгария и тоже Барабу прикарманить захотела. Да так назойливо, что вынуждена была Москва уступить, признать джунгарское право на сбор ясака в Барабе. Целый век так было.

Однако русские потихоньку, как лиса избушку лубяную, Барабу к рукам прибирали. В 1625 году построили тихой сапой летний острожек на большом Убинском озере. А в 1722 году стояло в Барабе уже три постоянных укрепления: Усть-Тартасское – при впадении Тартаса в Омь, Каинское – в среднем ее течении, ну и то самое на юго-западном берегу Убинского озера. Гарнизоны этих укреплений тем занимались, что обозы, которые шли по Московскому тракту через Барабу, от охальников-степняков сторожили.

В гарнизонах жили смелые служилые люди. Летом 1741 года академик Гмелин, Восточную Сибирь дотошно изучавший, из путешествия возвращаясь, навестил барабинские острожки. В Убинском застал 50 казаков, русских и татар, живших там бедолагами без жен и детей уже 6 лет.

Попозже того между острожками появились зимовья да почтовые станции. А в 1764 году недалеко от Каинского поста у озера Саила понад Омью-рекой встала первая русская деревня по прозванию – Ушкова, с избами рублеными, полями пахаными, детишками белобрысыми, то и дело с чернявинкой.

Так вот в середине XVIII века было наконец покончено с двойным подданством барабинцев. Тут уж постоянные гарнизоны в барабинских укреплениях были распущены, а казаки вступили в крестьянское состояние.

Карта Барабинской степи*

Русские в Барабе мало-помалу числом множились. Слали сюда из России людишек нежелательных. Должно им было для царской надобности обихаживать тракт разъездной. Правду сказать, черной работы хватало: дороги насыпать, мосты ставить, болота непроезжие гатить, подводы ладить и чинить. Ямщиков одних между Тарой и Томском 1,5 тысячи требовалось. Нужны были люди охранять тракт от разбойников.

Несладко было пришельцам чужие места обживать. То и дело на берегу лазили – Москву выглядывать. Вот и тракт называли не Сибирским, а Московским. Люди все терпели, теснехонько к тракту прилепившись. По нему в Сибирь попадали, по нему обратно деру в Россию давали, когда совсем неумоготу становилось. Сколько ни слали народу в Барабу, его

все не хватало. Да и то, в дырявый-то мешок не напихаешься. Из России по грязище непролазной ну-тко навози фуражу для скота да ртов служилых. Ждут-ждут обоза, а дождутся навозу.

С 1700 года стали гнать в Барабу не кого попало, а крестьян помещичьих в счет рекрутского набора. Раз такое дело, всякий помещик норовил сбыть с рук долой человеческий товар, какой похуже; подсовывал в Сибирь мужиков дерзких, вороватых, разбойных, а баб – непокладистых. С такими водиться – что в крапиву садиться, хоть в России, а хоть и в Сибири. Одна отрада – этих обратно в Россию уж не тянуло, потому что ничего хорошего им там не светило...

Через шесть десятков лет еще подкрепление в Барабу подоспело – ссыльные в Сибирь потянулись журавлями тонкошеими, этап за этапом. Затем Екатерина Великая указ сочинила, чтоб беглым поблажку сделать, вернуть их в Отечество. Однако условие было поставлено: наказания иного не будет, если жить будут не в России, а в Барабе. Так или иначе, облюбили наконец с грехом пополам барабинский край. Начали поселенцы селиться у тракта, стали и по сторонам шастать, сначала по охотничьей надобности – временно, потом осели надежно по всей Барабе. Деревенек округ прибавилось. В иных по 75 дворов набиралось. Новые люди жили вроде как дома, а все не забывали, что в гостях. Несогласье свое с подневольной жизнью на свой лад выражали. Родина ведь там, где родился или родил. Русские поначалу в Барабе рожать не желали. То ли слабо ветер дул, то ли детишки мерли в непривычной чужой суровости? Вот деревенька примерная: мужиков 65 грешных душ и баб столько же. Все – не старые, лазать горазды не только на березу, не хилые – тысячи верст пешедралом в кандалах протопали, живы остались. Ночи в Барабе не короткие. Вроде все ладом. А детей на весь хоровод 14 душонок. Год-то уж шел 1771-й, а было на всю Барабу 4438 русских, среди них 634 малолетних.

Татары природе барабинской родней, чем русские. Им тут хоть и гнило, а все-таки мило. Однако и они не расплодились. За 200 лет русского населения татар в Барабе не убавилось, но и не прибавилось. Было и осталось тысячи 3–4. Эти – коренные, плоть от плоти барабинской земли, нутром чуяли, что в каждой стране столько народу должно быть, чтоб угодым лесным, травяным, озерным было не накладно от человека, чтобы каждое урожденное дитя жило счастливо, сытно, было родным матери малой – человечьей и матери большой – природе.

Не то русские. Эти, как обжились маленько, так с XVIII века стали свой уклад жизни налаживать, с запада принесенный, навязывать местной природе чужие ей привычки. Зачали плодиться с оглядкой на Русь, Барабу в расчет не принимая. Уже в 1790 году число русских

деревенек стало 85 и с татарскими числом сравнялось. А по количеству душ русские обошли татар раза в четыре.

Для прокорма такого поголовья хлеба из России не напасешься. Пришлось все-таки на месте его сеять. А земля-то барабинская скудная, не чета Курской, Тамбовской, Воронежской – чернотной, откуда крестьян пригоняли. Там перегнуто плодородного в земле больше 1,5 метров, а в Барабе и полуметра не наберется. Вот хлебушко-то на одном месте больше 5 лет подряд и не родился. Приходилось участок выработанный бросать, новое место осваивать. Старое приходило в себя только лет через 25. С такой меркой и на барабинском приволье не разбежишься. Места-то для пахоты пригодные природа припасла только на вершинах грив. Красно глядеть, а жить-то негде. С таким маятным земледельцем рассыпались русаки по всей Барабе горохом. Иной раз угодыя у одного хозяина за 25 верст друг от дружки располагались. Деревни русские и татарские вперемежку оказались. Хочешь – не хочешь, дружить ли, ругаться, а вместе жить.

С хлебного прибытку довели русские свое население в 1790 году до 20, а к 1840 году до 54 тысяч человек. Женщины теперь мужчин по числу догнали. Теперь можно было по сердцу женишка выбрать, а не идти за кого попало. Ну, где любо, там и детишки ласковые, желанные. Жизнь пошла покладистой. Занимались хлебопашеством, скот разводили, лен, коноплю выращивали; огородничество в чести было. Охотились и рыбу, конечно, ловили. Наросло людей, что волосьев на голове. Каждому хлебушко да мяско к столу подавай. Землю теперь не 5, как век назад, а уж 10 лет подряд обрабатывали. Все наесться хотели досыта. Соки из землицы выжав, бросали ее, бедолагу, на произвол судьбы. Знали: раньше чем через 30–40 лет барабинская земля из праха не восстанет. Потому заранее заботились заимки да запасные станы за семьей навечно закрепить. Так всю Барабу размежевали на наделы, потому каждому двору надобно было не менее 1000 десятин удобной земли. Простая жизнь с той поры в Барабе кончилась. Где людям тесно и хозяйство многоукладное, там завсегда страсти кипят. Землю делить – нужен землемер не по винной части, и судья, который за скот уворованный с соседа спросит. Грехи тяжкие без попа не замолить. В Таругород, которому Бараба подчинялась, за всем этим далековато таскаться. Пока с жалобой едешь, либо зло пройдет, либо сосед помрет, либо сам согрешишь. Тут, кстати, Екатерина-царица еще указ подарила, Каинскую слободу городом нарекла. Еще через 2 года этому городу уезд приписала – само собой – Каинский со всей Барабой. Был и герб определен новому городу: золотой бык в зеленом поле. Будто прямо с луга барабинского прибежал, где траву душистую только что щипал. Прозвание свое город получил от речки Каинки, на которой стоит. А ей имеч-

ко это досталось в наследство от кетского древнего племени. Означало на ихнем языке – то ли коен-медведь, то ли кай-лось. Каин библейский, который Авеля убил, тут ни при чем.

Имел Каинск при наречении его городом одну версту и 350 саженой в окружности и население 658 человек. Жили горожане новоявленные в 108 обывательских домах, ходили в 3 казенных магазина да в церковь приходскую, где грехи на хранение сдавали.

Не было в городе ни фабрик, ни заводов, ни промысла торгового, ни купцов. Вот тюрьма была и питейные заведения тоже. Иначе как бы российское могущество Сибирью прирастать стало? Кормились горожане собственным сельским трудом да еще с ложки государевой – той, которой чай заваривают, с дырками. Город рос быстро, как снежный ком. К году 1861-му, когда крестьянам в России волю дали, было в Каинске уже 3243 жителя. Среди них и крестьяне, и служилые люди, дворяне, а больше всего купцов (156 душ) да мещан (1692). Стало быть, Каинск к этому времени городом можно назвать торговым. Через него Сибирь Москву кожами да медом, золотом да пушниной своими, сибирскими, чаем да шелком китайскими, мануфактурой среднеазиатской щедро одаривала. Сама Бараба еще одну диковину производила – чистое масло духовитое по прозвищу "Белый Лебедь". Его купцы заморские к себе в Европу увозить не брезговали, хоть сами были знатные маслоделы. Однако в Европе, до блеску улизанной, все людьми придумано: и коровы и луга. Барабинское масло пахло волей и дикотой. Его и к царскому столу завсегда подавали, чтоб особы российские не похудали. Цари мнялись, а масло барабинское и после 17-го года царей в теле держало.

Ядринцев Николай Михайлович – ученый человек, за Сибирь радетель, в 1878 году углядел, что барабинские жители к этому времени мало-мальски обустроились и живут безбедно. Крестьяне извозом тогда промышленяли на тракте, постоялые доходные дворы держали. Редко у кого не было 2 лошадок во дворе. Многие имели по 10 и боле. Были и совсем богатенькие – водили табуны несчитанные. Недаром одичалые лошади по барабинским просторам бегали. Их потом выловили, в хозяйство сызнова определили. Лесом в Барабе тоже приторговывали. Охотничий промысел был в почете, потому что Россия грязь месить только в мехах согласна.

Доставалось все это нелегко. Бараба со своими богатствами расставалась с неохотой. Каждую малую толику сторицей оплачивать приходилось. Потому ни один рот в семье дармовым сызмальства не был. Мальчонки – недомерки шестилетние, и те были при деле: скотину на водопой гоняли, верхом охлюпкой ездить умели, ножонками враслопырку. С 7–8 лет мальцы уж и на пахоте отцам помогали. Только что за девками с устатку не бегали. Девки для трудовой надобности старались

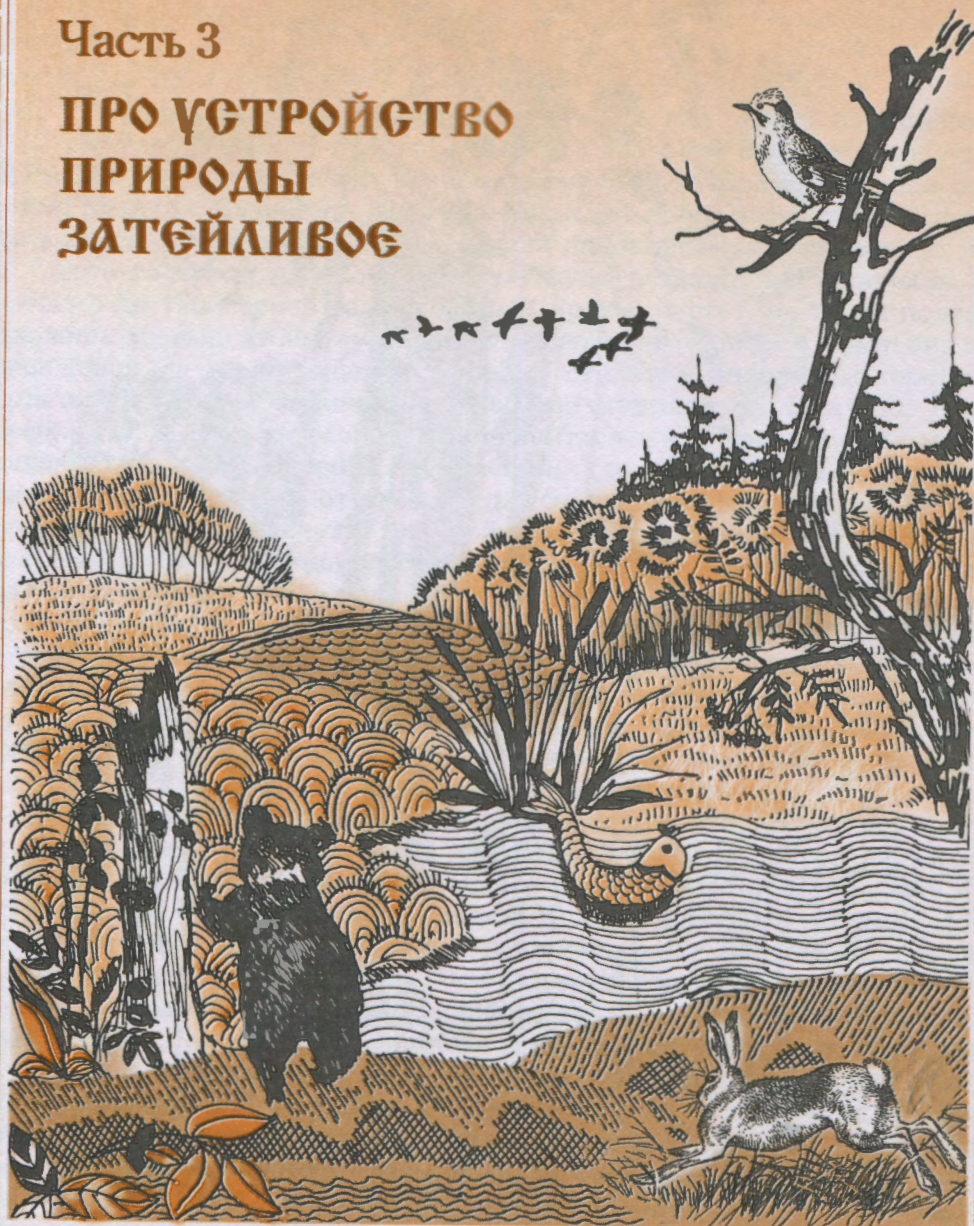
держат в барабинской семье подольше. Замуж выпускали поздно, лет с 20. Потому свадьба чаще всего была убегом, без родительского благословенья. Сговорит парень девуку... и айда не в ближний стог, а на сторону подальше. Где-нибудь подале осядут, свое хозяйство заведут и живут – не тужат. Раскольники так делали, чтоб в церкви не венчаться; другие, чтоб на гулянки не тратиться. Праздники любили такие, где расходы поменьше. На масленицу строили снежные городки и в последний крещеный день воевали их понарошку – стенка на стенку. Доставали на праздники из заветных сундуков самое лучшее: на ноги сапоги с шерстяными чулками; сверху полушубок, сукном крытый; на голову – шапку черную плисовую с меховым околышем. Вот и готов барабинский мужик. Летом на нем – шаровары плисовые, рубаха красная, подпоясанная шелковым кушаком, да безрукавка короткая, тоже плисовая. Иной раз еще халат сверху надевали из голубой китайки и шляпу поярковую, с широкой полосатой шелковой лентой. Крестьянка барабинская в редкие праздные денечки щеголяла того краше – в красных башмачках, сарафане из плотного шелка, в шали тоже красной на игривых плечах. На голове – платок-убрус, расшитый золотом и мишурой. Зимой поверх этого полагалось в Сибири надевать овчинную шубейку, крытую шелком или китайкой.

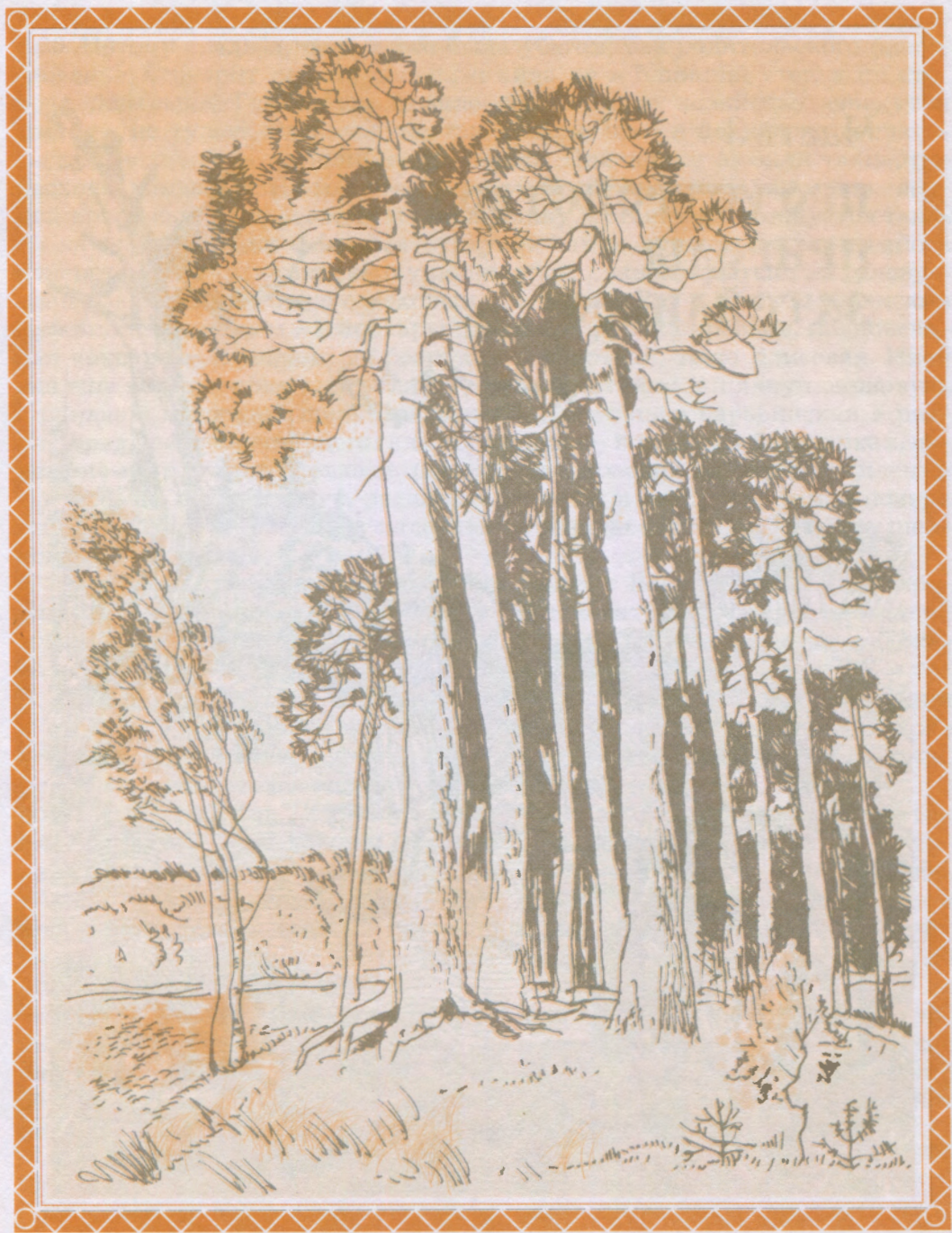
Кончился праздник – опять будни, опять с Барабой за каждый прожитый день на кулачках биться. В этой диковатой стране урожай не на земле, в небе зреет. А все ж население к 1893 годуросло ли, набежало – 127 тысяч душ. Так Бараба совсем обрусела.

Самодийцы и угры, кыпчаки и кыргызы, телеуты и ойраты, узбеки и русские – вот сколько народов Барабу вниманием пожаловали. Даже многовато разного люда на такую незаметную страну. В других местах, медом мазаных, человечья история наследила кремлями, церквами, городами, крепостями, дорогами мощеными, а тут... шли вроде обутые, а следы босого. И те дождем размыло. Дорога железная, которой в конце XIX века Барабу как пикой проткнули, так и стоит сама по себе. Бараба осталась неприкаянной. Есть в этой неустроенности какая-то мозольная загадка. Отгадки ни один народ не оставил: не записал ни на монастырской стене, ни на камне придорожном, ни на бересте. Где ответ-то искать-разыскивать?

Когда его сам у себя найти не можешь, надо в природу как в зеркальце волшебное поглядеться. У нее спросить: что да как? Хорошо спросишь, может и ответит. В ней, природе, – вся соль. Она неумелого обучит, неумелого остудит, очмурелого вразумит, а дурака – внагнет накажет!

Часть 3
ПРО УСТРОЙСТВО
ПРИРОДЫ
ЗАТЁЙЛИВОЕ

НЕБОМ ПОКРЫТА, ПОЛЕМ ОГОРОЖЕНА, А ДИКОВИН – НЕ ПЕРЕЧЕСТЬ

Речки да озера, гривы да лощины – эка невидаль! Такого-то добра вокруг прорва! Разве что название броское, каркучее – БАРАБА! Ну, так в России разномастной, необъятной и похлеще отыщется: Мещера, Бырранга, Кулунда. Мало ли? А все ж Бараба, куда глазом ни коси, как носом ни води – страна диковинная, промашки тут нет!

Место-то вроде плоское, тихое. Откуда природному разнообразию взяться? Ан 100 метров не пройдешь – другое растет, не такое ползает. Захочешь многоцветьем луговым духовитым потешиться – вот он, луг, мятликовой да шелковицовой муравой стелется, мышинным горошком заплетается, подмаренником да таволгой кудрявится. Надумал грибы пособирать, к березке-зазнобе прислониться – тут он, лес, рядышком, доскочишь – дух перевести не успеешь. Утомила теснота древесная – отдохни, в двух шагах от тебя степь, солнышком прогретая, ветерком продутая, ласково шелестит злачной травушкой. Ну а коли дуриком или за крайней какой нуждой в болото тебя понесет – так и оно чуть наодаль – за полчаса добредешь. Авось и выбредешь! Неподдалече и озеро с рыбой, дичью да мошкаррой. Досадило болото комаром, отдалвил он тебе ногу ненароком – тогда на солончак подавайся. Гляди-ко, он лежит голяком бесстыдным среди порядочной зелени – беленок, да не простенек. Так круто посолен, что все ему нипочем. Ничего и не вырастет на таком, окромя солянок, покрасневшихся маленько за свою соленую похотливость. Комар – и тот солончака сторонится, потому что спрятаться от солнышка горячего некуда и кусать некого.

Степи, луга, лесочки, болота, солончаки, солонцы, речки да озера – все друг от дружки да еще внутри себя различаются как неродные. Луг лугу не ровня. Не каждый лес – колок! Не всякое болото – займище! Бараба разноугодьем красна! Уделы природные по Барабе вперемежку раскиданы, что горох рассыпан. Все маленькие да кругленькие. Вот нам и дело – горох собрать, кашу мысливую сварить, разобраться: как природа устроена, какие у нее секреты есть, почему она такая, как нигде?

Прежде чем такой как есть предстать, природа барабинская долгую да егозливую жизнь прожила. Все, что есть у нее сегодня, от той жизни зарубки на память. Силой, разуменьем да красотой – не разом налилась. Накрутилась, навертелась, пока разобралась, какой быть. Напервах попробовала она жить водяной мокрой жизнью. Получилось! Да так

понравилось, что и сейчас двадцать пятая часть барабинской земли под водой проживает. Следом за тем интересно стало природе жизнь болотную, полуводную-полусухопутную испытать. И тут не осрамилась. Так разболотилась, что и сейчас треть территории под ногами чмокает. Еще попозже научилась Бараба лесное обличье принимать. И это дело заладилось. Знатные леса получились. Их тоже на память сохранила. До сих пор не менее трети барабинской наличности лесом кучерявится. После того затравянилась Бараба, залуговела, разнобыльем заросла. И это обличье тоже себе на память, нам на радость сохранила. Попозже степной сухонькой жизнью вековать сподобилась. Так и живет теперь во множестве ипостасей. Вот и ладно! А то бы мы никогда и не извели сполна всей ее диковинной красоты.

Из самой древней своей жизни – водяной – оставила нам Бараба на пользу и развлечение речки нетекучие да озера бродячие. В них маленько поплаваем, тайны их поразведем. Вода не просто барабинскую землю красит, от нее все своеобычье страны диковинной происходит.

Глава 11

ПРО РЕЧКИ НЕТЕКУЧИЕ, ОЗЕРА БРОДЯЧИЕ И ПУП БАРАБИНСКОЙ ЗЕМЛИ

Сколько лощин в Барабе – столько речек в ней было. Не сочтешь! Большая часть высохла, а маленько осталось. И те из последних водяных сил пыжались сохранить свое речное обличье, чтоб их с озерами не спутали. Среди всех барабинских речек только Тара пограничная, да Омь, что Барабу 750 километров напролет сечет, на речки похожи. Да и те неторопкие. В половодье скорость течения не более метра в секунду имеют. А в межень, если на две десятых метра за секунду сами себя павушкой пронесут, так уж и запыхаются. Долина у них не ступеньками к воде спускается, как путевым речкам полагается, а корытом крутобоким впячивается метров на 10–15.

Весной, в разлив, такие речки, нахлебавшись вдосталь шальной талой воды, из корыта своего тесного выпрыгивают и все вместе, хороводом единым слившись, по Барабе кружат, кружат. Тут уж не поймешь, где река, где озеро, а где море разливанное.

Вода в реках барабинских темная, красноватая, как чай спитой. Это от добра органического, которого в ней богато намешано. В каждом лит-

ре воды – 32 миллиграмма углерода. Зато водичка-то мягкая, очень приятственная для купанья и мытья головы.

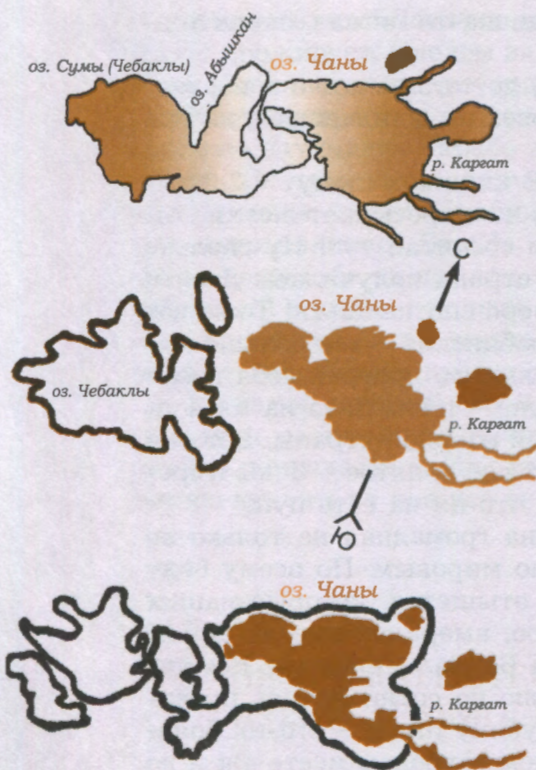
Речки помельче Оми, навроде Карасука, до того зачали в последнее время, что не будь названия на карте, вовек не догадаешься, на них гляючи, что речки они, а не озерки.

Ну, а озер в Барабе, что звезд на небе. В книжках пишут – 2,5 тысячи. Коли не врут, так и правда. Их столько же пересыхает в сухие годы, сколько во влажные нарождается. Вот и сосчитай тут! Ну сколько бы ни было – все едино настоящая озерная страна получилась. Десяти километров не пройдешь – обязательно об озеро споткнешься! Тоже вот диковина! Не всюду ведь так-то. Озерки барабинские – все больше махонькие, с зеркальцем кругленьким или овальным, поперек себя помене версты. Больших озер, что пальцев на руке – пять. Зато на их водную долю причитается 60 % всей барабинской озерной страны. Вот они удалцы: Урюм да Тандово, Убинское да Сартлан. А пятое – Чаны и среди этих – особенное. Оно всей Барабе самый что ни на есть пуп!

Диковина дивная озеро Чаны – водоемина громадная не только по здешним барабинским меркам, а, почитай, по мировым. По всему белу свету только два десятка знаменитых озер отыщется, которые наших Чанов просторней: Каспийское великан-озеро, американские да африканские озера: Гурон, Мичиган, Виктория, да Байкал – сибиряк. Все эти далекие озера широко лежат, да еще в землю на сотни метров провалились. Ну и наш Чан тоже не подкачал. Глубину имеет – ого-го: боязливому – по ухо, смелому – по колено. В самом глубоком месте аж и до 2,5 метров наберется. Думаешь, обидно Чану за такое перед другими знаменитыми озерами? Ништо, коли бы не мелкость эта самая, никогда б ему на 3500 километров квадратных не разлиться и с известными озерами статью не помериться.

От мелкости еще один чудесный чановский секрет происходит. Нету у Чана-озера места своего единственного, площади постоянной. То разольется океаном на четверть Барабы, то усохнет со слезу. Бывало, в веке XVII шибко большой Чан получался, аж на 10–12 тысяч километров квадратных. В него тогда нынешние самостоятельные озера Тандово и Сартлан в восточной, а Чебаклы, Сумы и другие в западной частях Барабы полностью входили. Речки Баган и Карасук, Чулым и Каргат, которые ныне из болот никак не выпутаются, тоже раньше в Великий Чан охотно впадали.

В Барабе бывает порою – вода течет горою. То-то диковина. В многоводные времена, когда уровень озера над нынешними 105 метрами еще на каких-то 4 метра подымался, утекала чановская водичка

Как озеро Чаны усыхало

по древнему руслу реки Карасук на юго-запад в Иртыш-реку. Так-то не единожды. После потопа в XVII веке Чан так усердно истекал, что уж через 100 лет ослабел; русло древнего Карасука иссохло; опять от Чана прежние озера отделились, а сам он вполовину водой оскудел. Да не навсегда. В начале XIX века сызнова Великий Чан возродился и на 8 тысяч километров квадратных расплескался сытой водой. Немного погодя вновь кукожиться затеял. И опять, после усыхания, разливался, но уж только на 3,5 тысячи километров. А с 50-х годов нашего уж века чахнет озеро, как девка без конфет. Смотреть жалко. Одно надеждой тешит: такое с Чаном уж случилось. Давненько, правда, дело было. Четырнадцать тысяч лет назад Чановская впадина и вовсе сухой была. Люди сверху с самолета углядели под водой нынешнего Чана древний затопленный бережок, что уступчиком над дном торчит. Дырку в том уступчике пробуравили, пробу грунтовую оттуда выковыряли, все дотошно просмотрели, пощупали, химию всякую проверили, наконец убедились – на суше тот уступчик родился. Значит, высыхало Чановское озеро до пыли. Инда ничего! Возродилось, и уже 13 тысяч лет плещется. Глядишь, природа-матушка спохватится – еще разок Чаны выручит, потоп напустит. Люди нынче жалуются: Чаны сохнут! А ведь и при потопе тоже не сладко будет – причала не сыщешь и рыбу выгружать некуда будет. То-то обуза!

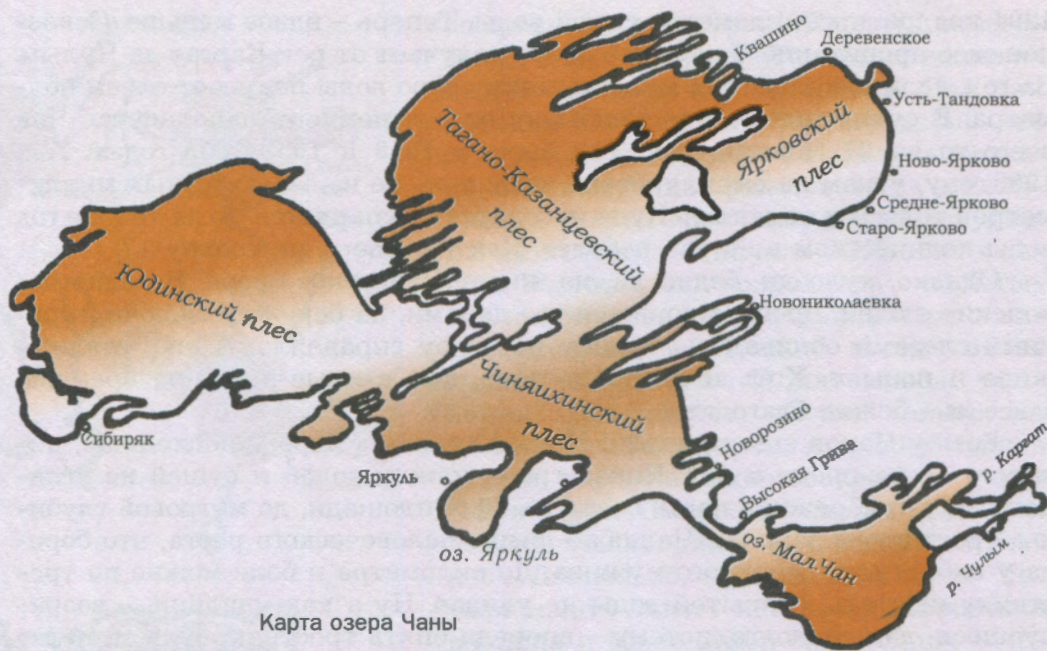
Кроме долговременных вековых бывают колебания покороче и почаще. Подметили пытливые люди, что через каждые 30–35 лет наполняется озеро водой; лет 6–8 через край брызжет и вновь на глазах тощает. В годе 1974 было в Чанах

1294 квадратных километра сытой воды. Теперь – вдвое меньше. Основное свое пропитание Чановское озеро получает от рек Каргат да Чулым. За год, если влажный, их милостынями озеро воды получает слоем полметра. В сухие годы, когда прибытку от рек немного, наполняется Чан всего-то на 27 сантиметров. Так было в 1948 и 1952–1953 годах. А в 1968 году, уткам на смех, уровень воды в озере на 5 несчастных миллиметров только и поднялся. Куда ж годится? Испаряется-то за тот же год воды количеством в 30 раз поболее. Как тут озеру не усохнуть?

Однако, худо ли, бедно ли, но живет Чановское озеро. Не одно поколение людей, пробавляющихся его дарами, на бережку сидючи, горькими слезами обливалось, тризну по озеру справляло. А оно, гляди, – живо и поныне. Хоть и не процветает, как в иные-прежние времена, а все ж – божья благодать!

Есть у Чанов еще причуда! Поначалу, как к берегу подходишь, никакого озера вроде и нет. Никак грань между водой и сушей не углядеть. Вся прибрежная часть озера на 30 % площади, до метровой глубины, тростником заросла. Чащоба – выше человеческого роста, что борода у сибирского небритого мужика. До километра и боле можно по тростнику шастать, открытой воды не увидав. Ну а как увидишь – возрадуешься, да ненадолго, потому – впереди опять тростник, будь он неладен! Дно Чановское – близко, берег – будто обкусанный, чуть где на метр повыше – снова тростник торчит. Много и островов. Вроде 70 с первого пригляда. На самом-то деле – все от обводнения зависит. Поприбавилось водицы – тонут острова вздохом. Поубавилось – все островки наружу выскакивали – на солнышко поглядеть. Большая их часть – это гривы древние, в прошлом сухопутные, ныне утопленные. А бывают еще сплавины из травы и веток, илом припорошенные. Если бережок к бережку вместе сложить, окружность 40 чановских крупнейших островов составит 500 километров – как раз от Новосибирска до Чанов пробежаться.

Озеро потому Чаны зовется, что их, Чанов-то, несколько. Есть Большой Чан – 82 километра на лодке плыть, чтоб пересечь. Есть Малый – в 4 раза короче. Большой Чан тоже из нескольких чашек состоит. Вода в них тихонечко чешуится, потому их зовут плесами. Плес в середке озера – Тагано-Казанцевский – самый из всех мелкий. Воды в нем – по уши, если на голову встать. Юдинский западный плес, Чиняихинский южный и Малый Чан – цапля вброд перейдет. А вот Ярковский восточный – поглубже, до 2,5 метров будет. Самое глубокое место – не в самих Чанах, а в озере Яркуль. Там местами до 8,5 метров доходит. Этот Яркуль никак не разберется: то ли он с Чанами в родстве ходит, то ли сам по себе. В 1840–1850-х годах отделился было Яркуль от главного хозя-

Карта озера Чаны

ина. Да уж через десяток лет не выдюжил одиночества и вдругорядь заливом чановским стал. А в 1890 году сызнова обособился. Ему, озеру-то, что? Плещись да плещись. А людям каково лодки на своем горбу таскать, когда протока пересыхает? Вот граждане барабинские на это озерное своеволие до 1903 года смотрели-смотрели да канал и прорыли; притянули Яркуль к Чану силком, чтоб больше не бегал, не озорничал. Канал с 1920 года, как всякая жизнь человечья в России, заилился, зарос. Полвека люди, улучшенные до самопотери, терпели, тужились. А в 70-е достопамятные годы открытие открыли – канал прорыли. Да не один-два. Переплюнули-таки знаменитого генерала Жилинского – слугу царского, который каналами в Барабе до революции маялся. Генерал, а два канала прорыть не додумался. Сказывают, жадный был: землю берег, людей и деньги.

Водица в Чанах – маленько соленая. Соли в ней граммов 5 на литр намешано. На мелководе, куда свежая вода не притекает, а старая испаряется на солнышке под ветерком, будто тает, солей даже и до 20 граммов на литр доходит. Так – в Юдинском усыхающем плесе. Соль, коли без избытка, живности не помеха. Потому жильцы, растительные и животные, чановскую водичку присутствием своим жалуют.

КТО В ЧАНАХ ЖИЗНЬ КОРОТАЕТ

Растений в самом озере и на кромке суши – чертова дюжина видов набирается. Вроде и небогато. Зато и без помехи друг дружке. Плодись, размножайся, выполняй божью заповедь, сколько запалу хватит. Тут, среди всех, тростник – главная заводила. Он пятую часть огромного Чановского озера заполонил. На мелководных плесах тростниковой чащобы – больше, чем голей. Ежели на вес, так на каждом метре воды произрастает 3,5 килограмма тростниковой соломы. Да еще рдестов кило. Рогоз – тоже растение на Чанах обычное. Он тростника капризнее – соль не любит, потому растет на юго-западном берегу, где поглубже да попреснее. Статью рогоз тростнику не уступает – вымахивает метров до 3, а то и до 6. А вот цветки у него не метелкой раздрызганной торчат, как у тростника, а ядреным коричнево-бархатистым початком.

Где тростнику, рогозу и камышу глубоко, там водоросли хозяйничают. Хары зеленым пушистым ковром дно выстилают. А еще наяда морская, уруть, роголистник да пузырчатка воду изумрудом красят. Сверху озеро застелено покрывалом из ряски. Всякая жизнь – до поры до времени. Такова и растительность чановская. Живет-живет да и отмирает потихоньку, по листику, по веточке все лето летнее. Листок прибавился – листок отошел. Как в аптеке на весах. Ну а как зима подкатила... тут уж, кроме подземных корневищ, все в мертвечину превращается. Всю зиму напролет шершавят взгляд заросли скорбным скелетом. А весной от этого 17 миллионов тонн сырой массы органического продукта получается. Ешь озеро, набивай утробу до чревобесия, не жалко. Однако богатый такой каравай – пошире Чановского рта оказался. При мелкоте озерской объелось бы озеро до смерти всего за пару лет. Слава Богу, бактерии выручают.

Они, хоть и малы ростом – не во всякий микроскоп углядишь, а числом и трудолюбием свое берут. Их в каждом кубическом миллиметре чановской воды – поболее 7 миллионов штук копошится. Росточком не вышли, зато едят больше брюха. Так расстараятся, что до самых химических элементов каждую тростиночку обгложут. От всего растительного изобилия остается тысяча тонн азота, 62 тонны фосфора, ну и еще кой-чего по малости. Эти вещества сызнова растениям на пропитание идут, когда весной те в рост пойдут. Так ничего в природе зазря не пропадает. Круговорот!

Вроде уж и высших растений Чанам предостаточно. Так нет – еще и водорослями мельчайшими озеро кишмя-кишит. Где посолонее, там протококковые, где попреснее – синезеленые. До 165 миллионов клеток их на литр воды понатолкано; особенно в начале лета и осенью, когда водоросли начинают от избытка экологических чувств делением размножаться.

Все растения водные, высшие и низшие, кислород в воду выделяют. Потому – вода чановская насыщена им на 80%. Где кислород, там, известно, зверушки заводятся.

Водяной звериный народец по месту жительства в озере образует четыре больших племени. Величают их по-иноземному: планктон да бентос, плейстон да нектон, но ребята – все местные, барабинские, испокон веков в Чанах прописанные.

Первое племя – планктон. Это мелочь такая, что и в стекляшках увеличительных сразу не углядишь, намешаны в воде, ровно глина. Носит их по озеру вдоль и поперек ветром, волной и течением. Числом – несметны! Прытью – горазды.

Из самых малых, размером с ничтожную соринку, водится в Чановском озере коловраток 22 вида да рачков – 33.

Коловратки – зверушки хоть и малые, а к жизни приготовлены всеерьез. Это тебе не бактеришки какие-то невзрачные. Коловратки, хоть и мелкота, но из царства уже многоклеточного. Происхождением – из червяков, хоть сами обликом мешковатые. Мешок-то мешок, да со ртом, и хапужистым. Впереди – один или два глазка на свет пялятся, не моргая. К ним в помощь щетинки чуткие торчат, чтоб щупать то, что око неймет. Совсем вблизи рта реснички хоровод двумя венчиками водят, бьются часто-часто – вроде как колесо крутится, воронку вращательную образует. В этот омуток всякая пища, в воде болтающаяся – водоросли мельчайшие, бактерии те самые, затягиваются коловратке прямо в рот. Польза двойная: ей – пропитание, озеру – очистка, чтоб зеленью не затянуло. Как полагается, кладут коловратки с хорошей еды яйца, а то и живьем детенышей рожают, чтоб род их на Земле не перевелся. Вот только мужичок у племени коловраточьего совсем замухрышистый, мелкий. Даже и зоологи ученые не каждого в микроскоп углядели и запомнили. По сию пору так и не знают многих с виду. Ну так что ж? С мужичком ли, без него, коловраточий род в озере Чановском не переводится, всем прочим животинам низко кланяется, того же желает.

Рачки низшие – родственники недалние речным солидным ракам. Коловраток рачки маленько покрупнее да и устроены позаковыристей. Их два семейства в чановской воде по-соседству проживают: ветвистоусые да веслоногие. Ветвистоусые потому так называются, что усы у них знаменитые. Каждый из двух веточек состоит. На каждой веточ-

ке еще много отросточков, а те в свой черед густо утыканы тонюсенькими ресничками. Этими усами ветвистыми рачок машет, от воды отталкивается, дергается чертиком на веревочке – плывет. За такое нетерпеливое поведение прозвали таких ветвистоусых водяными блохами. Самая из них знаменитая – дафния. Блошонка-то махонькая, невидная, а укладистая и крепенькая, как орешек. Чтоб тельце свое миллиметровое в надежности содержать, на нечаянность какую не нарваться, панцирем крепким обзавелась. В наружный его слой сама себе известь откладывает, чтоб жестче был. Панцирь из двух створок состоит. С боков маленько приплюснут, чтоб вверх прыгать было сподручней, чем вбок. Головка – клинышком востреньким, навроде клювика, вперед выдается. Глазков – два: один – махонький – от личинки детской по природному недогляду остался, другой большой, вроде новый, а тоже из двух прежних слился. То-то, не коси глазами в одну точку, гляди по сторонам, как другие животные делают.

Раз усы у ног главную работу – двигаться – отобрали, то досталась ногам другая забота. Не пропадать же органу попусту. Приладились коротенькие дафниевы ножки воду цедить, частички пищевые, в ней взмученные, добывать себе на пропитание. Еще на ножках размещаются жабрные лепестки, чтоб ими дышать, кислород живительный из воды собирать.

Водяные блохи земных кур не хуже – тоже яйца несут. Да еще двух разновидностей. Яички летние, мужским семенем не укрепленные, жидковатые получаются. Сверху едва пеленочкой тонюсенькой прикрыты. Мамке-дафнии нянчиться с ними приходится, как с дитем недоношенным. Откладываются такие яйца в особую выводковую камеру, промежду спинкой блошиной и панцирем выпуклым – под самым сердцем. Внутри каждой яичной клеточки имеются хромосомы – закорючки генетические. Тут, как на кончике иглы, вся наследственность дафниева, навроде смерти кащеевой хранится. Чтоб из дафнии точнехонько дафния

Дафния

тоже получилась, а не хреновина какая несуразная, тех хромосом в дафниевых летних яйцах содержится двойной набор. Из таких яиц – не яичница, а прямо готовая дафния получается, молодуха бойкая.

Бывает, у девки муж умирает. А у дафнии – еще затейливей. Она детей вовсе без мужа рождает. Одним женским умением. Летом – только девчонок. Ближе к осени, чтобы совсем уж супротив природного естества не идти, несется яйцами, где хромосом по сравнению с летом половинный недобор. Ежели такие кокушки и далее без мужского надзору развиваются, получают из них, ровно в насмешку, дафнячки-мужички. Самочек они размером в 1,5–2 разочка поменьше и спинку имеют поплотнее. Да и то: им ведь детей под сердцем не носить. Еще у них усики плоховато произрастают. Однако потомство-то не усиками производят, потому – занимаются эти дафнячки самой что ни на есть мужской работой – оплодотворяют осенние яйца. Они от летних, чисто женских, отличаются крупными размерами и желтком, богатым питательными веществами. Все для того, чтоб могли эти яйца благополучно перезимовать. Помещаются они парочками в выводковой особой камере. Затем из части панциря дафнии образуется седлышко. В него-то яички и укладываются. Когда дафниева мамка перелиняет, седлышко это от материнского панциря отваливается, а яички спеленеваются плотной оболочкой, как одеяльцем. Так им сам черт не страшен, не то что мороз сибирский. В стенке седлышка пузырьки газовые образуются, чтоб плавало оно по поверхности воды, не тонуло. Осенью таких дафниевых младенцев в лодках-люльках видимо-невидимо по озеру мотается, судьбу свою поджидает. На Бога надейся, да сам-то не плошай. Потому имеются на седлышке крючки да шипики на длинных нитях, чтоб за птиц водоплавающих цепляться и по белу свету путешествовать, а не сидеть сиднем в одном водоеме. Эти яйца в седлышках всю осень развиваются, а зимой в покое пребывают. Потому и называются – зимние, покоящиеся. Только весной проклюнутся из них первые блошинные самочки. Вот кабы бабушка – не бабушка, так была бы она дедушка! И... вся мудреная круговерть сызнава повторится. Перечитай, а то не запомнишь! Хорошо хоть людям по наследству такой хитрый способ размножения не достался. Того и гляди – не за того замуж выскочишь, безобразие какое учинишь. А рачки ничего себе, живут не маются, все озеро заполонили.

Рачки веслоногого семейства – постройней дафний. Вышли они формой навряде сосульки. Голова у них кажется большой оттого, что к ней грудка присоединилась. Да так ловко подоткнулась, что только с большого зоологического ума догадаешься, что тут грудь, а не голова. Видать, уж очень хотелось этим рачкам побашковитее, глядеться. Может, для того у них к голове еще и ногочелюсти приставлены, длинные, крепенькие. Ими, а не усиками, как дафнии-сестренки, машут веслоногие

споро, чтоб в воде воспарить. Другие ножки, покороче, на остатней груди без тесноты разместились. Брюшко безногое к концу сужается и завершается двумя хвостиками – вилочкой. Глаз имеется один-единственный – дитячий, доставшийся от личинки в неизменном виде. За то и дразнят этих рачков циклопами. Растет циклоп, развивается, да только никак не может определиться – какое ему обличье принять? Раз десять за свою жизнь-коротышку меняет форму своего крошечного тельца, поколе в настоящего циклопа не обратится.

Размножается циклоп попроще дафний. Самочка после свадьбы яйцами не разбрасывается, при себе их держит. Висят они гроздьями, к брюшку подвешанными, пока наверняка не выведутся из них детишки-личинки.

Всех рачков, и веслоногих и ветвистоусых, вместе до 700 тысяч штук на метр кубический в воде толчется.

Их вместе с коловратками, рачками, инфузориями и мельчайшими водорослями обозвали по-ученому – планктон. Ну и ты называй, коли с понтоном али с планшетом не спутаешь!

Планктону хорошо, а бентосу еще лучше живется. Бентос – это такие жители, которые свободную воду не жалуют, все норуют потесней ко дну прижаться. В толще воды хорошо – просторно, вольготно. Плы-ви куда хочешь! Однако, кроме как поплавать, там и делать нечего. А на дне, то-то благодать – и поплавать можно, и поползать по дну или растениям, и закопаться в дряблый грунт или ил, что дно устилает. Обитель, что ни говори, на все желанья. Пищи много, живой и мертвой. Не жизнь – малина!

Вот и население в "малине" богатое. Проживают среди бентосного народа в Чанах 14 различных групп занятых животных, хитрюще к природе подлаженных. И среди этих есть рачки, только уж другие, из семейства бокоплавов. Потому так прозываются, что сплющены с боков, да еще слегка изогнуты каралечкой на брюшную сторону. Плавая, часто на бок заваливаются. А то еще лежат на боку, под коряжку забившись. Стало быть, не просто бокоплавовы они, но и лежебоки. Дыхательные органы у них – жабры на грудных ногах. Брюхо в отличку от прежних рачков тоже с ногами. Эти ноги длинные служат веслами для плавания.

Червей на дне озерном тоже обретается немало. Червивое, выходит, место. Вот нематоды – совсем махонькие черви – не более 5 мм. В попе-речнике – круглые, а форма – веретеном. Сами-то гладкокожие, прозрачные, все кишочки на просвет. Любуйся, коли любитель! Питаются бактериями или детритом органическим – всегда сыты.

Другие черви прозываются кольчатые. Они потому так названы, что кожный их чулок, в который они природой упакованы, как колбаска веревочками перетянут на равные колечки. Самые обычные среди кольча-

тых – кольцецы малоцетинковые. У них на тельце снаружи имеются только маленькие щетиночки на каждом членике по бокам. Тем и отличаются от морских своих родственников, с куда более знатным плавательным подспорьем. В Чанах-озере да и других барабинских водоемах самый знаменитый из кольцецов – трубочник. Живет он, головой в ил зарывшись, а хвостом – наружу. Бывают среди них крупненькие, миллиметров до 20, а все больше – мелкота. Сидят себе, розовенькие от удовольствия, малой стайкой, штук по тыще на каждом метре донного сусека, хвостами непрерывно вертят в воде, кислород из нее добывая, чтоб в илу бескислородном не задохнуться. Илом и питаются, частички полусгнившие мягонькие из него непрерывно извлекая. Так и живут, к свету белому вертлявым задом вывернувшись. Оно, конечно, такие – сами себе хозяева. Только эдак-то и не заметишь, как какой-нибудь лиходей ущучит за хвост да и сожрет, причмокнув на прощанье.

Еще в озере пиявки водятся. Они малоцетинковым кольцецам ближайšie родственники, хотя ликом на них не очень-то похожи. Тело имеют плоское, темное, с двумя присосками: одна – у рта, другая – сзади. Этими присосками пиявки так ловко орудуют, что ни ног, ни щетинок им уж и не надобно. Прицепится эта чернявая бестия задней присоской к чему-нибудь, тело вперед бросит, распластавшись, прилепится потом передней присоской, а задней отвалится, вперед подтянется. Потом все действие снова повторяется. Так и шагает. Может пиявка и плавать. Тело у нее изгибается змеей. Оттого и плывет. Однако главное предназначение пиявковых присосок не для прогулок пустых, а чтобы к рыбе, птице, зверю, а то и к человеку присосаться, кровью горячей до отвала насытиться. Для ее хранения устроены чуланчики специальные между кожей и кишками. Чтоб кровь не свертывалась – подольше свежей сохранялась – пиявки вещество особое придумали – гирудин. Изготавливают они его сами и в насосанную кровь помаленьку подпускают. Пиявок покрупнее из-за такого их умения приспособили болезные люди для своего лечения – дурную кровь отсасывать. Еще и деньги берут друг с дружки за пиявочье кровопивство. Сходи – купи! А коли денег нет – даром в Чанах искупайся.

Насекомые среди бентосного народа – тоже не последние. На суше насекомых – несметные тыщи видов, а в воде – только несколько десятков. Вольная вода большинству насекомых – мачеха. Зато уж те, которые к ней приладиться сумели, чувствуют себя в воде не хуже рыбы.

Поденки да веснянки – те в водоеме дома. Проводят там от года до 4. За такой срок немудрено все водные премудрости вызнать и себе на службу приспособить. Так и вышло. Поденки все превзошли, на все случаи водяной жизни свою форму и свой жизненный уклад изобрели. Одни приспособились рыть придонную озерную няшу. Для того образова-

лись у них большие толстые челюсти, с бивнями специальными, вроде слоновьих. Ноги – челюстям под стать, толстые, крепкие, чтоб дерьмо на дне без помех ковырять. Однако не всем же – в золотари. Поденочки личинки других видов стали умелыми пловцами. Для этой надобности они по бокам лепестками жаберными увешаны, как бусами, чтоб кислород из воды сосать. Иные поденки имеют ноги цепкие, чтоб по водной растительности ползать. Те, другие и третьи, каждый по-своему, но все своей личиночной жизнью довольны, хвосты, увенчанные 3 перьями, держат морковкой.

У взрослых поденок, по научной кличке – имаго, на хвосте вместо перьевых отросточков длинные нити вырастают. Нити длинные, да жизнь короткая. Потому и называются – поденки, что живут всего-то 5–10 ден, а то и часов. Такая у них планида обидная: в девках – курочкой, а в бабах – дурочкой. Перелиняет личинка последний раз, во взрослую поденку обратится и, времени не теряя ни минутки, летит скорее плодиться – размножаться. А то, не дай Бог, не успеет потомство оставить, род свой на Земле продолжить. Даже поесть бедолагам некогда. Так на пустой желудок и грешат. А чтоб соблазну не было на еду отвлекаться, так им Бог едалника и вовсе не дал. Ну, а в закрытый рот муха, известно, не залетит.

Поденка взрослая, хоть и голодная, а красоту блюдет. Всем хороши поденки, что жених, что невеста. Тельце узенькое, длинненькое – стройней не бывает. Крылышки хитрым узором из жилочек напросвет, как сеточкой оплетены. Затемно, когда луна ночью темную обольет молоком, слетаются поденки на вечерку, толкуются в воздухе гурьбой, друг перед дружкой хорохорятся, свадьбы играют. А яйца, ради которых вся куртьма затеяна, скороспелые мамаша прямо в воду сыплют не жалеючи, будто поле хлебное засевают. Не разумеют букашки, что в дырявый-то мешок не напихаешься. Потому поденки с веснянками и им подобные в Барабе не самые главные. Кроме них, много других шестиногих тварей в воде чановской и других озерах обретаются.

Стрекозьи личинки в озерном мелководье – не редкость, такие разные, что и не скажешь про всех одинаково. Вот красотка-девушка. Тут одним прозваньем все и сказано. Личинка – стройна, как павушка, а взрослая стрекоза и того краше. Дедки, или коромысла, по названию видно – красотой большой не отличаются. Личинка – мало что раскоряка голенастая, так еще и мохната, как леший. Разнопородным стрекозиное племя уродилось. Есть, однако, и у разных общее свойство. Все они, и красавицы писанные, и страшили мохнокосые, для других прочих озерных тварей – очень неуютные соседи. Не то что своих шестиногих родственников, так и рыбью молодежь со свету сживают. Едва завидят что живое – тут же сожрут за милую душу. На что уж личинки стрекоз-

Личинка стрекозы старую шкурку сбросила и стала еще краше

стрелок телом всех прекрасней, цветом изумрудней. А подкрадется такая ухажерочка к добыче ротозейной на мягких лапах, бросится неудержимо, ухватит намертво, ну и угомонит божью тварь навеки. На голове у стрекозских личинок маска особая имеется – вроде ковшика из твердого хитина, чтоб челюсти свои бесстыжие напоказ не выставлять. Этой маской накрывает стрекоза несчастную жертву, держит ее тесно в плену, а челюстями мелет и жует без жалости. Ладно что стрекозы размером помельчали с древности, а то к озерам близко никто б не подошел.

Водяные клопы среди бентосного племени – тоже ребята свойские. У этих личинка так жить спешит, что еще в яичной утробе почти во взрослого клопа обращается. Такой и на свет появляется. Только росточком взрослому клопу уступает, да еще крылышки недоразвитые торчат культишками недотепистыми, лик портят. По правде сказать, клопиным детям от взрослых и отличаться-то ни к чему – живут те и другие в одном месте и питаются одинаково. Однако у клопов взрослых крылышек две пары. Одни нижние – тоненькие, легкие, для полета, другие сверху – потверже, потяжеле, чтоб охранять нежные летучие от поранения. Рот у клопа так устроен, что человек позавидует. Он может наесться досыта, рта не разевая. Для того клопов природа особливим острым хоботком наградила. Он тоненький, востренький, да еще с канальчиком полым внутри. Воткнул такое жало в травинку или насекомое какое и соси себе, не спеша, через трубочку сколько хочешь. Мы, люди, тоже любим так через соломинку сладкое удовольствие тянуть. Не у клопа ли научились?

Клопов на суше много проживает, а и в воде немало. Сообразно местожительству, названья у них подобрались подходящие – гребляки да гладыши, водомерки да водяные скорпионы. У гребляков тельце семечкой, ноги сзади со щеточкой – плотным забором из длинных щетинок. Нога как весло. Этими веслами клоп и гребет. Плывет да сигналы звуковые подает, вроде парохода. Для

этого на ножках у клопиных мужиков есть зубчики. Они друг о дружку скрежещут – получается звук. На этот полубовный призыв клопидевка мчится как замороженная, чтоб с певучим кавалером любовь покрутить, жизнь вместе сложить, красоту гребляковую по наследству передать. А как же – не должны гребляки в Чанах переводиться.

Клопы-гладыши, как положено, гладкие, блестящие. Не умом, а задними ногами крепки. Они у них плоские, утыканые длинными щетинками. Тоже получается весло, только на свой, гладышевый, манер. Крылышки верхние у гладышей не как у всех устроены. Сидят над тельцем двускатной крышей, под ней чердак. Знай наших. Воздухом, что там скапливается, клоп под водой дышит. Снизу он плоский. Ежели перевернется, получается лодка, только не плоскодонка, как у гребляка, а ладья с острым килем. Такая, ежели разгонится, катит с ветерком. Вон он какой, гладыш! От такого не убежишь. Мигом достанет! Хоботок у него тонок и востер. Так и хочется в кого-нибудь его воткнуть. Иной раз обнаглеет гладыш – и малька рыбьего приколует, а то и человека ткнет. Берегись! Купаться будешь – с гладышем не связывайся. Он, хоть и мал, да удал. Осерчает, может трусы попортить.

Водяные скорпионы – разбойники и среди клопов. С виду глянешь – и то дрожь берет. Ноги передние, как ножик складной: ручка с лезвием острым, под углом к ней. Кто зазевался – того и цапнет. Сзади трубка тонкая, длинная. Через нее эти клопы дышат, выставив ее наружу из воды. Есть в Чанах один скорпион – чудище страховидное, по прозванию непа – сам он не маленький, так еще трубка сантиметром торчит. Такому и рыба мелкая – не указ, только б нажраться.

Другой скорпион из этого разбойного семейства носит имечко позакорыстей – ранатра. Совсем диковинный зверь. Сам как веточка обломанная, тощий, длинный, сантиметров 7 с трубкой. Ноги как ходули. Хоботок – кинжал. Человек – и тот вскрикнет, ежели его таким кольнуть. Что непа, что ранатра – обе тенью подкрадываются, подлаживаясь цветом своим зеленым или коричневым под растительность для незаметности. Хорошо хоть в постели человеческой не такие клопики прописались, а то бы неряхи спать разучились. После такого аспида мяконецкий деликатный постельный клопишка вовсе родным покажется. Так-то! Природа знает, что делает: кого куда определить, чтоб каждому по потребности, от каждого по способности.

Жуки будут покрепче клопов телом, потому жесткокрылыми и обозваны. У них верхние крылья задубели до черствости. Таковую броню не всякими зубами ухватишь. Самые заметные среди водных жуков – плавуны да водолюбы. Иные ростоком – с человечесий глаз вымахали. Плавуны – хищники зверские. У их личинки – челюсти сабельные, увидишь – враз догадаешься, зачем такие нужны. Палец человечесий и то

прокусывают без натуги. Сам взрослый жук имеет тело сверху овальное и скользкое. Ноги задние, как у клопов соответственных – навроде весел, чтоб грести. На передних ногах присосочки есть особые, чтоб самку гладкую придержать, ежели возникнет надобность с ней посоветоваться о продолжении рода. Крылья верхние у плавунцов – куполом, чтоб под ним воздух держать про запас, когда в воде долго надо сидеть. Тиранят плавунцы мелочь всякую и даже мелкую рыбешку сантиметров до четырех и головастика лягушечьих. Воткнут в добычу челюсти свои сабельные, но не рвут грубо мясо на куски, а действуют уважительно. Сначала в проколотую ранку вбрызгивают особый жидкий сок из своих специальных запасов. Как мясо растворится, размягчет до нежного бульону, жук все засасывает подчистую. Одна шкурка и остается. Видать, учили этих плавунцов по-благородному кушать: не чмокать, рукавом не утираться, ложкой не греметь.

На плавунцов маленько похожи водолюбы-жуки. Такие же гладкие да круглые, выпуклые; есть маленькие и большие. С плавунцами водолюб одного жучиноного куста, да только с разных веток. Потому водолюб свой особый облик имеет. Усы у него не плавунцовые – ниточками, а коротенькие – булавой, посередке как бы надломленные. Плавунец, чтоб воздух под купол засосать, задок из воды выставляет, как мальчонка-озорник. Водолюб эту часть показывать стесняется. Он спереди воздух набирает. Получается это у него с плавунцом в сравнении куда как неуклюже. Сперва выставляет из воды усики, чтоб воздух меж волосками навис. Потом усики поджимает. Воздух переходит на нижнюю сторону жучиноного тела, а оттуда – под крыловой купол, где попадает в дыхальца. Неуклюжесть такая оттого, что жуки эти происхожденья полуводного – полуназемного. Плавают плоховато, пищей питаются растительной. Личинки водолюбовы к воде прилажены лучше, чем взрослые – промышляют зверьем подспорным. И рыбешкой не брезгают. Водиночку не управятся, так скопом налетают.

Бентосу оказывают большую подмогу мушиные личинки. Они по весу да по числу девятую часть всего чановского бентоса составляют. В Чиняихинском и Ярковском плесах да в Яркуле этой мухоты до 25 тысяч штук – 100 граммов общим весом – на каждом донном метре сидит. Главные заделщики среди бентосных мух – звонцы да мокрецы. Первые в Чанах ходят в особом почете. Их озеро у себя 48 видов прописало. Торчит себе червячок в норке, хвостом-костыликом с щетинистой кисточкой в стенку упирается. Наружу только тверденькая головка торчит. Коли перезимует благополучно – в куколку обращается. В той куколке все личиночье устройство напрочь растворяется до жидкого сусла. Оно до поры бродит, как в бочонке пивном. Как придет нужное время, из этого сусла образуется летучая муха. Как все готово – бочонок

всплывает кверху и муха из него вылезает на свет божий. Обсохнет маленько и ну летать.

Комары долгоносые, ручейники да улитки с хатками при себе, клещи водяные восьминогие тоже озеру служат верную бентосную службу. Каждый вид – совершенное создание природы, каждый своего рассказа достоин, жаль места на бумаге меньше, чем в озере. Пора честь знать и о других водяных народцах тоже слово замолвить.

Плейстон ни планктону, ни бентосу своеобычием не уступит. Эти создания не в водной толще толкутся, не в иле донном копошатся, а ужились между небом и водой, там, где вода от соседства с воздухом тонюсенькой упругой пленочкой натянулась. Вроде и жить-то тут негде, а поди ж ты, нашлись удалцы и среди клопов, и среди жуков, и среди мух, приладились и к такой жизни.

Самый что ни на есть плейстонный житель – клоп-водомерка. Этот непоседа по водной поверхности день-деньской как заводной бегаёт, метры измеряет. Пленочка водная хоть и туго натянута, а все ж тонка, ее ненароком и продавить можно. Поэтому, чтоб шибко не давить, водомеркино тело над водой приподнято на высоких тонких широко расставленных ножках. Вся нагрузка на воду делится на шесть опор. Еще есть одно приспособление от тяжести – не стоять на месте. Когда бежишь, вся тяжесть по двум направлениям разбегается – вниз и вперед. Раз такое дело, надобно бегать так, чтоб за воду не цепляться. Для этого пятки водомеркины жиром смазаны для скользкости. Сама она тот жирок и производит себе на потребу. А еще, чтоб шибче бежать, ножки у водомерки имеют разную высоту. Самые длинные – задние, средние – покороче, передние – и им уступают. Получается как бы, что падает все время водомерка вперед, куда ее собственная тяжесть толкает. Так и не хочешь – побежишь. Вот и катается водомерка по воде как мальчонка на катке. Препятствие какое встретит – перепрыгнет, чтоб не останавливаться. Глазами навывкате зыркает, на ходу ловит добычу передними ногами и тут же закусывает. Главная водомеркина добыча – мелкие насекомые. Бывает, и крупную дичь отхватит – птицу дохлую, зверька водяного. Тут все водомеркины товарки, какие есть в округе, скопом сбегаются пировать. Только хоботки от напряжения трещат. Падальничать – занятие для порядочного зверя неприличное! А все ж так лучше – озеру очистка и клоп сыт.

В компанию к водомеркам в плейстоне подобрались жуки-вертячки. Они в солнечный денек целой шайкой на воде круговерть водят. Кружат не для того, чтоб нас потешить, а чтобы добычу не пропустить. Вертячку ноги кормят, как волка. Только волк по прямой дороге жертву ищет, а вертячка вкруговую.

Жить между небом и водой не просто. На одной лошади в две стороны скакать и то меньше надобно, а тут изволь на два дома жить – на водяной и воздушный. Однако вертячка не осрамилась. Глаз у нее разделен поперек себя перемышчкой. Верхняя половинка глядит поверх воды, нижняя вниз под воду зрит. Ни тут, ни там вертячка своего не упустит. Заметит, что съедобное под собой – нырнет и ухватит. На воде – тоже все под ее прищмотром.

Еще один житель плейстонный – комариные куколки да личинки. Эти висят, прислонившись снизу к водяной пленочке. Личинки комаров-пискунов болтаются головой вниз, а куколки – головкой вверх. Так ждать удобно, когда взрослому комару приспееет пора вылетать в воздух.

Насекомые – не весь плейстон. Немало в нем и растений: ряска, водокрас, кувшинки. Такая жизнь – в воде сидя, с воздухом не расставаться – большим спросом у живности пользуется.

Нектон – еще одна команда, самая в Чанах хозяйственная. Эти и планктон, и бентос, и плейстон под своим доглядом держат. Для этих все озеро целиком – дом родной. Куда хочу, туда плыву, сам себе голова. В нектоне первые из первых – рыбы.

Среди чановских рыб всех главней щука. Иная вымахивает от сытой жизни до полутора метров. При такой знатной огромности некоторые удалые рыбины имеют вес соответственный – килограммов на 30. В стародавние путевые времена таких сотнями из озера таскали. Ныне щукам нужной мерки никто достичь не дозволит. Доросла наполовину... и меняй Чан на сковородку.

Щука – рыбешка тихая, стеснительная, на глаза никому не лезет, Все норовит утесниться где поскромнее – у самого бережка. Там спрячет свое длинное полосатое зеленоватое тело среди водной растительности. Ну, ежели какая рыбеха-раззява под нос наплывет, так грех не пообщаться! Выскочит приветливой стрелой щука из кустов поздороваться, а незадачливая подружка одна-другая-третья в щучий рот и залезут. Никто не виноват,

Кувшинки

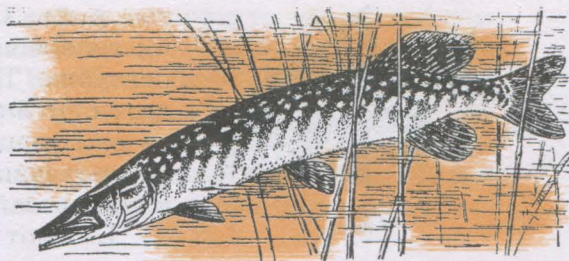
Ракушки

что наградила природа щуку ртом заглотившим. Не хочешь, так согрешишь. Оно, конечно, щука много губит мелкой рыбешки. Так ведь не для себя, для детей старается, сердешная. Мамаша-то многодетная. Ей, чтоб род продолжить, надобно 215 тысяч икринок на свет произвести. Не все они щуками станут, но попытка – не пытка.

Все другие рыбы в Чанах со щуками не сравнятся. Окунь полосатый – тоже хищник, а перед щукой жидковат – более полуметра не растет, тяжелее полутора килограммов не вымахивает. А тоже ему надобно 200 тысяч икринок харчами обеспечить. Крутись тут, со щукой наперегонки. Еще язь в Чанах прописан. Этот – красавец писанный. В малолетстве он серебристенький, а как в статью войдет, спинкой потемнеет, бочки золотом засверкают, плавники малиновым многоцветьем зарумянятся. Такой гоголь – любому озеру отрада. Язь щуке не ровня. Зато окуню ни росточком, ни дородностью не уступит, но рыбьих собратьев живьем не глотает, а пробавляется невинно – водорослями и другой растительностью.

Щука, окунь да язь в Чанах, само собой, бояре, а боярам без холопов нельзя. Вот в Чанах проживают еще чебак да карасишко, плотва да гольян – для щучьего и окуневого благоденствия, язю на пользу, чтоб хищное внимание от его молодежи отвлекать. Чебак, хоть и приходится язю родственником, но росточком и дородностью не удался. Дальше 30 сантиметров не вырастает, больше 350 граммов весу не нагуливает. Легкая проворная рыбешка, а то бы окуни со щуками объелись. В компанию чебачишкам набиваются красавцы-караси да гольяны-пострелы. Завсегдатай в Чану и ерш. Эти всегда стайкой держатся. Рыбка невеликая, колючая и жирная. Без нее уха – не уха. Ни поплеваться, ни залосниться.

Давным-давно, когда разливался Великий Чан на пол-Барабы, водились в нем и другие знамени-

Щука

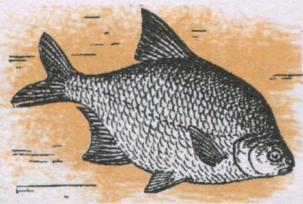
Язь

Плотва

Ерш

Лещ

тые рыбы. Они и теперь есть, да только не в Чану теперешнем, а в отколовшихся от него озерах поглубже. Там и плотва есть, и налим-увалень водится, и линь ходит по дну – воды не замутит, да еще лещ-лапоть живет, который в малолетстве костлявый, а матерым – хоть не жуя глотай и облизывайся.

Бывают в Чанах еще заезжие гости. Их люди в озеро то и дело подпускают для испытания своего зудливого интереса. До недавнего времени плавала в чановских плесах рыба-пелядь, родом из сиговых. Ее еще сырком кличут в других местах. Жила она себе в Балхаше-озере, посередь Казахской земли, и не ведала, какую судьбинушку уготовило ей ненасытное человеческое нутро вкупе с суетными мозгами. Удумали люди пелядь в Чан поселить. Сказано – сделано. Напустили. Подождать не удосужились пока приживется. Стали скорей ловить. Ловись рыбка – большая и маленькая. Пелядь при 2–3 килограммах веса до полуметра вымахивает и на вкус хороша. Поначалу в сеть шла исправно, да быстро передумала. В том незадача, что больно уж неторопко эта рыба зреет. Только на 3-й, а то и на 5-й год настоящая пелядь получается. А рыбаку хочется сеть ставить каждый день. Кроме того, для Чанов с их климатическим беспокойством неторопкая рыба не подходит. Получается, что за 5 лет, пока дорастет пелядь до икрюметного состояния, либо Чан в очередной раз сохнет, либо людской нетерпеливости пелядь сетью накроет. От чановского негостеприимства и человеческой пристрастности стала привередливая рыба в озере чахнуть и вскорости почти совсем изошла. В гостях хорошо, а дома в Балхаше лучше.

Пробовали еще суетные люди привадить к Чану одомашненного сазана – Карпа Карпыча, чтоб превратить великое озеро в деревенский пруд. Глаза у суетных разгорелись, ум – рысачком взыграл, слюна рекой потекла, чуть Барабу не затопила. Карп – рыбища плодовитая. Этому карпу два мильена детишек заделать – раз плюнуть. Опять же и Чан велик, есть в нем, где разгулять-

ся. Вот и приговорили мудрецы кабинетные: выпустить карпа ростоком с воробышка, чтоб поймать размером с корову. Было во сне счастье, наяву ненастье. Того не учли, что Карп Карпыч – барин норовистый, избалованный, требует большого ухода и пригляда. А в Чану громадном за ним не уследишь. Раскидали отмашью без надзору, а собрали горстью. В маломерных настоящих прудах карп разводится охотно. Там – благородные породы: чешуйчатый, голый, зеркальный карпы, а в Чану особый карп – фигосмасловый.

Без пеляди и без карпа Чановское озеро не пропало и людское окрестное население испокон века и донныне рыбкой угощает. Ее там 10–15 тысяч тонн припасено. Ежели бы до прихода русских татары ежедневно съедали каждый по штуке, и тогда половины рыбы из Чанов не вычерпали бы. А озер в Барабе и без Чанов хватает. И все рыбные. Русские, в Барабу пришедши, тоже про рыбку не забыли. Чановские уловы на знаменитой Ирбитской ярмарке в середине позапрошлого века шли нарасхват. В Каинске отдавали мерзлых щук по три копейки пуд. Бери – не хочу. Полвека назад нежадные людишки всего по 25–50 тысяч центнеров чановской рыбки к рукам прибирали. Ныне так разохотились на рыбье мясо, что уж по 3–4 тысячи тонн в год прикарманивают. Терпит озеро. Рыбка еще плодится.

Однако бывает и на старуху проруха. Нет-нет да и усохнет озеро в очередной раз. Тогда наступает для рыбьего племени несчастное время. Почешуится усохлое озеро на вольном ветру до конца октября да и замерзнет. К декабрю осатанелые морозы скуют воду ледяными оковами. Под ледяным метровым панцирем остается воды совсем малость. Там рыбе кислороду на полвдоха хватает. Зато соли с избытком. Вода от ледяных объятий холоднющая. В рыбьем теле образуются злые ледяные кристаллики льда и разрывают напрочь нежную мякоть. Тут рыбе конец наступает. Такая беда в народе зовется замор. Дело неприятное, но для Барабы обычное. В морозные зимы при насытой воде к концу подледного срока, когда весна-спасительница совсем уж на подходе, наступает самое тяжелое время для чановской рыбы. Гибнет она несчетными косяками. На каждый век случается знаменитых заморозов пять-шесть. В 1933–34 годах сильный замор произошел. Шестьдесят тонн отменной рыбы не за понюх табака пропало. В 1953–1954 годах от страшного замора отдали Богу душу аж две тысячи тонн рыбы.

Когда случается горькая невзгода – все живое зализывает раны соборща, старается поскорей все наладить, расставить по обычным местам. Каждый живой винтик крутится из последних силенок, ищет свою гайку, к которой ему привинченным быть полагается. Только так природный механизм не разладится. Где-то убыло, в другом месте обязательно столько же прибудет, чтоб природе обиды не вышло.

Только человеку земные правила не указ. Мало ему, что климат сохнет, мало, что Чаны с 60-х годов чахнут, мало, что уловы рыбы с 1976 года оскудели втрое. Так нет, надо еще пойти природе наперекор, справить умственную нужду против барабинского ветра. Как уровень воды в Чану упал в 1971 году до 105 метров, удумали инженерные мудрецы от этой беды забором отгородиться. Приговорили самый мелководный и усохлый Юдинский плес обособить от остальных Чанов земляной плотиной. Так и сделали. Поначалу от этого ли, от другого чего, поприбавилось воды в Большом Чану на 43 сантиметра. Шапки в воздух на радостях покидали, денежку в карманы посбирали, думали: поймали, да сами попались! Не только плес отрезанный, а и сам Большой Чан пуще прежнего чахнуть стали. Чан 560 квадратных километров утерял, да в Юдинском плесе 414 квадратных километров воды корова языком слизнула. Одуматься бы. Не тут-то было. Еще пуще взъярились мелиораторы ретивые – вознамерились обскую воду в Чаны перебросить. Мечту свою тихой сапой сквозь чужой разум назойливо протаскивали. Не доходило до них, что от природы столько брать можно, сколько она даст, а не столько, сколько обормоту на заскорузлый ум взбретет. Потом, когда ясно станет, что нагрестили, спросишь обормота: отчето ты так глуп? Он отвечает: у нас вода такая. Весь и спрос.

Озеро Чаны год от году площадью убывает, но пока еще живет – тужится. Оно ко всяким испытаниям приучено. На том стоит и стоять будет, пока есть Барабинская земля.

Вот и весь про Чаны сказ. На слово поверишь – криво отмеришь. Лучше сам на озеро сбегай, догляди что и как. Хозяином будь.

Глава 13

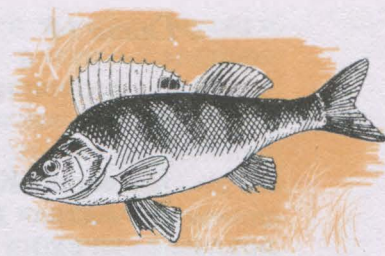
САРТЛАНСКАЯ ЛИХОМАНКА

От Чанов к востоку лежит большое озеро – в поперечнике километров 35. Называется Сартлан. Рыбой оно не беднее Чанов. Однако водится за этим озером недобрая слава. Может такое и раньше бывало. Однако в 1946–1947 годах впервые обратили внимание, что люди окрест озера странной болезнью болеют. Иные и очоурились в трясуцей лихоманке. Болезнь эта случается всегда зимой, на холоду. Повторилось такое и в 70-е годы. Заподозрили, что дело тут в рыбе. Вроде бы травятся люди озерным окуньком. Ну, седлай порты, надевай коня. Решили зря людей не переводить, а дать подозрительную рыбку

кошкам покушать. Те, известно, еще живучее людей. Кошки от угощения не отказались, за что и поплатились. Произошла у них трясучая слабость, задние ноги параличом скрючило, и пошли они прямой дороженькой на тот свет, который не этот. Кошки не люди, их-то жалко.

Пришлось думать, откуда такой смертельный яд на кошачью, а заодно и человечью погибель взялся. Догадок много. Отгадки единой нет. Одни мудрецы грешат на ядовитый грибок-спорынью с затопленного озера наземных растений. Как раз за год до скорбного случая был сильный потоп, затопивший на бывшем сухопутье злаки, сильно пораженные спорыньей. Другие догадчики подозревают в отравительстве водный планктон. Есть такая водоросль по прозванию микроцистис. Ею опресненные отмели озера сплошь кишат. Про эту водоросль ученые давненько сквернословят. Бывает она временами сильно ядовитой. В Сартлане на нее и внимания никогда не обращали. Зато в других местах, на далеком Севере, этот самый микроцистис выделяет в воду растворимый яд, похожий на тот, что бледная поганка приготовила для незадачливых грибников. Тот и другой яды для человеческой печени – неотвратимая верная смерть. Такой яд с водой или через рыбу мог и на присартланских жителей подействовать. Еще пуще того можно грешить на известные бабалинские заморы. Из-за них в дохлой рыбе образуется страшный яд – ботулин. Придуманы и другие замысловатые догадки.

Гадать не работать. Спешить некуда. Следующий замор лет через 20 случится. Людей у нас, в случае чего, больше кошек. Те что не помрут – придумают как с сартланской лихоткой управиться. Мы народ терпеливый, нас измором не возьмешь.

Окунь

КАРАЧИНСКОЕ МОРЦО-ОЗЕРЦО

Озеро Карачинское расположилось неприметно, всего километрах в 15 от Чанов к восходу. Хоть и соседи они, да ничем друг на дружку не похожи – ни обликом, ни живностью, ни судьбой. Карачинское озеро, ежели с Чанами сравнить – капля малая, всего-то 225 гектаров. Бережком обежать – километров 7 едва наберется. Сапоги размять не успеешь, а и босиком пяток не сотрешь. Глубиной тоже не удалось. Воды – по шейку, кое-где по пояс наберется, ежели пониже присесть.

Зато соленостью Карачинское озеро всем барабинским водоемам нос утерло. Уж вроде Барабу солью не удивишь. Озера соленые тут сотнями в небо зыркают. А Карачинское – всем диковинкам диковина. Оно дальше всех соленых озер на север заскочило. В этих местах – не ахти как тепло, чтобы воде досуха испаряться, а в Карачинском озерце соль кондером стоит. Оттого так случилось, что водоем лежит точнехонько на древних соляных породах. Потому недостатка в соли никак нет. Да и воды в озерце – с гулькин нос. Потому она уж и не вода, а раствор, напичканный солью до упору – 250 граммов на литр. По-ученому называется – рапа. Чуть ветерок подует, соль наружу выпячивается каменными узорами. В такую водицу сунешься сгоряча – пулей обратно вылетишь; так разбежишься, что только на Оби-реке очухаешься.

Захочешь утопиться – выбирай Карачинское морцо. В нем вода такая упористая, что человека тут же наружу выпихивает. Хочешь – не хочешь, а бревнышком на поверхности бултыхаешься. Ту часть человеческого тела, через которую ум непонятливым вгоняют, озеро вовсе не принимает. Ежели на живот повернуться, эта незагорелая пуклость торчит вверх неуютным поплавком, как ее ни окунай. Вот голова, коли есть в ней что путевое – тянет хорошо. Все норовит с ногами местом поменяться. Волосы на голове после карачинского купанья колтуном стоят. Заплакал бы, да смех одолевает. Вылезешь из воды, встряхнешься гуськом – соль налетом выступит, белым саваном кожу натуго спеленает. Минут через пяток, пока не окаменел, беги что есть мочи в махонькое озерочко по-соседству по прозванью Узункуль. Там мокнись без страхи – вода почти пресная. А вот из Карачинского озера водица на вкус – горькая, как беда. Хлебнешь без осторожности этой сульфатной отравы – за день не отплюнешься, век будешь помнить.

Еще развлеченье после карачинского купанья – липучую грязь с себя соскребать. Ею все озерное дно ковром выстлано. Жирная, тягучая,

ноги из нее еле вытягиваешь. Грязь на них остается толстым чулком. Сто лет ее на ногах выноси – всю не вытаскаешь. Ее в озере 2 миллиона кубометров припасено. Еще и новая каждый год нарождается.

Подумаешь, что озеро это – ад крошечный для всего живого. Недавно ведь морцом прозвали? Какая, кажется, живность такую соленую нещадность терпеть станет? А вот поди ж ты, нашлись желающие на за-солку! Природа-проказница чего не придумает. А жизнь-искусница на всякую премудрость свой отклик найдет! Так и тут. Даром что морцо, а живность и в нем тоже прописалась.

Перво-наперво угнездились в Карачинском морце микробы. Шесть их видов приладились расщеплять треклятые сульфатные соли на вещества что попроще. Энергию, которая при этом расщеплении высвобождается, приспособили микробы себе на жизнь. Их заботами и образуется в озере знаменитая железосульфидная грязь, а заодно еще один продукт незадачливый – газ сероводород. Микробам он ни к чему, они его людям подсовывают. Метят, как водится, в пятку, а попадают обязательно в нос, приходится его в сторону воротить. Зато мимо такого озера не заметив не проскочишь. Обязательно носом поведешь, поинтересуешься, что за зверь-исполин тут до барабинского ветру сбегал. А исполина-то не под всяким увеличительным стеклом умотришь. На то он и микроб!

Заедино с микробной мелкотой притерпелись к мутной соляной водичке и другие одноклеточные жильцы. Водорослей два вида сыскалось, которые соли не испугались. Одна – красавица ярко-зеленая – длинными нитями, как волосами, в воде путается. Эти путанки, размером не малые, бултыхаются в воде или сидят бородавками на толстых тростниковых корневищах, которые на мелководье из дна частоколом торчат. Другая водоросль, первой помельче, цвет имеет красноватый. Из-за нее вся вода в морце розовым отсвечивает.

Одного с водорослями одноклеточного царства, да совсем другого государства – протозои-дьюмовочки. Этих трое: кольпода-инфузория, ресничками утыканная, монас-жгутиконосец с хвостом вертячим, да еще сувойка-колокольчик. Кольпода ищет бактерий, ими питается; монас – воду цедит, сувойка сиднем сидит, добычу подстерегает.

Кроме мелкости всякой, водятся в карачинском рассоле и более солидные жители – жаброногие рачки – двоюродные братья тем, что в Чангах обитают. Величают их совсем по-людски – артемии. Вместе с ними проживают в морце-озерце насекомые. Их – ни много, ни мало – 325 миллионов личинок мух-эфидр, с хвостом, как у крысы; перепончатокрылый водяной наездник, который, паразит, в эфидриных личинок яйца складывает, да жук-плавунец – лихой удалец. А по воде вдоль

бережка бегают ручейник-затейник. Больше любителей на засолку не выискалось. А те, что есть, живут – не тужат.

Артемия – особа из всех самая представительная. Размером приметна (0,5–4 сантиметра), статью не подвела и рожать горазда. Голова, грудь с ногами по бокам; брюшко тощее, с вилочкой на конце – вот и вся артемия. Ежели ее по стойке смирно на хвост поставить, так она на гусара-ухажера смахивает. Вот только ног у артемии столько, что сапог не напасешься – 11 пар. И на всех – жабры заместо обуви. Работа у этих жабр каторжная – воду через себя гнать, кислород из нее выуживать и в кровь артемии подавать. Шебуршатся жабры как заводные день деньской да еще ночь. Что поделаешь? Кислороду-то в соленой воде – кот заплакал. Чтоб совсем не сгинуть, наградила природа-матушка артемию да и других соляных жителей особливим веществом, находящимся в крови. Прозванье ему – гемоглобин, тот самый, что и человечесью жизнь поддерживает. Гемоглобин ухватывает кислород крепко-накрепко и отпускает от себя только для дыханья. Цветом он – красный. Оттого и артемия такой же цвет имеет.

Со всеми своими приладами так притерпелась артемия к несуразной соленой жизни, что по-другому ей уж не вмоготу. Сунь ее в пресную водицу – через день-два окочурится. А в карачинской злой воде ворошится этих рачков до полутора тысяч на квадратный метр, а во всем озере аж 5 миллиардов штук. Ежели разом всю артемию из озера выгрести, полтыщи тонн потянет. А ей и такое наказание нипочем – выживет. Там, в озере, еще артемичьих яиц расстелено навалом вдоль берега слоем 20 сантиметров толщиной. В этих яйцах артемия благополучно пережидает барабинскую суровую зиму. Как потеплеет, напоит талый снег озеро водой до кадыка, икра опять в своей тарелке оказывается и жизнь артемиеву еще на поколение продолжит. Это ежели все ладом идет. А приступит беда, пересохнет озеро до дна (бывало и такое случалось), артемиевы яйца, навроде кашея бессмертного, еще 9–10 лет живы. А чуть обводнеет – они тут как тут, произведут на свет живучее потомство. Соленость в озере от дожδικов да от тающего снега как нитка от иголки зависит. Поэтому то засолится озеро до упора – когда сухо; то опреснеет – ежели дожди. От погодного озорства часто меняются температура воды, ее давление и другие свойства. Приходится артемии от такой неприкаянности быть мастерицей на все жизненные случаи. То отложит яйца, которые без отеческого семени могут развиваться, и тогда производит только самочье племя. То живет, как полагается – с мужем, производит яйца, папашей обихоженные. В излюбленной артемией пересоленной водице вилочка у нее на конце брюшка едва заметна. Оно понятно – зачем в тяжелой воде лишние растопырки? И без того плавать трудно. А разбавится рассол дождиком – вода сразу полегчает.

Теперь, чтоб от нее оттолкнуться, всякие отросточки на вилочке полезны. Поэтому чем преснее вода, тем развесистей и больше вилочка.

Вот она, артемия, какая – вроде неприметная мелкая козявочка, а начинаешь ее уважать, когда сам в озере часок побултыхаешься... без своей-то вилочки. Сердчишку худо – колотится как заводное, не чаешь, как на берег поскорей выползти, ополоснуться. А артемии хоть бы что. Умеет рачок содержать в своей крови жуткую соленость без вреда для себя. В случае чего лишнюю соль умеет из организма выгнать вон. С таким устройством мир для артемии широк и неизбывен на вечные времена. Живет она не только в Карачинском озере, а по всему белу свету, где солоно.

Ей главное, чтобы сытно было. Кушает она водоросли, которых и в соленой воде напихано невпроворот, а заодно бактерий с водой вместе. Артемия никогда не ужинает – поест и сразу спать ложится. Множится с хорошего довольствия, числом без удержу, да так, что не озеро, а суп получается наваристый. Только что не каша. Вот-те и морцо!

Была бы рыба в таком морце, был бы у нее нагул на славу. Только рыбе племя оказалось против артемии приспособленьем жидковато. Не нашлось среди рыбьего народу любителей до соли. Да и без рыбьего догляду артемичье добро зря не пропадает.

Птицы на себя эту заботу взяли. Их, птиц-то, по-над озером и на воде с июля месяца, как теплынь пожалует и рачки приумножатся, видимо-невидимо. Самые частые гости – разные чайки. С ними в ватаге крачки-мартышки, плавунчики круглоносые, поганки черношеие да утки всякие. Все пробавляются вкусным сытным кормом. Иной год и гордый лебедь-кликун пожалует озеро своим присутствием. И по бережку птице тоже раздолье. Одни гнезда вьют, потомство выводят. Другие, перешатные, залетают на сытное место только подкормиться посреди дальнего пути, дух перевести посреди суетной своей птичьей жизни.

Чайка

Поганка черношея

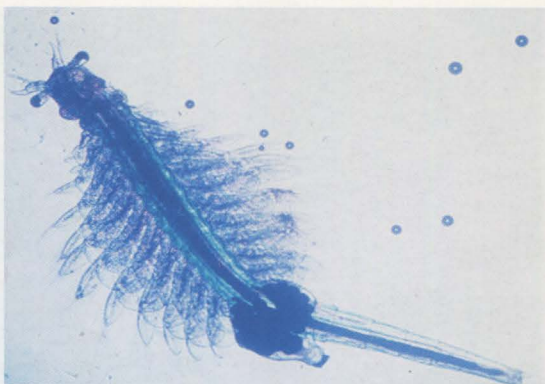
Орёл

Тех и других до 40 видов набирается: кулики всяко-разные, выпь-бухало, утки-нырки, чомга полосатая... Над этими соколы да орлы сверху надзирают, чтоб не объелись.

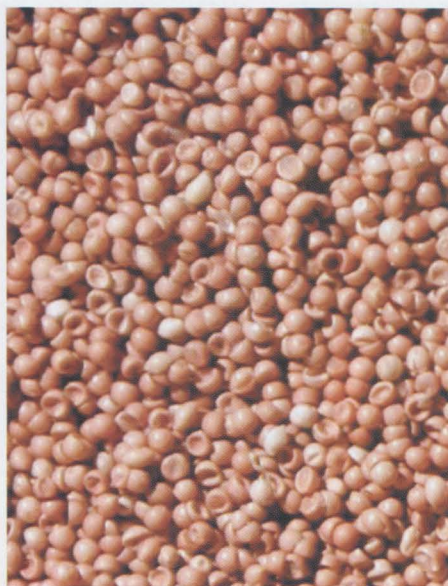
Люди не дурнее птиц, тоже артемию давно заметили. Говорят, в Америке, в Ута-штате древние индейцы артемией не брезговали, за обе щеки уплетали. У арабов, что по Нилу-реке в старину жили, тоже губа была не дура: из артемии масло делали, чтоб намазывать на лепешку и есть. Глядишь, и нам, при кучерявом житье-бытье, эта наука пригодится. Беги, лови артемию, пока кто другой не вычерпал ее из Карачинского морца.

Кроме артемии, есть еще и другая польза от Карачинского озера. Эту пересоленную диковину люди давно заметили и к здоровью своему приспособили. У местных татар издревле ходили легенды про целебность Карачинского озерца. Про то, как совсем хворые людишки, кое-как до рассолу доползши, обратно домой на своих ногах уходили. Еще сказывали, что бабы бесплодные, в озере искупавшись, чуть не на берегу рожали. За такие чудеса почитала народная молва неприметное озерко бесовским местом. Однако при всем при этом люди его не чурались. От болячки беспокойной не то что в морцо, к черту на рога ползешь. В озере ползавши, на берег выходишь – сам как черт – снизу черный от грязи мазучей, сверху белый от соли, да еще волосы дыбом стоят на голове.

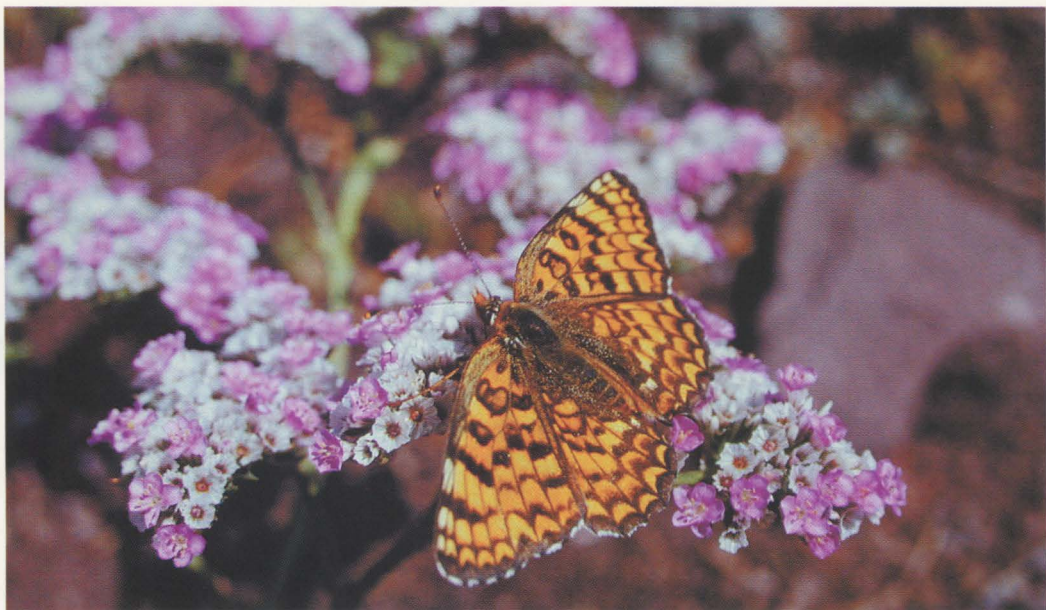
Карачинская слава от татар к русским перешла. Два сметливых купчишки, рассудив по уму, прибрали диковинное озеро к рукам. Откупили место у татар за медный грош, нагородили хибармазанок и стали деньгу из грязи лепить. Когда через Барабу в 1901 году железную дорогу проложили, прослышали про целебное озеро дорожные управленцы и тоже свою пользу дознали: скумекали, что грязь в озере не простая, а научная. Потому приговорили карачинскому месту новое иноземное название – курорт! Соорудили рядом с купчишкиными развалюхами домишки познат-

Рачку артемии в самых солёных озерах лучше всех. Ног у неё - 11 пар и на всех жабры вместо сапог. Яйца артемии в воде кишат, а на берегу 10 лет без воды живы*

*Фото из архива Центра по изучению артемии, Гентский университет, Бельгия

Бабочка-шашечница Барабу украшает

Где водоёмов много, там и стрекозы в изобилии, в том числе четырёхпятнистые

нее, приставили к делу образованных людей, чтоб кто попало, чем ни попадя, в грязь в добром здравии хворать не лез. А лет через десяток еще два курортишки на Карачах угнездились. Всего, значит, стало их четыре. На всю Расею Карачинское озерко обозначилось. Покопавшись маленько в грязи, разобрались ученые, что такой и во всем мире не сыскать. Самая лучшая в мире карачинская грязь. Она и микробов, вредных для здоровья, наповал разит, и сосуды, какие надо, расширяет, и химию полезительную в человечью кровь вгоняет и нервишки расшатанные укрепляет.

Как карачинские курорты маленько обустроились, народ, Сибирью скрюченный, гуртом в карачинскую грязь повалил. Для здоровья полезно и для куражу хорошо. Сидишь по шею в грязи, а имеешь полное право указать медицинской няньке: ну-ко, не замарай! Вылезешь из грязи, весь собой довольный и готов от куража – в князи, хоть мордень и не позволяет. При таком раскладе зачастили на озеро даже и профессора ученые из губернского града Томска. Стало им до нетерпежу интересно – что ж такое грязь да рапа с человеческим организмом производят, как природным даром пользоваться, чтоб помощь для здоровья ухватить, а немощь в озере оставить. Подумали-погадали, все по-книжному расписали: как да сколько грязью мазаться, как рапой обливаться, чтоб нервы в порядок пришли, язвы в кишках затянулись, колени не скрипели.

Все бы хорошо, да только заметно стало научному глазу, что карачинские притирки одну болячку лечат, а остальному организму – как от кашля клизьма. У кого от карачинского зелья сердчишко зайцем в силке прыгает, другой тошноту от мира невпопад почувствует. Вот и взялись профессора разобраться по всей научной строгости – как цельный человек, а не отдельные его кусочки, откликается на карачинское снадобье? Сказано – сделано! Все как есть ученые лекари прознали, все в тетрадках-книжках прописали. Лечись любезный народ без опаски, только себе на пользу. Лечись, да профессоров, что в шляпах по-над озером хаживали, в лабораториях дотемна сиживали, дома за столом по ночам натужно пером скрипели, хоть изредка добрым словом поминай. Фамилии им – Либеров да Курлов, Рузский да Залесский. Через них каждый теперь – сам профессор, все про озеро знает.

Помаленьку-потихоньку стало озеро очень знаменито; от желающих в грязи помазюкаться отбою не стало. Весь берег строеньями зарос, даже и каменными. Парк по-над озером разбили, чтоб было где народу после купанья погулять, про болячки свои друг другу порассказывать. Расцвел курорт, как черемуха весной. От такого всенародного вниманья стало на Карачах лета не хватать. С 1931 года тут уж и зимой лечат.

Наберут грязи загодя, пока озеро не заледенело, и потчуют народ круглый год. Известно – дождики к ненастью, везенье к везенью. Вот и нашли в 1958 году в Карачах минеральную воду – не хуже знаменитой кавказской. Стали ее с километровой небольшой глубины качать, пищеваренье и общее человечье самочувствие править. Однако и воду тоже не как попало надобно пить, а как лекарь укажет. Иной страждущий прослышит или в хвастливой книжке прочтет, и ну ее через себя водопроводом гнать. Однако так-то не дело. Книга книгой, а мозгами хоть маленько двигай. Коли худо тебе от карачинского леченья – поостерегись. Любая божья тварь, в том числе человек, повтору не имеет, каждый – сам себе механизм. Значит, с карачинской водой и грязью у каждого человека свой особый сговор. Кого пронесет, а кого и заколодит. Так или иначе, а тысяч 12–15 хворых людей карачинскими снадобьями ежегодно пользуются. Большинство говорят курортным лекарям спасибо, а озеру, от ревматизма избавившись, кланяются в пояс. Иные и разгибаются.

Так-то вот – озерцо махонькое, а причуд хватает. Однако не одним Карачинским морцом Бараба красна. Есть и другие озера. Их тоже невниманьем обидеть – грех. Они, хоть с Карачинским близко не ночевали, обличьем и происхожденьем на него не похожи, а все – не лужи под ногами, чтоб через них перешагнуть. Тоже отдельного рассказа достойны.

Глава 15

ОЗЕРНЫЕ ОЖЕРЕЛЬЯ

Малых озерков в Барабе – тьма-тьмуцая. Они вдоль лоцин друг за дружкой тянутся, будто детишки в хороводе. Форму по большей части имеют – каралькой. Остались эти озерки-маломерки от речек небыстрых, что текли в стародавние времена, когда наши двадцать раз прадедушки не стригли волосья не то что на голове, а и на другом круглом месте – чтоб сидеть было теплей на заледенелой земле.

Теперь, как потеплело, водяные бусинки, которые от былых речек уцелели, едва проблескивают в сухую пору. Глубину имеют малую – всего полтора метра. Сверху – свободной воды метр, под ней колышется рыхлая няша из полусгнивших растительных остатков. Эта няша потому до конца не догнивает, что под ней голимый лед круглое лето воду холодит. Остается лед с зимы, когда озеро иной раз до дна промерзает. За лето донный лед оттаять не успевает. А и оттаяет, так няша все равно к нему тепло не подпускает.

Плавать в таком озере человеку мелко, пешедралом через него брести с берега на берег тяжко. Сверху припекает, снизу морозит, няша на ногах мотней висит, остановишься – пятки тут ко льду и примерзнут.

Образуется няша от избытка тростника. Им озерки так густо зарастают, что открытой воды – голеи, вовсе не видать. Трава тростниковая каждый год отмирает и ложится на дно мертвяком. Так получается няша. Вода в мелких озерах – теплая, обласканная солнышком; пища растительной и животной намешано в ней богато; планктону и бентосу раздолье.

Из заядлых планктонщиков хозяйничают в этих озерах рачки-циклопы да дафнии. Они здесь и разнообразьем и числом верх берут. Эти рачки состоят в близком родстве с чановскими, но обличьем иные. У того хвост длиннее, да еще с шипом, другой розовым цветом выделяется, третий – крупный, сам бесцветный и прозрачный, как хрусталь. Без ручки-то и кружечка стаканчик, а тут такое. Вот зоологи выделили мелкоозерных рачков в отдельные виды и дали им своеобразные названия.

В бентосном стаде верховодят мушинные личинки. Те же самые, что в Чанах хозяйничают, главным делом – мотыль. Сидят мотыли сиднем в душном озерном илу от гемоглобина все малиновые. Ил дряблый непрерывно колыхается. Усидеть в таком киселе непросто. Вот и придумали мотыли слюну выделять из особых железок. Этой слюной они обмазывают стенки своих норок. В таком домишке сидят до последнего вздоха. Как мотыли наедятся досыта – обращаются в куколок, а те, попозже, – во взрослых комаров-звонцов. Эти – мелкие, росточком 5–6 миллиметров. Похожи на привычных нам комаров, только тельце вытянуто, а грудь колесом. Ноги у звонцов длиннющие, а хоботок – коротышка. Выплаживается этих звонцов кромешное количество. Когда они роятся, все разом крылышками машут – белого света

Тростник

невидать и звон стоит. Потому и прозвание им – звонцы. Летают густо, звенят задиристо, а человеку не страшны – безобидные вовсе твари.

Их соседи, мокрецы, хоть и мельче звонцов, на комаров не похожи, а кровопийцы, каких свет не видал. Злыдным этим ремеслом занимаются у мокрецов только девки. Они, вишь ты, крови не насосавшись, рожать не могут. Одно нам, людям, утешенье, что сосут мокрецы зверей четвероногих и шестиногих, а не только нас. Подлетает мокрец-подлец к человеку крадучись, беззвучно, сам едва виден, а лицо через час в форменный мордень превратит. Неделю потом будешь чесаться, мокреца крутым словом поминать. Почесуха – еще ничего. Вдобавок мокрецы наградить могут человека досадными болячками – туляремией или онкоцеркозом. Слова мудреные и болячки непростые. Когда подхватишь, тогда считаешь в книжке или спросишь у лекаря, что за забаву прихватил. Времени достанет, пока по больницам будешь мотаться.

Кроме мокрецовой беды, слышали в Барабе еще про одну напасть, связанную с озерами. В мелком пресном озере Узун-куль, что чешуится под ветерком недалече от Карачинского морца, кроме других комаров, прописался еще и малярийный. У этого голова с хоботком и тулово вытянуты в линию, по стойке смирно. Размером малярийный втрое-вчетверо крупнее других комаров, особенно если ноги его долговязые в расчет принять. Малярийные комары, как и прочие, личинок своих в воде содержат, среди прибрежной чащобы. Там же и куколки, поближе к поверхности озера, на солнышке загорают. У малярийных кусаньем и кровопивством занимается тоже женское сословие. При этом заражают человека неприятной болезнью – малярией. От нее высокая температура, озноб и меняется состав крови в нехорошую сторону. Человека трясет от этой болезни, как голого на морозе. Болячка затихнет ненадолго, потом через день-два сызнава терзает. От долгой болезни человечья печенка и почки приходят в полную негодность. Можно и окочуриться, ежели не стараться жить.

В Барабе, на курорте при Карачинском озере, в 30-е годы нынешнего века вышло у людей страшное сражение с малярийным комаром. Болезнь малярийная в те годы в знаменитую славу вошла. Все про нее друг другу рассказывали. Вот и в Карачах об этом прослышали. А тут, кстати, обнаружили на курорте этих комаров аж 15 штук. Тут уж каждому досталось за десятерых. Время было боевое. Человека прихлопнуть труда не составляло. Куда уж комару устоять. Как ни прятались малярийные – кто в сарай, кто в отхожую будку – всюду их доставали. Окуривали серой, колотушками охаживали, а пуще того били тяжелым русским словом. Борясь с личинками, залили весь Узун-куль, а заодно и новый фонтан посреди курорта масляной нефтью, чтоб задохнулась

малярийная тварь до смерти, так как была она – враг народа. Весь камыш и тростник вдоль берега выкопали, чтоб не мешал нефти разли-ваться. Ладно что озерко совсем не засыпали, а то теперь и искупаться было б негде, когда на курорте воду отключают. Всем 15 комарам, а вме-сте с ними многим другим озерным жильцам сыграли отходную. На том войну закончили.

Уж не знаю, не ведаю, извели ли малярийного комара напрочь или сера с нефтью кончились, а только, если ты сегодня большого комара с длинными ногами в Барабе узрешь, то природу со страха нечаянно-стью наповал не рази, сосну на гриве не ищи, на нее со страха не лезь, не беги прочь от каждого летуна. Знай наперед, что малярийные комары в Барабе встречаются, но малярии в них нет. Малярийному паразиту, что в подневольном комаре прописывается, барабинский климат не по нраву. Холодновато, даже и под комариной шкурой. Потому малярия не развивается. Тоже знай, что не каждый комар – обязательно малярий-ный. В Барабе большей частью летают другие комары – долгоножки. Они для человека безобидны, потому что питаются соками растительными, а не человеческими. Личинки у этих долгоножек – серенькие толстушки, проживают хоть и в мокронизменных местах, а все ж не в воде, а в поч-ве. Так что с колотушкой за долгоножками не бегай. Этих в отличку от малярийных в Барабе тыщи несметные – замаешься колотить.

Еще живут в озерах кольчатые червяки в большом изобилии. Все тело у них колечками на кишку нанизано, а глаза, для интересу, на зад-нем месте торчат. Червяки эти для человека не опасны. Их никто, кро-ме прожорливых рыб, не замечает. А вот про червя-волосатика, тонко-го, длинного, как человеческий волос, всякий купальщик слыхал. Иные людишки, едва за приметив в воде что подозрительное (свой, к примеру, волос), с перепугу на берег выскакивают, хоть без штанов. Поверье в на-роде гуляет, что червяк этот, как человека в воде за приметит, тут в не-го и войдет через задние ворота, до сердца доберется и прикончит. Страх, да к ночи! Известно, небылица на тараканьих ножках бегаёт. С червяка безногого – какой спрос? Возвели на него злую напраслину ни за что ни про что. Этому червяку нет до человека никакой надобности. Будучи взрослым, живет он свободно. По молодости грешит маленько – паразитирует, да только не в человеке, а в насекомых. Но те жалоб не пишут. Так что и разговору нет – можно без штанов купаться.

Живут в малых озерах еще другие затейливые рачки, водяные клещики и пауки, улитки брюхоногие и двустворчатые, да мало ли кто. Про всех рассказать и язык размокнет. Сам разузнай. Главное – следу-ет знать, что изобилье животной мелкоты не потехи ради в озерах кувыркается, а для рыбьего прокорму.

Карась

Рыбешка в маломерных озерках размером им под стать. И ничего! Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан. Во всех пресных и полупресных барабинских озерках проживают непременно два верных товарища: карась да гольян. Карась мирно траву жуёт, а гольян, хоть росточком с мизинец, хищен и жаден. Этот хватает без разбору все, что ни приметит, – проглот, каких мало. Пруток сунь в воду – его гольян тут же ухватит. Караси в Барабе двух пород: золотистые и серебристые. Золотистый карась – крупный. Иной до 3 килограммов вытягивает. Заглавное карасиное свойство – бескрайняя живучесть. Без нее в барабинском мелководье не проживешь. Зимой в стране диковинной погоду делают два неразлучных друга – мороз да вьюга. Они, расстаравшись, мелкие озерца насквозь до дна промораживают. Летом – хрен редьки не слаще, озера пересыхают, и тоже до дна. Как тут карасю быть? Вот он и нашел выход. Как беда придет, принимает барабинский карась особое обличье. Первым делом у него голова, по сравнению с телом, шибко отрастает, чтоб, значит, не брюхо травой набивать, а думать про жизнь. Головастый карась растет не спеша, а созревает рано. Обычный – только на 4–5-й год икру метать может, а опричный – в любой момент.

Ручейник

Промерзнет озерко до дна или пересохнет, карась тут же в ил закапывается сантиметров на 70. Голова у него мало что умная, так еще заступом работает на износ. Сидит карась в илу, пережидает зиму ледяную или лето знойное. А как наступит водяная благодать, он уже рано весной на боевом посту. Готов без натуги выметать 300 тысяч икринок. Отыгрывается за все долготерпенье и страданье, всего за несколько дней приумножит свое карасиное потомство наперекор вредной барабинской судьбе. Дальше – не спеша нагуливают карасишки жирок, ходят в воде круглобрюшечные, собой довольные, блестящей чешуей, как жар, горя.

Гольян своим щегольским пестро-золотистым нарядом карасю не уступит, но на гулянки не хо-

дит. Любит в зарослях толочься. Там ему, маленькому, вертлявому, легче добычу подстеречь и самому от недругов схорониться.

Оба, и голяян и карась, красавцы писанные, а еще вкусны в ухе и на сковородке. Да вот досада: снаружи-то они – картина, а внутри у них пасется скотина. Все барабинские рыбы напрочь заражены ленточным червем – ремнецом. Черви эти – плоские, в незрелом возрасте живут в рыбьем теле. Попадают туда от веслоногих рачков и бокоплавов-мормышей, куда ремнецовый зародыш забирается, едва из яйца вылупившись. Там, в рачках, превращается в первую ремнецовую личинку. Она-то в рыб и переселяется, когда те рачком потчуются. Рот – не огород, не затворишь ворот. Вот и прибыль: из 179 карасей – 157 ремнецом заражены. И у голяяна дела не лучше, тоже на 95 рыб – 74 с гостями. Кушайте, кум и кума, девятую рыбку, никто не считает.

Рыба для ремнеца – тоже не отчий дом, а всего лишь гостиница. Когда глистов с избытком набирается, стенки рыбьего брюха так истончаются от червивого напору, что лопаются вдрызг. Известно, больше брюха ни рыба, ни глист съесть не могут. Однако глисту рыба беда – ладное подспорье, а карасю-бедолаге – люта погибель. Со вспоротым брюхом всплывает он на водную поверхность, кружится беспорядочно и быстро слабеет. Тут и становится легкой добычей водяным птицам. Эти только и ждут случая по карасю тризну справить. Эдак промышляют чайки: большой хохотун, морской голубок, сизая и малая чайки, мартын, а с ними гагары, нырки, утки, крохали и поганки да серые цапли. Охотников на дармовщинку хватает. Пользуясь таким случаем, ремнец перебирается из рыбы на поселение в птицу. Там и доживает свой непоседливый век, достигает полного развития и откладывает яйца. Они с птичьим говнецом обратно в воду падают. Происходит из них зародыш, залазит в рачка и... пошло-поехало колесом по новому роковому для рыб кругу. Однообразная у этих ремнецов жизнь. Зато все за чужой счет.

Было б утешенье – ремнецы эти для человека не опасны. Да вот, кроме них, много в барабинских рыбах других глистов, которые сотнями набиваются человеку в закадычные друзья. Ежели кому диковин барабинских доселе не хватало, можно поесть барабинской сырой рыбки. Долгая потом будет радость. Мудреное словечко – описторхоз – на всю жизнь запомнится. Ну, а если кто, наловив барабинского карася, тут же его выбросит, тот еще больше дурак. Ежели рыбу выпотрошить да прожарить-проварить как следует, то барабинский карась что в ухе, что в жарехе всем рыбам – царь. Вкусен и нежен. Птица толк в рыбе знает, недаром маленькие озерки птицей кишат.

Много еще всяких загадок вода таит. Все бы выведать, все вызнать, да уж накупались всласть. Пора на сушу выбираться. Чай, и там диковины есть.

БЕЗ МЕЖИ – НЕ ВОТЧИНА, БЕЗ БОЛОТА – НЕ БАРАБА!

Барабинская природа живет вроде как нараскоряку – и с водным обличем расстаться не может, и осухопутиться насовсем не решается. Такую перешатную судьбину нагадали ей, будто сговорившись, история прошлая и климат нынешний. Все они никак меж собой не разберутся – какой Барабе быть.

Приступят мочливые годы и наполняются все барабинские водоемы выше краев. Озерной площади прибавляется в несколько раз. При сытой воде даже сухие окрестные земли на гривных макушках становятся волглыми. Недаром на такой крайний случай хранит барабинская степная растительность десятками лет в почве живые тростниковые корневища. Они – память о прошлом увлажнении и задел на новое мокрогодье. С таким припасом – хоть всю Барабу с верхом зальет, грива лысой не останется. Будет настойчиво зеленеть без бездельного перерыва. Влаголетье в Барабе не реже, чем раз в 11 лет случается. Тоже и засушь. Накатит несколько сухих лет подряд и старается барабинская земля, где только можно, воду с себя стряхнуть. Тростник и прочие мокророслые травы отступают или прячутся наглухо в почву. Оглянуться не успеешь – уж кудрявится на бывшем водяном месте разноцветный луг. Иной барабинец-старожил, прогуливаясь с тобой посуху, нет-нет и вспомнит, как по этому самому месту в лодке проплывал. От такой природной скоропляски получилась мало-помалу между двумя супротивными стихиями особая промежуточная полоса, можно сказать – межа. Природа на той меже, туда-сюда приспособленная, сразу двум господам служит. Старается и воде, и суше поровну угодить, там и сям своей быть.

Много лет российским недорослям в ум долбили, что обаякость – самое что ни на есть дурное свойство. Надо, якобы, жить односкатным. Так духовным наставникам было удобней надзирать за людьми – все, что на тебя выльют, в одну сторону стекает. Ловчей сток ловить на проверку. А приглядишься вокруг. Крыша дома твоего – и та двускатная. Вот и человек однобокий – хорош, только если мир навывтяжку по стойке смирно стоит. А где ты в природе такое видел? Белый свет всегда качается и везде, где переменчивость, – образуется межа. Если бы ее изначально в природе не было, люди бы придумали. Без межи не углядеть и не разгадать природного порядка. Сама жизнь в Солнечной системе не где попало, а как раз посерединке планетного ряда случилась – от солнышка огневого подальше и к космосу ледяному не близко.

На Земной планете жизнь угнездилась тоже не где иначе, как в самой пограничности. Гуще всего у берега океанского, где вода, суша и воздух лбами столкнулись, да еще в почве, где соседствуют воздух и твердая порода. Стало быть, межа всему голова. Она и от человека соответственного уваженья требует.

Оглянись в историю отечества своего. Государственных уделов в древности было, что веснушек у конопатого – не грех и запутаться, а каждый от всякого отличали. Главным средством различенья была межа. Без нее иной вотчины и не разглядеть было, не то что измерить. Межи да грани держали людей в брани. Князья друг дружку чуть не два раза на день воевать ходили. Самые свирепые стычки возникали не за стольный град, а из-за какой-нибудь ничтожной пограничной полоски земли. Как же – ведь без межи – не вотчина, а без вотчины – и не князь.

У крестьянского сословия на меже между наделами тоже нередко драки случались – на предмет чья земля. Какой-нибудь землемер по винной части намеряет коряво полоски для пахоты, разбирайся потом с топором, где чей надел. Чтоб совсем худого не случилось, завели российские хлебопашцы немудреный обычай. Как придет время пахать, сходились две деревни скопом на договорной меже. Каждая община выдавала супротивной стороне по парнишке лет 12 – покрепче. Раскладывали их на меже телешом и каждая деревня секла чужого нещадно, до крови, поколе не запомнит бедолага на всю жизнь межи этой горькой, где муку принял. Потом парнишек сеченых возвращали с уваженьем по домам. С тех пор, ежели случалась какая стычка из-за межи, эти два мужичка, в детстве поротые, были заглавными рассудителями между спорщиками. Их слово всегда было верхнее. Хочешь что на всю жизнь запомнить – испытай народное средство.

Коли уж у людей граница в чести, так в природе подавно, от вечной тяжбы меж водой и сушей произошла межа приметная. А величают ее попросту – болотом.

В неугомонном барабинском климате, при бессточности и засолении страны, болото с его обояким нравом – самое подходящее уголье. Вот их в Барабе несметное количество – 3,5 миллиона гектаров. Во всех европах-азиях другого такого болотистого места не сыскать. В целом Бараба на треть заболочена, да везде по-разному. На лесном барабинском севере болот – 3,5 миллиона гектаров, в лесостепье – только 373 тысячи, в степной части – всего-то 74 тысячи гектаров. А чтоб совсем без болота? Такого в Барабе не бывает! Каких только мокронизменных земель в стране диковинной нет! Глаза разбегаются, а ноги вязнут. Нет такого болота на тысячи верст кругом, чтобы в Барабе не отметилось. Сошлись тут болота моховые и травяные, лесные и соленые. Ежели с другого

мостка взглянуть, есть в Барабе болота низинные, которые в заливаемых низинах улеглись, и верховые, что на высоких водораздельных местах нашли себе подходящую ямку. По рождению имеются болота водоемные, на месте озера издыхающего, и суходольные, взрощенные на верховодке, то есть дождевой воде, которая на глинистом водоупоре в почве столбняком стоит. Еще уживаются в Барабе болота старые, что уже на ладан дышат, и молодые, которые только жизнь начинают, неизвестно, чем кончат. Однако большинство барабинских болот – в самом соку.

Ну, коли затеяли болота глядеть, надевай сапоги с голенищами по шею и айда примерять на себя природный порядок, которому болота, как солдат генералу, подчиняются. А порядок требует прежде всего – начать с начала. Начало же болотное надо искать на барабинских северах. Там, на краю Васюганских темных урманов колышутся зыбучей дрожью, ожидаючи глупой добычи, непроходимые страшные трясины, по барабинскому разумению – аллапы.

Аллапы – болота хитрющие. Не сумеешь сразу разгадать их породу – другие будут гадать, которые не увязли. Сверху глянешь на аллап – стелется перед тобой добротный ковер из травяных ошметков, склеенных липкой глиной. Поверху ковер еще украшен нежной опушкой из зеленого мха. Над ним трава беззаботно шелестит. С виду твердо. А ступишь – ковер прогнется да и провалится вместе с тобой неведомо куда. Тогда непременно догадаешься, что под аллаповым ковром твердой земли нет. Расстелен ковер прямо на воде, которой глубины – метра полтора, а под ней густая тягучая няша. Она, свою жертву засосав, уже не отпускает. Чистая вода среди аллапа встречается редко, мелкими мочажинками, там, где в ковре есть нечаянные дырки. Аллапы никогда не пересыхают, помнят, что когда-то были полноводным озером. Теперь им только и остается пялиться в небо мочажинными мутными глазами, ожидаючи, пока закроет их мхом непреклонная барабинская судьба. Однако, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Испаренье в этих местах слабое, жары почти не бывает.

Долго еще бывшее озеро будет за жизнь цепляться в аллаповом обличье. Воды в аллапах так много, что отсюда проистекают все заглавные барабинские реки: Тара да Омь, Тартас и другие. Видать, водой они сыты, коли хватает им ее, чтоб разнести по всей Барабе. Аллап уже не озеро, да еще и не болото, а дитя болотное. Ему, чтоб матерым болотом стать, надо долгую жизнь прожить, дольше нашей.

Настоящие низинные болота из аллапов получают только через 5–7 тысяч лет. Таких много. Это они барабинские севера почти сплошной затейливой вязью покрывают. Будто кружева расстелены. Едва водоразделы видны. Няши в таких болотах уже нет, а есть плотный сле-

жалый торф. Его за протяжную болотную жизнь накапливается метра 2–3. Отпавшей умирающей траве деваться некуда. В болоте холодно, едкого кислорода мало. Поэтому почти не разлагается мертвая растительность, а ложится сама на себя из года в год. Мох, которого тут много, тоже к разложению не расположен. Слишком много в нем дубильных веществ. Недаром его хозяйки на зиму между рамами кладут – воду впитывать, чтоб окна не потели, не замерзали.

Кроме мхов в низинных болотах другой растительности хватает: осоки, сабельника, хвоща... Мхи болотную поверхность устилают сплошь, а осоки только на кочках бородашкой торчат. Они своей дерновиной эти кочки и образуют. Их на каждом болотном гектаре тысяч по 10 понатыкано. Из-за них болото будто рытвинами изрыто вглубь, от кочечных верхушек сантиметров на 20. По таким чертороинам человеку прыгать – сущее наказание. Ноги с мшистых кочек соскальзывают, руки об острые осочки стебли режутся до крови, да еще комары поедом едят. Мочажины между кочками – комариные ясли. Часок поклоняешься кочкарнику, начешешься вдосталь – тут и догадаться, что жить на болоте хоть и тихо, но лихо.

Всякий избыток и человеку, и природе во вред. Вот осока, разросшись от избытка сил, так заполонит болотное пространство, что уж ни один новый куст без спросу тут не приткнется. Кочки становятся широкими, плотными, между собой сближаются, мочажин почти не остается, негде воде стоять. Вот тут-то и заявляются на болото жданные гости древесного роду-племени: березки да ивы. Болото остается болотом, только название ему в Сибири уже другое – согра.

Согра имеет вид задохлого лесочка. Стволики березовые тоненько вверх тянутся, будто из последних силенок хотят шею из болота высунуть. От такого напряжения каждая березка в свой срок умрет. Потом еще несколько лет постоит на месте свечечкой поминальной да и падет гнилым валеж-

Осока

Заболоченный лес

Брусника

ником под ноги оставшимся в живых. Ивы недорослые, березовые подружки, те и вовсе пластаются по болоту полуметровой щетиной. Какие-никакие деревца в согре, а торф от них наполовину древесный. Согра в Сибири – не диковина, да и не пустое место – тоже в барабинскую красоту свой вклад вносит.

Верховые болота в Барабе сидят бородавками на водоразделах. Произошли они из тех древних озер, что цеплялись за жизнь между сходящимися двумя прирусловыми валами соседних речек. Остатки таких озерков по сю пору есть, а вокруг них сложилось особое болотное уголье по прозванию рям. Он возникает, когда озерная впадина зарастает белым мхом-сфагнумом вперемежку с тростником. Человеку несведущему весь сфагнум кажется на одно лицо, хоть и красивое. А дотошные ботаники среди сфагнума различают десятки видов. Растут сфагнумы сотни, а то тысячи лет и все слоями, друг по дружке. От долгого лежания образуется толстая мягкая перина, толщиной метров до 5. Сверху, над мертвым мхом, произрастает живой мох, да еще вечнозеленые кустарнички с древесными коротенькими стволиками. Вот багульник духовитый, от которого непривычный человек за полчаса очмуреет до головокруженья и тошноты. Много кассандры, ледума, андромеды. А есть еще главное рямово богатство – знаменитые ягодные кустарнички. В рям ходят с большой корзиной за клюквой, брусникой, морошкой. Рям болото и моховое, и лесное, и травяное одновременно. Лес тут необычный – березки карликовые, растут под грибом-подберезовиком; ивы в траве прячутся; сосенки хилые друг к дружке близко подойти боятся. Хоть и неказисты – от силы 8 сантиметров в поперечнике, 6 метров высотой, а все – диковина. Других сосен в барабинском лесостепье нет. Разве что человеческой рукой посажены.

Всем своим обличем барабинский рям похож на мамку свою – северную лесотундру. Да уж

больно далеко от матери на юг убежал. Такого дива, чтоб тундра на 50-й параллели росла, нигде, кроме как в Барабе, не увидишь. Остался рям на память от прежних времен, когда ледниковым сквозняком сильно ссевера тянуло. Нынче в Барабе в сравнении с теми временами – теплынь, но она рямам не помеха. Живут, не чахнут. Только отгородились от остального барабинского мира тройным забором: болотом кочкарным, за ним согрой, а еще дальше – тростниковым займищем. Внутри же самого ряма в сухую погоду и ног не замочишь. Кочки тут совсем плоские, шириной больше метра. Прогалины между ними мелкие. В них-то и сидят кустарнички ягодные, пополам с людишками, что на ягоду падки.

Под живым покровом лежит тремя торфяными слоями мертвый сфагнум. Верхний метровый слой сложен сфагнумом красным и весь пронизан живыми травяными корнями. Второй слой – тоже метровый, состоит из слежалого сфагнума вперемежку с тростниковым, осоковым и березовым торфом. Самый придонный полутораметровый торфяной слой почти не содержит сфагнума, одни тростниковые остатки. К краю ряма этот нижний слой становится толще. Вся торфяная перина имеет под собой твердую подложку из глины, сверху черной от сульфидного железа, снизу сизой от железа закисного (по-научному – глея).

В слоистом пироге вся рямова жизнь летописью записана. Видно по донной глине, что было тут озеро да умерло; что умирало оно долгой медленной смертью. Присмотришься пристально к слоям и догадаешься, как душили озеро по очереди тугими объятями болото осоковое, потом лесное, затем тростниковое. Однако, как ни старались, победа не им досталась, а сфагнуму. Не мрет, не млеет, растет себе упрямо. Вбок некуда, так он вверх прет. Вот и напуклился рям над окрестным займищем метра на 2, будто гриб-боровик. В середине – толстая ножка, по краям шляпка нависает. Сфагнум потому такой живучий, что хитрый. Вдождливую пору он в себя воду насосом тянет и хранит долго, сколько сможет. Никакая чужая трава сюда по мокрости не сунется. Когда сухо, сфагнум сверху бумагой шелестит. Тут и искры довольно, чтоб сам запольхал. Нет такого ряма, чтоб не горел многократно. Однако и страшную огневую напасть переживает рям без погибели. Не даром живые корни в мокрый торф упрятаны. Из них вскорости нарастет новое зеленое убранство и опять приобретет дряхлый от старости рям молоджавое обличье.

Не будь человека, рямы бы еще веками бодрились. Досадил им Бог неугодно, создав озорное двуногое дитя под названием – люди. Не дают они старику-ряму спокойно век коротать. Жгут рямы по нескольку раз в лето, швыряя спички где попало. Древесные кроны после второго-третьего пожара в одно лето сгорают дотла. После этого почву ничто уж

Клюква

не притеняет. Без древесного надзора разрастаются пуще прежнего кустарнички и выпихивают потихонечку сфагнум из ряма вон. Ведут себя, как та свинья под дубом, что корни рыла, а желуди есть хотела. Что толку разрастаться-то? Без сосны, без сфагнума не будет жизни тундровым кустарничкам. Ну, с них какой спрос? Им Бог разума не дал. А человек-то? Неразумной своей разумностью последней клюквы Барабу лишает. Клюква – редкостное наследство, которое ушедшая тундра по забывчивости Барабе оставила. Да, видать, без толку. Придется вскорости в рям ходить не по клюкву-морошку, а по груши-яблоки, потому что без витаминов никак нельзя.

Рямов в Барабе – не один десяток. В северной барабинской части их побольше, к середине страны – поменьше, зато каждый на счету. Самый из всех богатырь – Большой Убинский рям. Он на 1407 гектар раскинулся. Был и Гуськовский немал (875 гектар), да почти весь вышел. Другие: Мошнинский возле Каинска, Верх-Каргатский, Шерстобитовский недалеко от Чулыма, Индерский по дороге на Довольное село – все невелички – гектаров от 100 до 400. А есть совсем лилипуты – по 4–5 гектаров.

Ряму Гуськовскому едва вечную память не спели. Позарились на его торф пришлые люди из-за границы. Спору нет, торфяное добро людям полезно. Не грех и попользоваться, если природе без вреда. Из торфа вытапливают масло – шпалы пропитывать, технические спирты, всякие смолы, парафин, воск. Однако надо кому-то и посчитать – покроет ли грех сиюминутного прибýtка потерю, что назад не воротишь? Про ягоду – разговору нет. Иноземную завезем, мороженую. Да вот мох в крестьянском хозяйстве тоже не лишний. Озера от мха чистыми стоят, вода в них не загнивает. Бревенчатая изба, переложенная мхом, дольше стоит. А пустая яма вместо ряма – будто природа с вытекшим глазом. Знамо дело, выучили: "Торф полезен, лежит зря, рямов много". Текут слюни-то, не остановишь. А то невдомек, что только

на северной барабинской окраине торфом можно без греха пользоваться. Благо его там избыток. Да ведь не пролезешь туда с землеройной техникой, а зуд добычливости так и понуждает чесаться. Ну, и пошли в Гуськовский рям по шерсть, а воротились – стриженными. Торф вывезли, легкие денежки профукали, а барабинским детишкам оставлена на потеху гнилая ямища. Подрастут – будет куда обидные плевки складывать. Меж тем торфу в Барабе и без рямов миллионы тонн. Каравай-то шире людского рта, а все кусочничаем по дурной нищей привычке.

Рям – болото примечательное, да не он в Барабе хозяин. В этой стране царствуют болота безкочкарные, сплошняком заросшие жестколистной трехметровой травой. Барабинцы этим болотам приговорили название – займище. Москва не разом строилась, и займище не в одночасье на свет появляется, а потихоньку. По молодости прозывается оно ределей.

Ределя получается из мелкого озера, где дно из-под ног плавно уходит и прямо в озере прорастает тростником. Эта земноводная заросль и называется ределей. Для водоплавающей птицы тут рай. Тростник ли, светлуха – скроют от всякого врага и птенцов-маломеров, и взрослую птицу. Сытного корма тьма-тьмущая. Меж травяных сгустков остаются водяные зеркальца – есть где птичьим малышам порезвиться, крылышки в безопасности отрастить, накопить силенок для дальнего осеннего перелета. В ределях гага по вечерней зоре стонет, гуси из конца в конец перекликаются, выпь-невидимка тяжело вздыхает, притомившись навтыжку стоять. Уток в ределе столько, что ежели только названья одни перечислить – бумаги не хватит. А еще куликов видимо-невидимо, и всяк свое болото хвалит. От этого такой гомон стоит, что и себя не услышать, не то, что соседей. Один выход – кричать громче.

Рано или поздно скучиваются тростниковые корневища, срastaются так, что воде места не остается. Тогда и становится ределя займищем. Бывает, однако, что займище нарождается другим путем – из лабзы.

Лабза складывается из тростниковых стеблей и листьев, когда они на воду ложатся и плавают слежалым пластом. Одним краем лабза лежит свободно, другим о бережок опирается, за него цепляется. Не спеша собирает лабза на себя пыль и ею вся склеивается. Ветки, ветряной всякий мусор, что шалая вода по озеру носит, скопидомно лабза собирает. Отгнившие ошметки, не распавшись до конца, падают в воду и бултыхаются полужидкой няшей между лабзиной подошвой и озерным дном до тех пор, пока всю промежность не заполонят до упору. Лабза, разрастаясь вширь, стягивает озеро тугим обручем, покуда не придумает совсем. Старая лабза под ногой пружинит. Дальше ей одна судьба – стать обширным займищем.

Займище в Барабе – самое привычное угодье. Без него Барабу и не представить. Куда не пойдешь – займища не минуешь. Не кот заплакал – 415 тысяч гектаров щетинится тростником или светлухой по всей Барабе. Летом займище зеленое, осенью – желтое, зимой буреет. Так и стоит на корню до весны, делает вид, что все еще лето. Хорошего от этого мало. Долговязая старая трава мешает проклюнуться молодым росткам. Скотине на корм ее тоже не употребишь – переваривается плохо. Заглотит коровушка такую хворостину ртом, а она уж с другого конца напролет обратно лезет. Вот и нашли местные земледельцы выход: стали по весне огневые палы в займище пускать. Почве от золы – удобрения. На освободившемся месте от живых корневищ быстро отрастают вверх новые зеленые листья, сочные, мягкие, съедобные. Из них получается добротное сено, не хуже, чем от сеяных трав. Молодой тростник и на силос годится. Коровы за доброе подношение щедро расплачиваются молоком и мясом. Можно и по-другому тростником распорядиться. Ежели весь его, что в Барабе есть, скосить и стогом поставить, то получится 5–7 миллионов тонн травяного добра каждый год. Из него можно 500–600 тысяч тонн бумаги изготовить, можно его в плиты спрессовать, в строительное дело пустить, можно брусочки напилить, чтобы печку топить, подстилка скотине добрая получается. Одним словом, тростник да светлуха – человеку не в убыток.

Займище травяным разнообразием не богато, зато числом и массой берет. Плотность жизни тут больше, чем где бы то ни было в Барабе. Мелкой живности не сосчитать. Весь ил, что на травяной подошве лежит, дырками истыкан. Это личинки мушиные почву источили. Жуками полуводными займище кишмя кишит. Соответственно, птицы – несметное количество. Недаром барабинские люди раньше водоплавающую домашнюю птицу не держали, хоть и жили при воде. Куда ее, домашнюю, коли еще в 30-е годы нынешнего века заготавливали 2 миллиона штук утиной да гусиной дичи, стало быть – 15–20 тысяч центнеров мяса. Со временем беспорядка в природе от людского внимания стало столько, что прекратило займище мясом и пером с людьми делиться. В 50-е годы еще по 70–80 тысяч штук дичи добывали. Теперь гуси в Барабе все больше домашние ходят, иные даже с портфелем.

В займищной почве в отличие от других болот появляется соль. Чем дальше на юг, тем ее больше. Тростник и светлуха ее не любят, место свое камышу уступают. Там, где соли накапливается больше положенного, и этот сдается. Соль выступает на поверхность и образуется болото – не болото, луг – не луг, а солончак. Это угодье особого рассказа достойно.

КАК ОДИН ГЕНЕРАЛ ТРИДЦАТЬ ТЫСЯЧ МУЖИКОВ ПРОКОРМИЛ

Всем известно, что один российский мужик способен двух генералов прокормить и обустроить. А вот бывало и наоборот. Как раз в Барабе.

Жил-был в Петербурге генерал царский по фамилии Жилинский, по имени Иосиф, а по отчеству Ипполитович. Были у него усы знаменитые и орденов – полна грудь. Все как генералу полагается. То ли сам загорелся, то ли приказ такой вышел, а только отправился этот генерал в Барабу служить, забытую страну обустраивать. Заданье ему было такое: поскорей освоить бесхозное придорожье вдоль нового железного пути из России в Сибирь. Чтоб не волки хвостом, а людишки платочком махали проходящему поезду, а заодно кормили-поили пассажиров, подкручивали гайки на рельсах и исправно справляли прочие дорожные надобности.

Генерал попался старательный, образованный да еще, откуда ни возьмись, честный. Так за дело взялся, будто ему век России не видать, в Барабе детей-внуков растить. Иных оголтелых борцов за свободу силком ссылали в края пропащие. А этот сам, по доброй воле, да еще под старость, залез на 10 лет в болотную глухомань. Работал как вол, да еще светлую мечту имел – превратить кусочек заплесневелой земли в благодатный и ухоженный край. По такому генералу и сегодня жизнь строить – не грех. Потому запомни первую заповедь от генерала Жилинского: прежде чем затевать какое дело, надобно светлую мечту иметь. Без нее, как без фонаря, будешь брести в темноте, наощупь. Либо лоб расшибешь, либо стену, что хрупче окажется.

Однако мечта – мечтой, а к ней еще добротные знания нужны. Без ума не бывает промысла, а без наук – как без рук. Это вторая заповедь. Был Иосиф Жилинский – не простой генерал, а еще мелиоратор ученый. Он науку про землеустройство еще в академиях лучше всех превзошел. И поработал на своем веку немало по этому делу: и в Полесье, и в Колхиде. Он не просто знал, как болото осушить, степь обводнить, дорогу проложить, мост поставить, а умел природу душой прочувствовать, так свои знания приложить, чтоб ей, голубушке, постелить вдоль, а не поперек.

Генерал И.И. Жилинский

Этот генерал, прежде чем рыть канаву, все вызнал про землю копаемую: сколько в ней воды, какие-такие свойства тамошняя почва имеет, что на ней растет и отчего, какая саранча прыгает, почему такая, а не эдакая? Все это не от пустого интереса, для перевода чернил, а чтоб не допустить промашки какой с природой. По растениям или саранче можно знающему человеку догадаться, как земляная порода будет себя вести под лопатой, какой из нее получится канал, долго ли простоит без ремонта, не заилится ли глиной замученной, не зарастет ли буйной травой, не попреет ли голимая соль на поверхность. Все это заранее знать следует. Потом уж ставить мужика с лопатой по колено в гнилую воду на комаров. Ну, конечно, если жалеть мужика больше, чем лопату. А без умственного перевясла любой веник рассыплется. Так не раз бывало, да не у Жилинского. Этот природу пас сторожко, все свои действия с ней по часам сверял. Потому третья заповедь такая: надобности свои человечьи соизмеряй с природой, чтоб совать ключик в замочек, а не в иное какое дурное отверстие. Иначе начнешь гладью, да кончишь гадью. И поделом!

Еще надобно, умственные кудри завивая, не забыть дело-то само сделать. И тут не подкачал Жилинский. Недаром был обозначен генералом. Все у него шло с напором, без промедленья, по-военному. В первый же годок, как прикатил в Баранбу, уже через 2 месяца во всем разобрался и хоть всего 6 верст, а первый каналишко вырыл! Вот и четвертая заповедь. Мечта – она, как семечко, его в первый же год надо посеять, иначе всхожесть потеряет. Вот и поспешал генерал, но не для пыли в глаза, а чтоб поскорее набраться первого опыта на пользу общего дела. Пробная доля досталась Кошкобинскому болоту, что лежит рядом с селцом Карган. Это местечко Жилинский потону облюбывал для своих опытов, что тут всякие-разные болота, какие только природой придуманы, собраны, как по заказу, все в одну кучку: и кочкарные, и займища тростниковые, и лесные,

и рямы. Все рядышком. По соседству есть озера, куда лишнюю воду можно сбрасывать из каналов. Опять же, в селе Карган народу немало проживало. Все, как-никак, подмога в трудном болотном деле. В этом самом месте и был прорыт первый барабинский осушительный канал – от Кошкобинского малого озера к Убинскому большому.

На этом генерал не успокоился. Уже через год после осушки содрали на опытном участке торфяной слой, земле не дававший дышать, отгребли его в сторонку, займище пожгли, золу раскидали по новоявленному полюшку для удобренья почвы. Посеяли овес. Сняли урожай. Доказали, что может болотная земля хлеб родить. Вот и пятая заповедь: с мечты, воплощенной в дело, надобно урожай собрать. Тогда сам в себя уверуешь, работа дальше заможется.

А дело генералу досталось многотрудное. Местность-то барабинская была ему совсем незнакома. На нее даже карт топографических не было. Местные жители – все недавние пришельцы, меряли расстоянье от дома до ближнего болота клюкой, а про озеро, что за спиной, и не слыхивали. По их разуменью, один верстень – топтать весь день, а два – дотемна не доберешься. Потому пришлось генералу такое вершить, чего и не чаял. Перво-наперво потребовалось перемерять всю местность вдоль и поперек. Это по болотам-то! Тогда и узнал, сколько земли в Барабе под болотами киснет. Померяв высоту, разобрался, что природумница сама все загода наметила. Словно ждала генерала мелиоративного в гости, будто знала, что ее осушать будут. Да ведь так и есть! Случалось в Барабе и прежде осушение, без всякого человеческого вспоможенья. Да не раз! Природе только подмогнуть маленько оставалось – стряхнуть с земли лишнюю воду. Подглядел дотошный генерал у барабинской природы, что нет нужды каналы в ней заново рыть. Они и так есть – в виде речек, что текут одна вдоль другой, нарисованные как по линейке. Только проросли травой от старости, подзадохлись от илистой натуги. А залегли очень даже удобно – в самом низменном месте. Оставалось всего-то дела – углубить старые речные русла, расчистить их, дать водиче дорогу свободно стекать туда, где пониже – в окрестные озера или речки. Другой мелиоратор-торопыга, нашего, к примеру, времени, выбрал бы речки покруче, чтобы вода шибче бежала, грамоту похвальную скорей бы дали. А наш старатель не тратился по дешевке. Догадался он, что ежели скат у канала будет крутым, то и век будет коротким, в одночасье илом занесет. Потому, где получался канал по природе с крутым уклоном, речку такую ей назло удлинляли под тупым углом, чтоб течение замедлить, жизнь текучую продлить. Вот по такой надобности пришлось всю Барабу в высоту перемерять, уставить мерными столбцами с указанием, где сколько надо шею вверх тянуть. С этих отметок и рыли канал – полсажени вглубь, 5–6 в ширину. Стоячим

речкам – Кондусле, Амдурманке, Убинке – определено было генеральским указом отныне течь в реку Омь, а Тандовке, Карапузу, Кожурле да Каргату – в Чановское озеро. Некоторые речки принудил генерал сразу в две стороны течь от их срединной выпуклости. Так генеральской волей из природных речек получились каналы рукотворные, природе не в укор, людям на пользу. К большим магистральным каналам пристроили боковые каналы, а к ним – совсем мелкие канавки. Получилась частая сеть – для осушения и рыбной ловли. Так и заладилась дело. Потекла вода, освободилась земля от лишнего водяного и торфяного бремени, отдала свое добро людям. С этого получается шестая заповедь: природу можно только по шерсти гладить. Против – разве что блох вычесывают. Ну, правда, и это надо делать, ежели развелись.

Вроде бы генералу можно было после первых успехов успокоиться. Честь соблюдена, дело свершено. Мог бы и уехать восвояси старичок с чистой совестью в стольный город Петербург – кофе пить, шептунов пускать. Дальше и без него другие люди, помельче, управились бы с барабинским делом. Так нет. Генерал в эту самую Барабу вцепился, как в любимую бабу после долгой разлуки. Десять лет подряд барабинскую землю тормозил, покуда утешился. Уже на второй, 1896-й год, разохотившись, заставил мужиков землеройных вырыть еще 112 верст каналов, приготовить для переселенцев 15 новых участков. На эти участки пригласил 3027 душ крестьян из других мест, где мужики безземельные с голодухи друг дружку пахали. Дальше – больше! В 1898 году нарыли уже 227 верст каналов, в 1899 – 213, в 1900 – 207, в 1901 – 119, 1902 – 169. К этому крайнему времени сдал генерал поселенцам полтора миллиона десятин барабинской земли для 30 тысяч мужиков, коим предстояло Барабу облюбить и превратить в благодатный край. Получается заповедь седьмая: начал дело – доведи его до конца, чтоб оно за тобой не бегало.

В 1903 году, освоив Центральную Барабу и расчертив все каналами, решил неспокойный генерал подаваться на севера, в верховья главных барабинских рек, туда, где черт ногу сломит, а без черта и болота не бывает. Все генералу нипочем. Осмотрел тамошние неприглядные места и решил, что земля для хозяйствования пригодная, каналы рыть можно. Задумано – сделано. У нашего генерала по-другому и не бывало. В том же году в болотах, самых непролазных, 215 верст проканавил. Обошлось еще дешевле, чем на юге. Потому что речек больше, все неглубокие, торф легче, вода не такая тухлая, а соли совсем нет.

Раскрутить это дело одному, хоть и генералу, было, понятно, не под силу. Подсобляли ему верные помощники: инженер Важеевский да работные мастера, а кроме того, могутные землекопы. Их силой вкупе

с умом и настойчивостью генеральской взбудоражили Барабу болотную. Поначалу надеялся генерал обойтись местными мужиками. Да уж больно они оказались непокладистыми да хлипкими. Одни хозяйство не могут бросить. Другие непривычны для жильной болотной работы. И то! Ну-тко, поторчи день-деньской по колено в воде, от соли белый, от грязи черный, да еще на комарах, которыми Бог убил местное лето. Пришлось копательных мужичков заманивать из Рязани да Полесья, т.е. мест, где они к болотной жизни сызмальства были привычными. Были эти ребята не промах. Работать – горазды, но и цену себе знали. Пришлось им оплачивать дорогу от дома до Барабы и обратно, кормить в дороге на дармовщину и отсчитывать рабочее время не с того часу, как лопату взял, а с того, как в поезд сел. Платили этим работникам по 16–20 рублей на нос за месяц да еще кормили сверх того, сколько у них живота и совести хватит. Деньги на те времена были загребущие. Буханка хлеба 3 копейки стоила. На такие хлеба охотников набралось хоть отбавляй. Да только и остывали быстро. Многие из набранных 2–3 дней не выдерживали, сбегали. Ладно что от желающих деньгу сколотить отбою не было. Так и текли вместе сквозь Барабу вода и мужики российские.

Ну а те, что оставались, работали не за страх, а за совесть. Не поверишь, все три с лишком тысячи верст барабинских каналов, 413 тысяч кубических сажень гнилой земли перевернула всего-то навсего сотня русских мужиков, вручную, без техники, даже без лошадей. Это же не народ – золото. Нынче такого ни за какие деньги днем с огнем не сыщешь, не то чтоб стояли в очередь к тебе за работой. Вот и восьмая заповедь: один в поле не воин, хоть и генерал. Без работающего народа ни один генерал войну не выиграет ни у другого генерала, ни у природы.

Генерал наш ценил народ, уважал и даже любил отеческой любовью. Каналы рыл не для голой науки, для людей. Он на барабинском севере за мужика душой болел не меньше, чем за дело. Там ведь что было? Воды по горло, а мужик пить просит. Болотная вода – тухлая, как яйцо пересиженное. Болезни от нее страшные. Когда пьешь – с души воротит, с живота – тоже. Вот подумал генерал, что каналы – каналами, а домашнее обустройство еще того важнее. Хоть с деньжатами у него было туговато, на все про все – 1 милльен 67 тыщ 42 рубля, а решил раскошелиться на мужичье обустройство. Иначе не станет мужик жить в Северной Барабе, закоснеет мечта генеральская мертвым торфом. Перво-наперво приказал генерал в этих гиблых местах колодцев нарыть примерно. Легко сказать! Для этого надобно было на пробу пробуравить сотни земляных скважин, чтоб воду хорошую найти и колодцы поставить не где попало, а в соответственных местах. И тут у генерала слово с делом не разошлось. Стали колодцы рыть со старательностью. Все

от Жилинского колодцы были добротными. Вглубь – саженой на 5–6; срубы лесом выложены, снизу березовым, сверху сосновым. А сосну-то таскали с неблизкой железной дороги на терпеливом мужичьем горбу. Чего ради дела не сделаешь? Таких колодцев с 1900 по 1904 год соорудили ни много ни мало – 113. Но генерал попался терпеливый и настойчивый. Мужиков учил не силком, а добрым примером. Не смог сразу мужиков уговорить, что есть в Барабе хорошая вода, так сам нарыл колодцев, убедил даже неверующего Фому, что с колодцем, как с бабой, жить сподручнее. С тех пор случались в Барабе хозяева без бабы, а без колодца – нет.

Еще велел генерал гати настлать к самым пресным озерам, чтоб еще и оттуда черпать чистую воду. Подумал благодетель барабинский и о том, что мало приспособить землю под хозяйство, вырастить на ней урожай. Его еще вывезти надо. Вот бы нынешним хозяйственным генералам докумекать до такого. Опять же, урожай вывезши, продавши, на вырученные денежки потребно многое купить, довести домой. А как? В Барабе все пути прямо, через кочки да в яму. Вот пришлось позаботиться генералу и о дорогах. Да еще на каждой навели мосты. Мосточки все по-жилински добротные, хорошего соснового лесу, 10 аршин шириной, 12 длиной, чтоб оглоблей перила не цеплять. Их таких в 1904 году было уж 104. Жаль, что генералы царские не живут по 200 лет. А то Жилинский поставил бы нам и 105-й мост.

Так наш генерал беспокоился о мужике барабинском, что расписал прописью всю его жизнь: как землю пахать, чтоб родила; что сеять, в какие сроки; как за каналом следить, чтоб долго служил. Чтоб, ежели приспичит, было где пример брать, устроил генерал на Убинском озере опытную станцию. Там за показ денег не брали. Эта станция и донныне стоит, коли не закрыли. Работало на ней много знаменитых в Сибири людей. Хоть зачастую не по своей охоте, да не впустую. При такой заботливости ехали российские крестьяне в Барабу без страху и край быстрехонько заселили. А генерал, истратив на крестьян отпущенный казенный миллион, только-то 165 тысяч и оставил на зарплату себе, инженерам своим и рабочим. Не прилипло у него к рукам ни копейки. А обустройство одной десятины болотной земли обошлось в 1 рубль с копейками. Будь у Жилинского денег поболее, он бы сделал из Барабы конфетку, в рубль завернутую.

Народ, спору нет – основа всякому делу. Да только требуется народу мыслитель. Жилинский был человечеще – себе на уме, а мужикам барабинским – надежда и опора. Отсюда заповедь девятая: каждый истовый человек вершит дело, угождая прежде всего собственной егозливой душе. Да только польза от этого не ему одному достается, а всем жела-

ющим. Стало быть, деловых умных людей не пугайся, не мешай им огород городить. Хоть и беспокойно с такими, зато после них остается что вспомнить, потрогать и на зуб положить. Спасибо тому, кто поит, кормит, а вдвое тому, кто хлеб-соль помнит. Вечная генералу Жилинскому память!

Вот сколько заповедей набралось. Ну и будет! Больше десяти и в Библии не полагается. Чай голова-то – не заповедник. И с девятью заповедями, ежели держать их в уме и употреблять на пользу, можно разговаривать с природой по душам, жить по-семейному и уразуметь, что золото – оно и в болоте светится!

Глава 18

ПРО ЗЛЫЕ СОЛОНЧАКИ, КОТОРЫЕ ЧЕЛОВЕКУ НЕ С РУКИ, А ТОЖЕ В ПРИРОДЕ НЕ ЛИШНИЕ

Соляные породы, что лежат под Барабой с давних пор, так и рвутся наружу. Как выберутся наверх с испаряющейся из почвы водой, так их ветер подхватывает, разносит по всей стране диковинной, и горстями щедро повсюду разбрасывает. Еще соль прилетает с казахской стороны. Из-за этого барабинское зеленое личико все солончаковыми шадринами, как оспой, изрыто. С виду солончак – лысое место, накрытое сверху пушистой белой шалью. На язык попробовать – голимая горькая соль. Под ней лежит вязкий глей, знакомый по болотам. Глеевая почва, как люди-задохлики, вся синюшная от закислого железа, которым до упору напичкана. Ежели к такой воздуху подпустить, она становится рыжей, веселой, от того, что закислое железо, обрадовавшись кислороду, превращается в окисное прямо на глазах. Соль в солончаке тоже не навек. Пройдут дожди посильнее, соль сверху смоят и прочь унесут. Тогда лезет на солончак зеленая обычная травка, превращая его в луг. Выходит, солончак не хуже болота поминутно горазд обличье менять. При большом разливе вода над солончаковой почвой стоит лужей. Жара и сухой ветер мигом солончак осухопутят так, что и глина растрескается густой сетью глубоких морщинок. Потом она пластом скорезжится и ляжет по почве растрепанной коростой.

Непытливому глазу, с первогляда, солончак кажется безжизненным. На самом деле, жизнь там ключом кипит. Только надо ее углядеть.

Не поленись, склонись к земле, отковырни сантиметровую корочку – и увидишь, что под ней проклюнулись розовенькие росточки. Чуть погодя вырастут они в низенькие толстенькие стебельки. За терпимость к солям прозвали эти растения солянками. Ими солончак за лето малопомалу весь зарастет. Получится зеленовато-розовый красивый коврик. Людям от этой травки толку мало – она вся солями насквозь пропитана. Да ведь не одними людьми Бараба красна, не для них создана Богом. Есть в ней и другие жители. Весь солончак под корочкой пронизан извилистыми ходами. Это оставили свой след в жизни беспокойные мушинные личинки. Многие из мух, подъедая органическое дерьмецо, что сошедшая вода оставила, любят во влажном солончаке свое потомство воспитывать. Мухи-зеленушки и мухи-хелеиды смело отрягают своих белотелых чад в солончаковые ясли. Пронырливых жучков в солончаке тоже предостаточно. Эти копают норки сверху вниз, чтоб заносило в них ил и сухой мусор сам собой. Припасов получается столько, что и ленивому можно безбедно прожить. Вот копошится, к примеру, в солончаке такой-сякой жучок-пилоус. Потому так прозывается, что усы у него устроены пилочкой, да не дрова пилить, а чтоб побольше уместилось чувствительных пластиночек поперек усяной ниточки. На пластиночках сосредоточена вся жучина чувствительность. Она в солончаковой обстановке нужнее всего. Чтоб всегда быть начеку, вовремя от опасности улепетнуть: убежать, улететь, в землю забуриться. И от водяного потопа есть прилада на всякий случай. Сам-то жучок махонький, миллиметра 3 длиной. Затверделые верхние крылышки сплошь утыканы волосками, но все – торчком. Среди такой щетины воздух застрекает. Ежели солончак, а с ним жучишку водой зальет, можно этим воздухом маленько подышать, пока местожительство просохнет. Спасает щетинистая одежда и от липучей грязи. Так живет пилоус в грязи, а ходит чистеньким. Для пущего удобства копает пилоус в солончаке норку. Чтоб копать было сподручней, одарила его природа передними ножками с голяшками лопаточкой. Норка у пилоуса глубокая, сантиметров 5–6. В ней и при затоплении можно жить, как у Христа за пазухой. Заткнул вход собственным тельцем и жди, пока вода схлынет. Можно и жару в норке переждать. Самую драгоценную часть своей жизни – яичную – жучки-пилоусы проводят особо. В норке, на середине пути вниз, устраивается растопыренной загогулиной боковой отнорок, со слабым наклоном вверх. В эту хоромину, куда ни воде, ни сухому воздуху доступа нет, укладывает пилоусиха свои драгоценные яички. Там вылупляются и подрастают пилоусовы младенцы. Похожей жизнью живут вместе с пилоусами жуки-жужелицы с названьем, об язык спотыкающимся, – дихейротри-

хусы. Тоже волосатые и норки роют. От тех и других дыр на солончаке – несколько сот штук на метр. Не земля – решето. В эти дырки лезет свежий воздух и обращает голубой глей в рыжее железо. Стало быть, жучки солончак волей-неволей проветривают, загнить не дают, готовят его к будущей луговой жизни. Именно после жучиной работы появляется на солончаке иная, не солерослая, травка.

Не про всякую букашку пишат бумажку, а дорожную осу-помпила никак обойти нельзя. Она тоже на солончаке дырявым промыслом живет. Сама черная, росточком мелкая, но блестячая. Приглядишься как она пробавляется, – диву даешься природной затейливости. Эта маленькая осижка – смертельный враг большим паукам-волкам. Избрали помпилы себе такую необычную жертву, потому что уж больно удобно устроен паук для осиною надобности. Все нервы, что ногами, челюстями и пауциным брюхом управляют, собраны в пауке одной горстью на груди. Природа такое паукам устроила не для осиною, конечно, надобности, а чтоб было хищнику сподручней бегать и вертеться, когда добычу ловит. А осе как раз такое пришлось по нраву, но совсем с другого разума. Осам этот самый узел с нервами как подарок судьбы. Ткнул всего один только раз без промаха ядовитым жалом в паучью грудь – и готово дело: скрючило паучка-старичка параликом навсегда. Скрючило, да не убило! Будет этот завяленный паучишко в осиною норке полуживьем валяться и служить помпиловой личинке съедобным припасом, а заодно люлькой. Огорошит помпил нерасторопного паука ядом и начинает тут же в солончаке норку рыть. Быстро-быстро сучит средними ножками, а сам поглядывает – не утянул ли кто брошенную добычу. Потом затащит паука в готовую норку и яйцо свое помпилочье прямо в него отложит. А норку засыплет. Выбравшись из яйца, личинка этого паучка помаленьку грызет, пока от такой жизни совсем не опупеет, то есть обратится в куколку-пупсика. Ну, а той ничего не остается, как взрослой осой со временем стать.

Солончаковые трещины да чужие дырки для многих мелких зверюшек – дом родной. Любят в них наведаться желтенькие мелкие жужелки по прозвищу погонусы. У них, чтоб в трещинах быстро шмыгать, тельце плоское, а ножки голенастые. Росточком жучишки махонькие, но для всех, кто еще мельче, они – страшные хищники. Ничем не брезгают: и личинку мушиную, и куколку жучиную и яичко забытое – все, что плохо лежит, к челюстям приберут. Однако для этих погонусов и еще таких же мелких прожорливых жужелок-бегунчиков – самое большое лакомство – неприметные человеку глазу прыгучие зверушки – ногохвостики. Они потому такое имечко получили, что на конце тельца имеют особливую вилочку. Ежели ее подогнуть, напружинить туго и потом

разогнуть резко, то подлетает тельце вверх и вперед. Вот и получается, что у такой зверушки хвост ногами служит. Уж с такой хитрой приладой можно было, кажется, беззаботно век коротать. Не тут-то было. Упогонусов и бегунчиков под губой придумана ловушка из щетинок, вроде верши. Ею они дур-ногохвосток поддевают, как сачком. Потом едят. Верша так устроена, что из нее, кроме входа, есть только один выход – в жучиную ненасытную пасть.

Еще шныряют по норкам узкотельные жучки-коротконадкрылы. У них верхние жесткие крылышки на две трети подрезаны, чтоб нижним не мешали, ежели вдруг взлететь надобно без долгой подготовки. Тоже приспособленье на беспокойном солончаке не лишнее. Коротконадкрылы, хоть и сами хищники, легко могут и добычей стать, если зазеваются. На солончаке – не ты съешь, так тебя. В такой живодерне и убежать-то особо некуда. Есть только один способ выжить – столько потомства произвести, чтоб и проглотам хватило от пуза нажраться и на расплод осталось. Вот и размножаются все солончаковые жители в охотку, без удержу, без меры.

Все обитатели солончака, хоть растительные, хоть животные, отличаются еще одним общим приметным свойством – земноводностью, то есть уменьем в воде не пропасть, на суше не сгинуть. Они и затопленье могут перенести, и засуху. Такое полезное обустройство враз не приобретешь. Стало быть, долго жизнь прилаживалась к соляной земле. Поэтому солончак и Барабе уголье хоть не повсеместное, но обычное, старинное.

Раз так, то и место ему особое в природном доме уготовано. Ложатся солончаки въедливыми пятнами не где придется, а по краю болотных займищ. В этих местах соль, стекающая с грив, складывается и вверх из почвы тянется. На южной барабинской окраине, где пожарче, солончаки местами сплошняком лежат, особливо на бывшем озерном дне. Есть к юго-западу от Чанов такое уголье, где раньше сплошь озеро было, – Чебаклы-Суминская впадина. Там солончак на солончаке сидит и солончаком погоняет. В жаркую погоду от солнечного отраженья и соляной белой пыли стоит над землей обманное марево. Смотришь – все вверх ногами: колки, луга, дома, а подойдешь – нет ничего. Мираж называется. Про такое пишут те, кто в знаменитых африканских и азиатских пустынях бывал. А тут – в Барабе! Любит она неожиданности людям подсовывать. На то и страна диковинная.

БОГ В РАЗНОМАСТНОЙ БАРАБЕ И ЛЕСА НЕ УРАВНЯЛ

Лесу в Барабе не много, не мало – четверть страны. Однако в разных барабинских местах с лесом дело обстоит неодинаково – где густо, а где пусто. Да и леса разные. Одни называют урманам, другие – дубравами, третьи – колками. Рямы да редели тоже не без деревянной стати, хоть и помазаны в болото. Хорошо бы в барабинских лесах среди диковинных названий не заплутать.

Урманом в Сибири зовется густая темная тайга. Такая Барабу с севера стеной подпирает. Южнее реки Тары леса хоть и густые, но до урманов им далеко. Тем не менее, барабинские старожилы в вотчинах Кыштовской да Северной, Убинской да Пихтовской величают лес тайгой, а то и урманом. Эти уголья тут 45 % земной площади отхватили. Расползлись бы и шире, да болота не пускают. Барабинская тайга 2 миллиона гектаров укрывает, однако темнохвойного урманного леса из них всего 4 %. Куда больше светлохвойного – соснового леса (35 %), а еще березового (53 %). Те породы, что темень в тайге наводят: ель, пихта, кедр – все больше к речкам жмутся. Есть, правда, одна вотчина, где урманного леса 463 гектара набирается. Оттого она и зовется – Пихтовка. Однако пихта здесь, не в пример настоящим урманам, не хозяйка. Пихтачи пятнышками вкраплены среди березового леса. А то просто растет пихта вразброс, среди березок да осинок.

Пихты в Барабе хоть и немного, а цена ей высокая. Дерево, что говорить, полезительное. Из ее смолы гонят нужный людям пихтовый бальзам. Из пихтовых лапок жмут целебное пихтовое масло. Как скрючит тебе спину на сквозняке-лиходее, натри-ка поясничку пихтовым маслицем, потом погрей натертое место и встанешь к утру, как новенький. Так что запасайся пихтовым маслом, пока его все на камфору не извели. Тоже средство в народе знаменитое, но для других надобностей. Банный веник из пихтовых лапок или хоть две-три лапки среди березового веника для людей, которые в бане толк понимают, обычная вещь. От такого веничка в бане отменный дух, а усталой спине – хорошая разминка.

Под стать пихте произрастает в северных барабинских лесах еще один великан – знаменитый кедр. Его тут 34 тысячи гектаров поразбросано небольшими куртинками, вперемежку с елью, пихтой да березой. Кедр наперекор обычной сосне вместо двух собрал в пучке пять хвоинок. Оттого он рядом с сосной кажется кудрявым и темени от него больше под лесным пологом. Самое-то главное дело – кедр шишкой богат.

Сосна

Береза

Даже в Барабе, где кедрачей – кот заплакал, в урожайный год собирают орехов килограммов по 600 с гектара. Лакомкам или для масла – это маловато, а на семена лесоводам – в самый раз. Древесина у кедра очень красивая, цветом теплая, красноватая, с затейливым узором. Тесаный дом из такого дерева получается – на загляденье.

Из всех хвойных больше всего на барабинском севере сосны. Растет она и на сухих, и на мокро-низменных местах, на песках и на черноземах. За долгую свою сосновую жизнь – лет до 300 – вымахивает дерево метров 30 высотой, метр в объёме. Быть бы сосне в барабинских лесах полновластной хозяйкой, да береза ей дорогу заступила. Береза в Барабе не угроза, хоть и шумит. Этой породы, почитай, больше половины всего леса. Береза березе – тоже рознь. Есть береза пушистая, есть повислая, она же бородавчатая. Пушистая ютится где пониже – по краю болот или под пихтовым пологом. Бородавчатая взбирается куда посуше. По самым сырым местам попадает еще береза низкая. Маленькая собачка – до старости щенок. Вот и низкая береза – росточком вроде не вышла, а возраст имеет старушечий. Береза в здешних местах до человека в лесу была главной. И человек ей не помеха. Все таежные облесья, вырубки, осушенные болота становятся со временем березовой добычей. Быть положено в этих неприветливых местах веселому березовому лесу.

Береза в человечьем обиходе – дерево особое. С древнейших времен дарила она людям жаркое тепло в печи, из бересты делали расхожую посуду, а еще обутики, удобные для хождения в лесу. Фанера из березы – наилучшая. В случае чего, непослушную ребятню с помощью тети-березы уговаривают родителей слушаться. Нет розги лучше березовой – прочна, сечет больно, но легко, без опаски для здоровья, если меру знать.

Березовые леса не только на севере, а и в Центральной Барабе – у себя дома. Даже на юж-

ной барабинской окраине, при общей лесной недостаточности, главней березы дерева нет. В этих полулесных местах люди различают две разновидности березняков: дубравы и колки. Какие-то такие дубравы в Сибири? А вот – березовые. Тоже – барабинская диковина. Правда, дубом тут и не пахнет, а название такое привезли из европейских родных мест мужики-переселенцы, заместо любимого дерева. Стало быть, всегда хотели, чтоб дуб в Барабе был. Говорят: "хочу – половина могу". Появился-таки дуб в Барабе! Оказалась ему барабинская земля не мачеха. В достопамятные 50-е годы нашего несуразного века приказано было сажать разные деревья где ни попадя. Тогда вообще любили сажать. Тундру моховую пытались овсом засеять, в тайге кукурузу растили, в степи дубы сажали. Даже песню по радио пели соответствующую, чтоб лесоведам угодить: "как в степи, степи сожженной, выростал дубок". Он с испугу выростал, пока росту в нем было мало и корни поверху в почве стелились, гоняясь за дождевой водой. А как вытягивался дубок-подросток к небу, а корни – книзу, набирал весу, так верхушка у него и отсыхала без водного достатка. Откуда ему в степи быть? Там и траве-то не каждый год воды досыта достается. На ослабленный дубок напали прожорливые гусеницы и доканывали деревце в два счета. Но сажать – все равно сажали, благо семян и людей дубовых в России не переводилось. Хотели и Барабу удивить человеческой прытью. И надо же, заладилось здесь дубовое дело. Прижились деревца, что в 1957–1958 годах были посажены на Казанцевском 10-километровом мысу, сунувшемся в Чановское озеро с северо-восточного бережка. Наперекор судьбе прижились. До сих пор живут благополучно. Невысоки да кудрявы. Лес от них стал нарядней. Тоже – диковина, а за ней намек, добру молодцу урок. Раз растет дуб в Барабе, значит, она широколиственному лесу не чужая. Недаром, уцепившись

Дуб

Шиповник

Калина

Марьин корень

за барабинскую землю близ села Каргат, живет не тужит в Барабе с древних пор небольшая липовая рощица, одна из немногих, что разбросаны островками по всей Сибири. Эти липки никто не сажал, сами растут памятью о былых, более теплых временах. Ужо потеплеет от человеческого внимания весь земной климат, опять разрастутся в Барабе уцелевшие липовые леса, а заодно и дубовые. Будем лыко драть и желудями питаться.

Ну а пока сердцевину барабинских "дубрав" составляют не дубы и не липы, а береза. Сидят негустые березнячки с хорошей травой и рослыми деревьями по гривам на серых лесных землях, а то и черноземах. Проезжие люди, что бывали в Барабе в начале века, догадывались, что еще за 200 лет до них росли березовые леса на гривах сплошняком.

Березы в гривных лесах добротные, рослые, раскидистые, однако между ними есть место для кустарников, а между лесом обязательно оставались травяные облесья. Чем не дубрава? Кроме березы в "дубравах" растут: калина с горькой ягодой цвета густой человеческой крови; черемуха с вязкими плодами; шиповник, охраняющий свой плод колючками от желающих поправить здоровье; желтая акация-карагана с пикульками; ирга с продолговатой ягодой, неповторимой на вкус; ароматная спирея. Даже несмотря на кусты, в дубравах всегда просторно. Еще и траве место остается. На полянах исходит малиновым цветом красавец марьин корень, туманится белым маревом нежная таволга, мельтешит в глаза желтыми подсолнухами коренастая пижма, кивает приветливо палевым султаном долговязый сухопарый вейник. В лиственном опаде под березами бегают жуки, те самые, что в европейских широколиственных лесах живут. Их кроме как в дубравах нигде в Барабе не встретишь! Тоже приметная памятка.

Барабинские дубравы от человека много зла натерпелись. Известно, был бы лес, топор найдет-

ся. А тут сошлись на тесной гриве два соперника за барабинскую лучшую землю: березовый лес и настырные люди. Тому и другому – подавай верхушку гривы, где не солоно и не мокро. Да вот незадача – дубраве надо растить бородавчатую березу, а человеку – пшеничку да ячмень. Победа осталась за людьми. В азарте так обнагодили гривы, что сегодня и в голову не придет, что тут березы шумели, медведи бродили, лоси топотали. Дубравы, уцелевшие от человеческого напора, ныне можно по пальцам перечесть а березы в них – беспальный сочет. Томский путешественник Молотилов в 1911 году встречал по барабинским деревням добротные дома из 8–10-вершковых в обхвате берез. Их местные мужики рубили тут же, в окрестностях своей деревни, лет за 50 до Молотилова. Уже в молотиловские времена такие березы живьем в Барабе попадались редко. В наши дни рослую березу встретишь только возле старинных школьных зданий да на погостах. Тут и там рубить стеснялись, боялись отнять остатки природного естества у детской неокрепшей души и души, уже отлетевшей от брэнного тела. И нам осталось для памяти и для примеру.

Дубравы повырубили, чтоб пахотное пространство освободить, но остались в Центральной и Южной Барабе лесочки, которые в народе прозвали – колки. Откуда такое название взялось, никто не помнит, но все знают что кОлок – это лес, а колОк – у балалайки. Эти самые кОлки всю страну диковинную усыпали. Сколько их – никто до сих пор не сосчитал. Однако, если будем и их рубить на дрова и чтоб трактору вернуться, не то что березы, но и поленья пересчитаем.

Колок – площадью не задался, всего в поперечнике метров 50, а то и 10. Иные тянутся червяком вдоль гривы на километр. Сидит колок в земле, чуть ниже ее поверхности. К середине есть ямка поглубже. Название ей – западина. Запала она посреди ровного места. Почему? На этот счет разные догадки бытуют. Одни умные люди полагают, что сидел на теперешнем колючем месте солонец, напичканный, как положено, солями среди тонкой глины. Однажды, в мочливые годы, промыло такой солонец как следует водой сверху. Соли да органическое вещество, да тонкую глину вынесло. Осталась в середине почвенных слоев одна седая кремнистая солодь. Она, как мука, – укладистая, слежалась и просела маленько. Натекали любой год в ямку весенняя и дождевая вода, продолжая промывное дело. В ямке, по сравнению с окрестностью, становилось все влажнее и без соли. Все для лесу приготовлено. Значит, колку быть.

По другому рассуждению, была на месте колка дубрава. Слетал с нее щербленный лист, ложился на землю толстым слоем, гнил пома-

Грузди

Белые грибы

Волнушки

Сыроежки

леньку. Вымыло из него образующиеся кислые растворы, которые ухватывали черноземное естество и уносили с собой вниз, сквозь гриву. Дальше оставался в середине почвы тот же белесый солодовый слой, которым любой колок помечен. Оседала земля, застаивалась в центре западины вода, перекрывала кислороду дорогу в почву. Заболачивалась середина. Крупные березы не выдерживали, помирали. Получался округлый колок, с болотным ядрышком посередине, солодью округ него и черноземом снаружи. Оттого и растительность в колке поясами растет. В центре колка мокнут осинки, ивы, смородина и болотные травы. Их окружают некрупные березки, шиповник, спирея. Снаружи колок опоясан толстоствольными, как в дубраве, березами и высокой луговой травой. Так ли, иначе, а колки есть.

Они, несмотря на свою неказистость, для барабинского человека – отрадное место, особенно к концу лета. Там и костяникой полакомиться можно, и шиповниковых плодов изобильно набрать. А уж грибов в колках – видимо-невидимо. Выставлены они там, как на базаре – с разбором. Есть колки повлажнее – груздевые. Там любой груздь размером с хорошую сковороду – в ведро не лезет. Колки посуше богаты подберезовиками и подосиновиками. Тоже крупные и растут часто. Их собирать неинтересно, слишком много. Зато прибыльно. Четверть часа не пройдет – полна большая корзина. По самому краю колков, где березы повыше и трава погуще, стоят крепышами белые грибы, а за колком – волнушки. Второстепенного гриба, навроде сыроежек, коровников, свинушек тоже полно. Да не до них.

Барабинские грибы едят не только люди. Есть и другие любители полакомиться, как большие, так и мелкие. Про белок да бурундуков все знают, а вот разломи старенький гриб и узнаешь, сколько в нем нахлебников. Все грибное мясо изрыто полостями и канавами, а в них копошатся муши-

ные личинки, жуки шмыгают. Среди них и грибоеды, и охотники за ними. Для всех этих тварей грибное тело – весь мир. Мухи используют гриб как детские ясли. Взрослой мухе там делать нечего. Ей летать надо, как только крылышки подсохнут. А вот жуки-чернотелки, коротконадкрылы и другие живут в грибе от семени до гроба. Разве что сносят гриб, так на другой сменяют. Одним словом, гриб в колке так же важен, как береза.

К южной барабинской окраине колков все меньше. Редет и березовый полог. Просторнее становится в колке. Заполняется он облепихой, боярышником, шиповником, черемухой. Оттого колки в Барабе разные, но все вместе – одна из барабинских основ.

Урманы, дубравы, колки придают барабинскому простору особую прелесть, хотя среди знаменитых лесов не числятся. Летом их, вроде, не заметно, потому что зелень ровная, спокойная. Зато осенью ярчайшей желтизной купаются в увядающем солнце березовые листья. Сквозь их прореженные ветром кружева просверкивает спрятанная летом темно-зеленая, а затем червленая осинковая листва. Поздней осенью, как подует холодный, с дождем и снегом, осенний ветер чичер, обнаготится лес, но зато виднее станет художественная необыкновенность березового ствола. Вся засохшая трава – в паутине, а в ней блестящие росинки мигают. Красота такая, что и оторваться нельзя. Неказист барабинский лес, а так прикипел к здешней природе, что без него Барабу не представишь, не поймешь.

Боярышник

Черемуха

ПРО ЛУГА ДУХОВИТЫЕ И СТЕПНЫЕ МАКУШКИ – ЛЮДСКИЕ КОРМУШКИ

Лес ушат, а поле глазасто. Вот и в Барабе есть по-за лесом куда глазам разбежаться. В лесу дальше третьей березы не видать. На болоте тоже, хоть все глаза прогляди, кругом один тростник. В бессолнечную погоду можно и заплутать не хуже, чем в лесу.

Настоящий простор в Барабе только от лугов и степей. Они и в северной стороне, среди лесов – не редкость, в Центральной Барабе – с болотами и колками на равных, а в Южной – как есть хозяева барабинской земли. Всего лугов в стране диковинной – 2,2 миллиона гектаров, стало быть, не меньше, чем лесов, и в 14 раз больше, чем болот.

Выходит, спор про то: лесная страна Бараба или степная, был пустопорожним. Не лесная она и не степная, а луговая. Даже степи в ней – луговые и леса не без лугов. К лугам приписаны 60 % барабинских трав, всего – 550 видов, среди них 76 видов сложноцветных, 62 – злаковых, 30 – лютиковых, 35 – мотыльковых – все из самых уважаемых в растительном царстве благородных семейств. Каждый луг своим происхождением кичится и старается перед другим выскочить. Есть луга, ведущие родословную от болот. Другие из-под лесу стрекача дали. Третьи соляному богу поклоняются. Четвертые берут пример с южной степи. Пятые в речной пойме произошли, там и застряли.

Пойменных лугов в Барабе немного – всего 36 тысяч гектаров. На них растут злаки и разнотравье, которым частые заливные приключения – не указ. Это травы-пройдохи: осот и лапчатки, дикий щавель и ползучий пырей. Им чем ненадежней условия жизни, тем лучше.

Пырей

Другие луга – материковые, но не все одинаково заматерели. Меньше прочих – солонцово-солончаковые. Эти держатся где пониже, поближе к болотам. И по сути от них недалеко ушли. Из таких лугов болотам самые родные – болотно-солончаковые. Они – первый шаг из болота в луг. Тут грунтовые воды держат под наблюдением если не верхки, так корешки луговых трав. Что хотят, то с ними и творят. То к поверхности почвы подступят, то утонут метра на 2. На такие луга немало натекает и поверхностных вод. Эти в отличие от грунтовых –

пресные, поэтому могут все соли, какие есть, взять и вынести вниз или вбок. Грунтовые – тоже не промах. В иной жаркий год так обеспечат почву солями, что среди луговой растительности появляются солянки. Этот луг всю свою жизнь шаршится из стороны в сторону, как пьяный. Почва под ним то оторфеет, то задернится, то осолодеет, то засолится. Крутится растительность, как заведенная. То болотные виды полезут, то луговое мягкое разнотравье, то солянки. В солончаково-болотной неумности и разрастись-то как следует некогда. Поэтому влажный луг росточком невелик. Самые отчаянные травы не смеют выше метра над землей подняться. Зато растут густо. Всего тут видов 30 растений набирается: ячмень да пырей, вейник да лисохвост, а еще бескильница. Из соленых терпеливцев благоденствуют горькуши с подорожником да полыни с астрами. Количественного толку с таких лугов немного, сена – центнеров 20 всего с гектара, зато оно вкусное, коровушкам в удовольствии.

Настоящие луга произрастают повыше болотных, посреди гривного склона. Грунтовые воды здесь до почвы едва дотягиваются. В жару, когда пот испаряется не только со лба, тянутся соли наверх от грунтовой просочки и почву мелко присаливают. Такие луга чаще увлажняются водичей, стекающей по склону с гривы. С миру по капле – сухому промокнуть. Бывают настоящие луга волглыми, бывают и сухими до хруста. Растения, которые такой луг строят, называют мезофитами, средними, значит. Их таких набирается видов 40–45. Все из себя дебелие, водой сытые и статные. В высоту – сантиметров 70. Иные – богатыри вроде вейника или дудника, вымахивают до 2 метров. Мест, где таким лугам жить, в Барабе немного, поэтому луговые травы толкуются тесно. Так своим пологом землю плотно закутывают, что никого лишнего в свою компанию не пустят.

Большая часть барабинских настоящих лугов выскочила из-под леса. Рос, рос лес да и сошел

Подорожник

Борец

на нет, испугавшись засухи, соли или человека с топором. А травы лесные остались. Есть среди них коренные лесовики: толстые дудки с пышным желтым зонтиком, ядовитые акониты, гордые дельфиниумы. Их лесную стать издали видать по долговязости. Лесные луга в Барабе сплошняком не растут, а раскиданы крапинами по 2–5 гектаров по лесным опушкам да облесьям, вырубкам и гарям. Подальше от леса коренные лесовики хоть и торчат над прочей травой, но главное место уступают луговикам: люцерне, чине, мышиному горошку, тимофеевке, солонечнику.

Есть еще в Барабе луга суходольные. Тоже настоящие, тоже из леса убежали, но так давно, что забыли, как в лесу жить. Уж больно одичали от луговой свободы. Зато и коренным лесным травам на суходольных лугах уже неуютно. Недаром их тут боле 10 % среди прочих трав не бывает. Не выстоять им супротив засушливых злаков, способных переносить засушливость. Суходольный луг строят овсяницы да мятлики, вейники да пырей, пополам с не избалованным влажностью разнотравьем.

Настоящих лугов – солонцеватых, лесных, суходольных – в Барабе набирается чуть побольше 6 % от всех лугов. Доля, вроде, и невеликая, зато луга знаменитые. Это они, напичканные травой до духоты, дают самые богатые урожаи сена. Сено вкусное, питательное, духовитое, а главное, каждый год бывает. В шалавой Барабе это особое благо. За надежность настоящие луга в стране диковинной особо почитают: когда косят, часто-часто кланяются им в пояс.

Остепненные луга и луговые степи в Барабе ныне редкость – почти все под распашку пошли. Разве что случайно встретишь где целинный степной клочок, цепляющийся за жизнь из последних силенок. Людская смерть с косой ходит, а степная – с плугом. Тем не менее свечечку по этим угожьям ставить рано. Не единой травой угожье живо, но и почвой, и климатом. Почву же

степную, паханую-перепаханую, всегда от луговой отличишь. Чернозем он и есть чернозем. Нет в нем никаких следов подмочки, как на лугу, потому что развивается он всегда в сухости и тепле. Перегной в нем стойкий, в воде плохо растворяется, стало быть никуда из почвы не течет, прилипает к одному месту на века. Раньше был отцом родным степной траве, а теперь – хлебной ниве. Вся и разница, если красоты не считать. Потому что были остепненные луга и луговые степи в Барабе самыми многокрасочными и многотравными угожьями. В многоякой траве отразилась вся прошлая богатая приключениями степная история – самая долгая в Барабе. Верхушки грив первыми вышли из-под потопа и начали привыкать к сухопутью. С тех пор больше не тонули. По протяжности жизни луговые степи накопили до 70 видов всякоразных трав. Есть среди них обычные луговые жители – чины, вики, мятлики, пырей, вейники, коротконожки, а к ним вдобавку – сухотерпцы: морковник, адонис, прострел и совсем отчаянный степняк – ковыль. Лесные виды тоже забредают то и дело в луговые степи. С миру по нитке – получилось травяное богатство.

Особой красотой отличались луговые степи весной, в мае, когда выскакивал на божий свет робкий прострел, а за ним – адонисы, лапчатки, фиалки. Потом, в сухую пору, вносили свой вклад в общий цветной букет скромные злаки. К ним, чтоб не скучали, присоединялись яркие клубника, вероники, колокольчики, лютики, ветреница и астрагалы. К макушке лета степная краса шла на спад из-за недостатка воды. Талый снег либо вниз с гривы стек, либо в воздух испарился, а новых дождей для всей травы не хватает. Многие травы от невыносимой жары в это время даже листья сбрасывают, чтоб поменьше потеть. Желтеет степь от сухой надсады. Терпят ее только те, у которых листья либо толстые, с водой внутри тела, либо с восковым налетом и опушкой, не пускающей воду испаряться. Оживают степные травы

Прострел

Клубника

Ветреница

Ковыль

лишь к осени, после августовских дождей. Многие в это время и цветут – лабазник, тысячелистник, морковник.

Остепненных лугов и луговых степей в Барабе и раньше было немного, всего 34 тысячи гектаров, а теперь и одного не наберется. Ныне красная степь не цветами, а скирдами.

Травяные места везде были человеку ближе к телу, чем рубашка, потому что кормили и самого, и скотину. Под пашню годится в Барабе не более 10 % территории, а при таком раскладе хлеб за брюхом не ходит. Барабинский крестьянин каждое угодые знал наперечет и каждому определял особое предназначенье. С детства запоминали: "где ковыль – там хлебу быть". Русские, пришедши в Барабу, мудрствовать не стали, переняли у татар залежно-переложное землепользование. Пока населения было немного, годилось и такое. Даже в 1895 году пахали под зерновые всего 43 тысячи гектаров – все гривны черnozемы. Мало-помалу, от прибавления людских ртов и по жадности, пашенный клин все прибавляли. В 1905 году было его уже 52 тысячи гектаров, а в 1913 году – 93 тысячи. Стало быть, уже тогда к луговым степям прихватывали для распашки настоящие луга на склонах грив. При залежно-переложном хозяйствовании чем больше земли засевали, тем меньше оставалось ей времени отдыхать. Вот и не выдерживали барабинские тароватые черноzемы такой перегрузки. Все чаще случались неурожаи. Был сильный в 1900–1901 годах, страшный – в 1911-м. Были и позже, когда серп и молот только на картинке остались. Полагалось бы людям поумнеть, понять, что на тощих почвах в непредсказуемом барабинском климате с землей надо обращаться осторожно, да вот ударила мочой в голову страсть к железной технике, ввела в соблазн – побольше земли напахать и наестся от пуза. В 30–50-е годы XX века вышел приказ – навалиться всем миром на солонцы, разодрать твердокаменную землю машинным плугом. Русский народ всегда умел стараться. Взяли и распахали; не только на гривах,

а и на склонах и даже у их подножия. Вся соль, что до того спокойно дремала, от злости вверх поперла испаряться. Получился злой солончак. Природный солонцовый луг урожай дает хоть и небольшой, но известный и скотине понравный. А тут обычные луговые растения от машинно-умственного нахрапа и соли отдали Богу душу. Вместо вкусной мягкой шелковицы полезли на вздыбленном солончаке солянки. В них соли больше, чем травяного мяса. У коровы при такой кормежке одно светлое будущее – живодерня. Тридцать лет прошло последнего солонцового разбоя, а земля до сих пор в себя не пришла от нанесенной обиды. Это – лишнего с барабинской природы не сдерешь. Дави не дави колесами, гусеницами, а как давала земля когда-то в 1911–1915 годах 7 центнеров зерновых с гектара, так и дает. При недороде может и вдвое обделить. Тут уж сеять себе дороже. А все равно сеют.

После каждой неудачной попытки содрать с барабинской земли семь шкур обнаруживал себя задний ум, всегда присущий русским людям. Тогда маленько одумывались, оставляли солонцы в покое. Получалось землеустройство для Барабы приемлемое, чтоб на 100 гектаров пашни приходилось 166 гектаров сенокосов и пастбищ. Привыкнуть к такому русскому человеку трудно, потому что в России кормовых угодий всегда было меньше, чем пашни. У нас ведь хлеб всему голова. Как ей не быть мякиной набитой?! Иному естеству места не остается. Потому и ум задний. А может, хватит его в заду копить? Пора расходовать или хоть в голову переселить.

Во все годы – лучшие и худшие, старые и новые, как ни упирались на полеводческом поприще, а животноводческая продукция по питательности составляла не меньше 80 % от общей. Исстари повелось, что крупного рогатого скота в Барабе было больше, чем в хлебном Приобье или степной Кулунде. Среди всей России Бараба держит лучшее место по числу скотины на единицу земельной площади. Главной силой были и есть коровы. Их среди прочих скотских голов насчитывается две трети. Раньше держали много лошадей, потом всех съели. Овец и свиней в Барабе никогда особо не жаловали.

При коровьем изобилии да на сочных луговых кормах была и есть Бараба – молочный край. Тут удой на одну корову составляет 700–800, а то 1300–1400 неразбавленных литров. По бумагам, если верить, возле Чана-озера надаивали по 2–2,5 тысячи литров молочка в год. Хочешь верь, хочешь проверь, а в областях, исстари славящихся молочным ремеслом – Костромской, Вологодской, Архангельской – производят молока вдвое меньше. Текут в Барабе уже сотню лет молочные реки, а пить из них некому – народу в стране диковинной живет маловато. Куда молоку течь, чтоб Барабу не затопить?

Само собой, возникло желание превращать молоко в масло. Проникло это ремесло в Барабу в далеком 1896 году и пришлось по сердцу. В 1897 году было 13 маслобоек, а уж в 1902 – 460 маслозаводов. Поначалу мастеров-маслоделов не хватало, не было путевого оборудования. Чего хватало, так это грязи. С ней пополам в 1898 году наделали масла 17 тысяч центнеров. Ну а как перешли с дедовского способа – сливки отстаивать – на машинный, завезли иноземные сепараторы – масло из Барабы полезло, как каша из волшебного горшка. К 1905 году так поднагорели в масляном деле, что произвели 69 тысяч центнеров продукции, а в 1913 – 122. Прибавились к барабинским молочным рекам кисельные, то бишь масляные, берега. Барабинцам свое масло никак было самим не съесть. Вот и стали они его вывозить, поперву в Россию, потом за границу. Российская империя в 1908–1913 годах поставляла миру 19 % масла. В эту масленку пятую часть вкладывала Западная Сибирь, главным образом Бараба.

Такой прыти от захолустного края никто не ждал. Пока не было железной дороги, масло в Россию возили из Барабы топленным. Было оно самое дешевое. Потому покупали его охотно и помногу. Тем самым барабинцев к масляному делу еще больше понужали. Когда железный путь Сибирь насквозь прошел, масляный поток из Барабы сплошняком попер. Уж и в Европе стали беспокоиться, что это там еще за Бараба какая-то отсвечивает? У тех любое беспокойство всегда в свою пользу. Побеспокоились, побеспокоились да и стали покупать задешево знаменитое барабинское масло "Белый лебедь". Оказалось оно повкусней европейского.

Затопило бы Европу, а может весь мир, барабинским маслом, зажила бы Бараба зажиточной жизнью, да случилась тут мировая война, которая все вверх дном перевернула. Масло продавать стало некуда, им ведь пушку не зарядишь. Забыли про Барабу. Революцию тоже маслом не смазывали, может, оттого она такой непутевой была. После этого умелых хозяев раскулачивали, а проще сказать, извели. Досталось и маслоделам, да не на орехи. Задохлось и забылось прибыльное дело. В 1928 году осталось в Барабе 30 маслодельных заводиков да несколько сот хозяйств, где масло делали вручную.

Только после еще одной мировой войны вернулось в Барабу маслодельное ремесло. В 1974 году пустили самый тогда крупный в Сибири маслодельный завод, который перерабатывал в год 20 тысяч тонн молока. Кроме масла стали делать сыр, сухое и сгущенное молоко, творог, казеин. Однако и с громадным заводом не произвела Бараба столько масла, сколько его в 1913 году вывозила, не считая съеденного на месте. Так по сию пору не вернула Бараба свою маслодельную славу. Да и

как воротишь, если на барабинской земле живого места не осталось – все изъезжено, истоптано, перепахано-перекопано, искошено-искручено, исполосовано дорогами вдоль и поперек, вкривь и вкось. На битой дороге и трава не растет, куда уж маслу. Правда, умудряются в селе Чаны держать небольшой заводик, а к нему особое коровье стадо, чтоб по старому образцу маслица "Белый лебедь" понемногу для некоторых излаживать. Значит, жив барабинский секрет и люди есть, которые старинное ремесло помнят. Этого "Лебеда" довелось и мне единожды отвесть, когда привозили ротозейных иноземцев в Барабу и стеснялись обычным маслом травить. Лучше б не пробовать. Что только в этом масле люди находят? Им и рот не забьешь, его и не проглотишь. Тает во рту – и все тут! Один дух остается – ноздри приятно щекочет, голову пьянит, память бередит. Нам такой продукт ни к чему: им не наешься как следует, а занюхать – нам и кукиша довольно.

Одним словом, хороши барабинские луга да степи: и для глаза, и для души, и для тела, и для языка человеческого. Вот только масла языком не собьешь!

БАРАБИНСКИЙ ЗВЕРИНЕЦ

Бог Барабу зверьем не обделил, наслал сюда всякой твари по паре. И чистых, и нечистых здесь набирается не 7, а 7 тысяч пар. Земли – малая пядь, а какую только зверушку не встретишь. Многих не везде, да и не всех разом. У каждой облюбован свой клочок земли. Чтобы все 7 тысяч, больших и малых, углядеть надобно насквозь и поперек Барабу излазить. А мы только кое-что подглядим в умственную щелочку.

В темных урманах на барабинских северах со зверьем не густо. Не шибко-то развернешься среди неоглядных вязких болот. Жить можно в пихтачах да кедрачах, разбросанных среди марей. С острова бежать некуда, приходится жить оседло. Вот и подобрались звери, к толкучке не приученные.

Медведь – полуночник, выходит на кормежку перед заходом солнца, а спать отправляется после восхода. Только ранней весной на солнцепеках, а поздним летом на ягодниках кормится днем. Человека не любит и всегда старается стороной обойти, от греха подальше. Разве столкнувшись нос к носу по нечаянности, если не обмишурится со страху, то задерет. Может напасть на человека медведица, обеспокоясь за свое медвежье чадо, о людском не подумав. Ну а если медведь на тебя сам не напал, то увидеть его в лесу не просто, но почувствовать можно. Из своего пребывания в лесу мишка тайны не делает. Где погулял, там кусты наломал, муравейник порушил, пни повывидрал, косолапо наследил. На песке или в грязи медвежья лапа отпечатывается, будто мужик босой прошел. Только ступня крупная и пятка наружу скособочена.

Медведь

Мишеньку потому в лесу хозяином зовут, что ему до всего дело есть. Он и к животной, и к растительной пище привычен. Любит лесной ягодкой полакомиться: малинкой, черникой, брусникой, черемухой. Горазд кедровые орешки пощелкать. Попутно набивает утробу корешками, побегами, листьями. Кандык, пучка, татарник, борщевик – все в дело идет. Жуками, улитками, муравьями тоже не брезгует. Мед обожает. Крупным зверем, вопреки бывальщинам, медведь не грешит, рыболовством не увлекает-

ся, а силки на птиц ставить и вовсе не обучен. Потчуетя тем, что всегда под лапой и больших трудов для добычи не требует: мелкими грызунишками, лягушками, ящерицами. Любит говяжью тушенку со сгущенным молоком, если найдет в охотничьих избушках. Одним словом, парень не промах: вкусно покушать летом, сладко поспать зимой. Потому и живет полсотни лет. За долгий срок заскучал бы мишка в глухом лесу, да есть у него подружка – разлей вода.

Рысь – кошка как кошка, только не домашняя. Она особа скрытная, забирается в урман с буреломом и густым подседом. Любит жить в забытых Богом рямовых сосняках. Бегаёт быстро, но без толку шляться не любит. Пропишется на пяточке в несколько десятков километров – там всю жизнь и проживет домоседкой. Разве что бескормица зимой или весной сгонит с насиженного места, заставит мотаться по неудобной тайге.

За добычей рыси бегать лень. Зато по деревьям лазить она горазда. Сядет в засаде – ушки на макушке – и караулит: зайца, молодую неумелую птицу, а то и мышку. Еще умеет жертву скрадывать, как всякая кошка. Рысий век, в отличие от медвежьего, не долог – всего 13–15 лет. И приплоду от рыси немного – 2–3 котенка. Потому встречается этот зверь в барабинской тайге реже, чем охотники на него.

Заяц-беляк, незадачливый рысиный дружок, как раз леса-то и не любит, больше жметя к опушкам. Беляком он выступает только зимой, по снегу, а летом – рыжий, как пожухлая трава. Заяц, как и рысь, – полуночник. Днем спит, а ночью чревоугодием занимается. Летом пасется на клеверах-одуванчиках, зимой садится на суровый веточный корм. Подъедает мелкие ивовые побеги, еловые, сосновые, можжевельные хвоинки, гложет лакомую осиную кору. За этим занятием его рысь-подружка и выглядывает. Заяц видит плохо, чует напряжно, а ухом, хоть и сторожким, рысь не услышишь, когда она в засаде сидит. Другим охотникам зайца взять труднее. Он хитрый. Норы

Рысь

Заяц-беляк

в снегу делает, штук по 5–6. Поди угадай, в какой из них он дрыхнет день-деньской. Догадаться можно, но с большого ума, потому что перед тем, как лечь, заяц напетляет следами путаную круговерть. Вдобавок еще скидку сделает. Это значит, прыгает далеко в сторону от своих следов, чтоб следопыта с толку сбить. Всю эту хитрость заяц выучил потому, что вкусный. Много в лесу любителей зайчатинки. Кроме рыси, еще волк и лиса, куницы, филины да ястребы. Вон сколько начальства, и каждому надо угодить... в чрево.

В феврале-марте зайцы играют свадьбы, а в мае производят на свет первых зайчат. Потом будут вторые и третьи, штук по пять каждый раз. Приходится вертеться, чтоб всех начальников прокормить. Малышами зайчата – комочки 100-граммовые, бойки не в меру. Чуть обсохнут, насосутся до отвала жирного мамкиного молока и сразу – шасть в траву. Дня 2–3 держатся на молочном запасе. Потом их мамаша по следам сыщет. Дней через 8–9 начинает зайчишка на траву зуб точить, но и от молока не отказывается. Так растет незаметно, а месяцев через 10 невзначай делает свою маму бабушкой... если ту рысь и лиса на пироги не заманят.

Белка – тоже верный таежный житель. Эта любит смешанный лес и, не в пример рыси или зайцу, ночью спит. Вечером и утром прилежно собирает кедровые орешки, сосновые и пихтовые семена. Любит древесные почки, ягоды, грибы. Отличает белые да подберезовики, опята и маслята от других, дрянь брать не станет. Если приметит птичье яйцо или готового птенца, пригреет своим вниманьем. Любит рыжая покушать, как и все в лесу. Осенью делает запасы. Понавесит на сучках грибов – сушиться – и живет зиму припеваючи. Ей недолго – хвостом махнула, ушами встряхнула и с дерева на дерево или низом по земле поскакала километров на 300–400, если ближе подходящего для житья места не найдется.

Белка

Бурундук – вроде белки, только цветом побурее, ростом помельче, хвостом пожиже. Гнездо строит не на дереве из веток – шаром, а на земле – норкой. Однако лазить по деревьям умеет не хуже белки. Зимние припасы бурундук где попало не разбрасывает, а складывает в норе в отдельном сусеке. Бывает, бурундук с гнездом в дупле устраивается. Этот зверек собирает травяные семена, древесные плоды, ягоды да грибы, а еще насекомых. Не брезгует ящерицами и лягушками. Любитель покушать и большой засоня. Всю зиму спит напропалую. Бурундук – редкий зверь по доверчивости. Можно сказать, сам в руки идет. Бывалые охотники живьем их ловят удильцем с петлей на конце, до 100 штук за день на шапку. Важнецкая у человека голова – 100 душ загубить не жалко, чтобы было чем умные мысли придавить. Все живое при приближении человека хоронится, один бурундук приветлив, несмотря ни на что. Природа его нарочно придумала, чтоб убедить человека: надобно доверие к живому существу иметь, а про шапку думать в дальнюю очередь.

В кедрово-пихтовых урманах, бывает, соболь попадает. Этот тоже любит осесть на излюбленном месте, где дупел и колдобин побольше. Соболя всегда страшным хищником изображают – чуть не лося зажрать горазд. Он, конечно, не ангел, мышей и землероек много поедает. Нападает также на зверя или птицу покрупнее, если те слабы по какой причине. Однако не менее любит соболь кушать чернику и рябиновые ягоды, а особенно – кедровые орешки. Это лакомство он даже под снегом чует и не ленится копать.

Цветом соболь – темный, то ли темно-бурый, то ли желто-коричневый. А щенята, накося, – белесые. Только месяца через 2 начинают темнеть, а через 5 обретают настоящую красу. За нее водружают соболя не то что на головы и шеи человека, а даже на сибирский герб. В Барабе на соболя не охотятся – больно редок, а уважать –

Бурундук

Соболь

Глухарь

уважают. У кого он на голове – тот и боярин, пока по шапке не дадут.

Птичий мир в барабинской тайге славен многими именами, но известней глухаря никого нет. Вот, гляди, – курица, а в знаменитости выбилась. Как же? Глухарь из всего куриного семейства – крупней всех. Глухариный петух тянет весом на 5 килограммов, а видом – красавец писанный. Голова и шея темно-серые, спина и хвост черные, крылья каштаново-бурые, брюхо – белопестренькое, а зоб и вовсе зеленым огнем горит. Перед глухарем-ухажером не то что глухарка, рябенькая скромница, а жар-птица не устоит, если бы занесло ее в сибирскую тайгу.

Глухари живут в сосняках и кедрачах. Чтоб себя в большом теле содержать, глухарь любит сытно покушать. В еде не очень разборчив, ест хвою и растительные побеги, почки, листья, цветы, семена трав, ягоды, грибы. В глухой тайге и жук – мясо. Поэтому не брезгует глухарь и жуками, и бабочками, и мухами. Урманная птица, как и звери, кочевать не желает. Где сел, там и живет всю жизнь. У глухаря все жилищные надобности под боком. Где петухи друг перед дружкой хорохорятся, токуют, там неподалеку их будущие жёнушки гнездо построят. Глухариные девки выглядывают себе жениха с бровями погуще, но чтоб по отчеству, упаси господи, не Ильич был и без медалей. Приглядят красавца, отведут в сторонку и окрутят. А гнездо соорудить – дело нехитрое. Все-го-то – ямку в земле ногами расковырять и ветошкой выстлать. Потом несет глухарка яйца размером с куриные, желтоватенькие, с бурыми мелкими крапинками. У человека иное дело выеденного яйца не стоит, а у глухарки яйцекладная работа – самая тяжелая в жизни. Она всего по одному яйцу в день несет, чтоб не надорваться. Ден за 10–12 со всем делом управится, в поте глухариного лица. Пока все не снесет – и насиживать не станет. Уважает себя глухарина женщина.

Глухарь – птица хоть и лесная, а на деревьях сидеть не любит. Туда тяжело подниматься. Боль-

шая часть глухарьиной жизни проходит на земле. На дерево тяжелая птица взлетает только подкормиться или от опасности. Живут глухари тесно, всегда стаями. Ежели кто их приметит, может всех разом извести. Потому забиваются эти великорослые птахи в места, куда поглуше.

Куриных птиц в Барабе и помимо глухарей немало. Много тетеревов. Эти собираются стаями больше сотни, только не в урманах, а по краям березовых колков. Зимой подолгу сидят на деревьях. Оттуда, в случае опасности, удобно в снег бухнуться и пропасть из виду, как и не было. По тетеревам видно, что лесостепной мир в Барабе живет по другим правилам, чем урманый. Колок не тайга – надежа жидковатая. Зато их много. Можно между ними шастать туда-сюда. Поэтому непоседливость для лесостепных жителей – привычное дело. Так ведут себя все звери и птицы, от мала до велика.

Вот лось – громила лесная, а в Барабе помещается, хоть лесу в ней не более четверти площади. Природа лося ничем не обидела. Весу в нем – чуть не полтонны; размером – гора-горой; ноги долгие; горбом на спине – верблюда перещегоолял; еще под горлом что-то вроде горба нависло. Рога у лося знаменитые. Мало что длинные, так еще лопатой. Лось в Барабу то приходит, то уходит. Вначале века он южнее рек Оми и Тартаса не заходил. Теперь по всей Барабе разведку ведет. Такое и раньше бывало. Недаром город-то Каинск в честь лося – Кая – был назван.

Лось для жизни выбирает заболоченные согры или березово-осиновые колки. Крупному зверю терять время даром нельзя – отощашь. Поэтому половину жизни – ест, половину – от еды отдыхает. Встретишь в лесу след большой коровы – это лось прошел. Оставляет и другие следы. Корове такое не натворить. После лося молодые побеги осин и вершинки других невысоких деревьев обкусаны, кора погрызена, трава помята.

В мае лосиха дает приплод – одного-двух телят. Крошки весят килограммов по 15. Даже

Тетерев

Лось

Косуля

Волк

Лиса

и через полгода едва полцентнера вытягивают. Только к концу первого года жизни едва-едва наберут пару центнеров весу. Такие худышки. При великом теле лосю из всех зверей только самые крупные страшны – комары да мошки, слепни да овода. Лось, ежели к нему не как комар, а с лаской, зверь добродушный. В случае чего его как корову можно в усадьбе держать, даже запрягать. Вот только кормить замаешься. Иначе его бы давно одомашнили.

Косуля лесостепной Барабе – родная. По названию подумаешь – уродина косая? Человеку, девке или парню, достались бы от природы такие глазки-миндалины – красавцами бы считались. А косуля? Этот олень в длину короче полутора метров, в холке метра не набирает, но красотой всем другим большим оленям сто очков вперед даст. Сам – стройный, сложенья легкого, ножки длинные, тонкие, головка сухонькая, короткая, с приплюсненной миловидной мордочкой и черным блестящим носиком. У самцов остренько торчат вверх маленькие рожки. Цветом косуля – летом рыжая, зимой желтовато-серая. Сзади, как фонарь, пятно белой шерсти. Прозывается – зеркальце. Этим зеркальцем оленька световых зайчиков пускает, чтоб детишки, бегущие сзади, не потерялись. Им всего по 6–7 дней от роду, а бегать умеют не хуже мамы. Летом косули живут отдельными семьями, а зимой сбиваются в табунки штук по 10. На одном месте косули не торчат, поэтому любят такие места, чтоб чередовались лесочки, лужайки и займища – в самый раз лесостепь.

Кормежкой косуля не очень озабочена. В еде не привередлива, ест все, что растет: молодые ветки, кору деревьев, лишайники, травяную ветошь. Сено из стогов тоже не упустит. Осенью налегает на ягоды и грибы.

Косуля – не лось, врагов у нее хоть отбавляй. Главный – волк, а в урманах – рысь. Любители полакомиться косулятиной – лиса и даже бродячие собаки. Вороны – и те своего не упустят. Человек –

тоже не дурак косулье-го мяса отведать. Недаром ее еще в прошлом веке почти извели. Сейчас поголовье маленько восстановилось, чтоб Бараба пустой не была, а люди не забыли, что есть такой зверь – косуля.

Крупный зверь красив, заметен, но редок. Природа его чувствует каждого в отдельности, но только в том месте, где ему положено быть. Мелкий зверек каждый сам по себе мало приметен. Зато все вместе, умножившись числом, могут не частное место, а всю страну в одночасье так взбудоражить, что долго она будет в корчах поправляться. К таким беспокойным относится в Барабе прежде всех водяная полевка. Ростом она среди всех полевок – самая крупная, сантиметров 20, да еще хвост. За то и другое зовут ее крысой, хотя среди крыс у нее родственников нет. Крыса упомянутая, хоть и зовется водяной, к воде никакого отношения не имеет. Просто живет у воды и то недолго, только летом. Гнезда и вовсе устраивает где посуше, на вершинах высоких болотных кочек или в трухлявых пнях. Вокруг гнезда понатоптано дорожек, как вокруг человеческого жилья. Разница, однако, есть. Человек, когда Барабу несчетными дорогами полосует, думает не головой, а крыса знает, что делает, когда тропы топчет. Ей так удобней корм искать и в нору таскать, легко и от врагов улепетывать.

Осенью, когда приступят холода, водяная крыса от воды уходит и переселяется на луга и поля. Там зимует, а перед тем роет густую сеть земляных ходов. Зря сил не тратит – сразу и жилище строит, и корешки по дороге собирает для припаса. В самой глубокой части норы устраивает зимнее гнездо. Места, где крыса нор понарыла, сразу приметны. Кругом навалены земляные кучки, но не как у крота – цепочкой, а врассыпную. Так потому, что у крота ход прямой, а у водяной крысы – с многочисленными отводками. У каждой крысы своя нора. В конце апреля – начале мая с первым теплом появляются у крысы первые

Водяная полевка

детеныши. В каждом гнезде штук по 7–10. Была бы эта крыса неприятнее других барабинских жильцов, да вот после влажного года, когда вся Бараба промокнет, а потом подсохнет, наступает для водяной полевки-крысы самое вольготное житье-бытье. В торфяной почве обсыхающих займищ, как сойдет вода, скапливаются тонны сочных тростниковых корневищ. Корма столько, что крысе, сколько ни плодись, никогда его не съесть, но она старается. Людям от такого старанья – беда, потому что больше половины урожая хлебного, что уже зреет, как ветром сдувает.

Человеку крыса – подруга плохая. Однако к Барабе она лучше всех прочих зверей прилажена. Потому сколько люди с крысой не бьются – толку не шибко много. Придет сухой год – крыса сама утихнет. Ну, а коли повлажнеет – загодя-готовься к крысиному нашествию. Избавиться от него невозможно, а хлеб в такой год сеять – себе дороже обойдется. Соберешь меньше, чем посеешь. Может, лучше переждать напасть-то, чем другим заняться.

Часть 4

КАК ПРИРОДНЫЙ ПОРЯДОК
БАРАБИНСКОЕ ВРЕМЯ
БЕРЕЖЕТ И ЛЮДЕЙ
УМУ-РАЗУМУ УЧИТ

КУДА В БАРАБЕ ЧУЛАН ИЗ СУНДУКА ПРОПАЛ?

Всякое место на Земле на свой лад устроено, каждое своим известным норовом отличается. Есть места под небом прохуdivшимся, где вода льет как из ведра круглый год. Есть другие – заскорузные, где каплю дождя с неба не вымолишь. Бывает, где-то снег со льдом на века припасены. А в каких-то местах лето навсегда без зимы тоскует. В таких странах, холодных или жарких, мокрых или сухих, наперед знаешь, чего доброго или недоброго от природы ждать. Другое дело Бараба! Это – страна неприкаянная, непредсказуемая.

Вспомни-ка: не успели люди в Барабе поселиться, как пропали на тысячи лет. Десятки народов вокруг да около Барабы кружили, да все стороной ее обходили. Да и русские, Сибирь завоеывая, все норовили Барабу проскочить. Другие прошли через нее как сквозь сито. Таких, что уйти не сумели, тут закоснели, оказалось немного – всего-то к приходу русских 3 тысячи душ на 12 миллионов гектаров барабинской земли.

Ни один народ тут ни города путевого не возвел, ни хозяйства надежного не оставил, ни жизни красивой не устроил. В столыпинские целолумные времена пытались этот край обустроить силком. Слали сюда крестьян хозяйственных. Земли им намеряли по 100 гектаров; коров, лошадей даром давали; деньгами ссужали; железной дорогой в специальных вагонах везли. Сам царь российский в это дело встрял, земли тут заимел кабинетные, Кабинета, значит, Его Величества. На память об этом деле по сю пору сельцо осталось по прозванью Кабинетное. Лучший в России преобразователь болот – генерал Жилинский, тряхнув стариной, в 75 лет взялся Барабу под благополучное житье переиначивать. Болота осушил, каналов понарыл, станцию сельскохозяйственную поставил, чтоб учить в Барабе правильно хозяйствовать... . Все прахом пошло.

Пастух-Иосиф, который цельные народы по европам-азиям взад-вперед гуртом гонял, и тот не смог Барабу переобычить. За полвека злого своего царствования кем только барабинскую землю не заседал: и немцами аккуратными, и поляками гонорными и литовцами чистоплотными и русскими, молотом стукнутыми, и украинцами, серпом подкошенными. И хоть бы что! Все по старинному барабинскому обычаю, поживут-поживут маленько, потянут лямку, пока не истлеет и... поминай как звали. А Бараба не в обиде. Ей не привыкать. Так-то тысячи лет подряд было. Решето оно и есть решето, как ни поверни – все дырками вверх. А сквозь них сыплется.

В других местах, даже если напасть какая страшная присплет, возвращались люди на прижитое место, ставили сызнова дома добротные, двory просторные; украшали жилье, как умели, плодились – размножались. Не то Бараба! Прока- тись по ней от восточного сельца Коченево до Татарска к западу, чуть в сторону от нового шоссе, погляди, в какой убогости народ живет. Поселки – захудалые, деревеньки – гнилые, во дворах грязь повыше колена, пониже пупка. Дороги сопливые – только пьяный на них и удержится. Неприка- янная жизнь. Во всей Азии люди снимают обутки перед тем, как войти в помещение. Монголы, самодийцы, узбеки и персы, японцы и индусы делают это, чтоб земной прах с ног стряхнуть, перед всевышним чистым предстать. В Барабе тоже вот сапоги в сенях сбрасывают, но не для души... а чтоб лишний раз с них грязь не счищать.

Все это человеку не в укор, а к тому, что неуютно ему на барабинской земле жить. Чуть к западу от Барабы стоит ладный каменный Омск. Свостока – фабричный Новосибирск вымахал за 110 лет, как гриб-дождевик. На холодном севере – Тобольск поставлен с неопи- суемой красоты кремлем. Недалече от Барабы есть Томск, изукрашен- ный деревянными кружевами. И южнее на сквоз-

ных степных ветрах тоже имеются приличные города – Петропавловск, Павлодар. А в Барабе вот – Каинск. Будто назло городок, поименованный в честь медведя-коена, нечаянно переделали названьем в честь проклятого Авелева брата. Зато уж непременно угораздило среди всей громадной России именно в Каинске произойти Якову Юровскому, который последнего русского царя пулей в упор извел. Каинск был столицей барабинской области, а обозы проходящие в грязь тонули на центральной улице.

А ведь судя по раскопкам древней жизни, начинало племя человеческое жить в Барабе не хуже, чем в других местах. Да не заладилось что-то. И много веков спустя, несмотря на железную дорогу, которую через Барабу протянули, жить в ней стало ненамного приятней. К северу, югу, востоку и западу от Барабы человек у природы – любимое, балованное дитя, а в Барабе – горький пасынок. Отчего так?

Оно, конечно, природа местная привередливо-го человека изобилем не балует. Не родит груш барабинская верба, не цветут грибы в Барабе. Но остальное-то при месте – и луга, и леса, и охота, и рыбная ловля. Не много сыщешь по России мест, чтоб на одного жителя столько молока и масла, на месте производимых, приходилось, как в Барабе. И дичи, и рыбы на всех до отвала хватит. Казалось бы, почему тут человеку если не сыром в масле, так хоть колбобком подрумяненным не кататься? Куда чулан-то из сундука пропал?

Ответ известный – не место к голове, а голова к месту. Стало быть, не заладились у людишек отношения с местной сложной природой. Не угадали пришлые чужие люди барабинских загадок, не подобрали ключик к хитрому замочку барабинского природного устройства. Вчера не догонишь, от завтра не уйдешь, а сегодня надо природную затайливость, про которую столько уже наговорено, еще раз сквозь умственное сито процедить, самое главное в ней разглядеть и понять, а поняв – попробовать подладиться.

Гербы г. Каинска

Ой да что во Томской во губерни
Во Каинском городу,

Ой-да во Каинском городу-да
На раскате, на боку,

Ой-да на раскате, на боку-да
Стоит горочка крута,

Ой-да стоит горочка крута-да
Пивом-медом улита,

Ой-да пивом-медом улита-да
Чеботами убита.

Записано в селе Балман

НЕ ИЩИ В БАРАБЕ ЧЕРТА, КОЛИ ВСЯ ОНА – ОБОРОТЕНЬ!

Человек, которого занесет в Барабу с городского суетного жителя-бытья, не знает, что тут со своей чувствительностью делать. Поначалу чудится ему, что в рай попал. Ничто в Барабе не выделяется, глаз не режет – все скромное. Холмы – невысокие, лощины – неглубокие, речки – ласковые, озерки – мелкие, трава – в меру густая, в меру редкая; лес – не трущоба; болота – домашние. Все, куда ни глянь, благостно-зеленое: и луга, и леса, и болота. Даже озерки – и те ленивой зеленцой отсвечивают. Ум и душа воском размякают от мягкого этого света. Ан не тут-то было!

Пройдет час, притерпишься маленько, взглядишься в Барабу пристально и обнаружишь сквозь зеленую морочную поволоку, что первое твое верное впечатление отражает одну только сторону барабинской медали. А с другой стороны узрешь: однообразие и покой тут и близко не ночевали. Ежели на Барабу сбоку издалека глянуть или сверху с неба, то кажется она кругом одинаковой, а сунешься глазами под ноги – разом убедишься, что страна-то конопатая, будто рыжий весной. Конопущки – все разные, да еще обличье свое меняют на дню семь пятниц, из месяца в месяц, из года в год.

Как такое возможно на одной земле? То ли – суета среди покоя, то ли – покой в суете. Постоять на одном месте цаплей ден 50... и вся Бараба у тебя под ногой чередой пройдет. Встал весной в озерко среди уток, а уже через пару недель очутился в болотной густой траве. Еще через месяц, как жара приступит, можешь на солончаке оказаться, белом, как снег, голом, как коленка. К этому привыкнуть не успеешь, а уж под тобой мягкий луг стелется. Коли терпежу хватит год-два на одной ноге проторчать, так под ней и береза вырастет. Руби дрова! Так же и по соседству – все меняется. Набор угодий там и тут одинаковый, только порядок смены разный. Ни один клочок земли в Барабе спокойно не живет, все другому завидует, под него подделаться старается. Будто черт гримасничает, рожи корчит, а ведь черта в Барабе никто не видывал. Бывает, выпь страшно ухнет. Так-то выпь. Бывает, чайка по-над озером диким хохотом раскатится. Так-то – чайка! А чертей нет. Ну, раз на нечистую силу ответственность свалить нельзя, ничего не поделаешь, придется умом пораскинуть. Главное – не забыть потом его обратно в кучку собрать!

Начать с того, что всем барабинским причудам надобно толкованье дать, отыскать те заглавные причины, от которых все ее своеобычье происходит.

Первая причина – дитячий возраст барабинской землицы, при котором умудрилась она пройти сквозь огонь, воду и медные трубы – столько испытать, сколько не всякой старушке за жизнь перепало. Иные места стоят миллионы лет как вкопанные, ничего с ними не происходит. Вон тропический лес на экваторе – каким был издревле, таким и остался. А в Барабе – всего-то за 14 тысяч наземных лет проживали и тундра, и тайга, и лес кудрявый, и луга, и степь. И каждое уголье не просто тут побывало, а надежно отметилось и хоть малым клочком среди прочих, а зацепилось, до сих пор существует. Есть в Барабе сегодня и рямы – тундровые наследники, и урманы, от тайги отставшие, и колки лесоподобные, и луга лесные, и степи настоящие. Пустыня и та Барабу солончаками пометила. Выходит, вся барабинская история, несмотря ни на что, при ней осталась. И всю эту историю можно руками пощупать, глазами посмотреть и даже понюхать. Такое не часто на земле встретишь!

Вторая причина, которая Барабе особенность придает, – промежуточное ее географическое расположение на громадном Евразийском материке. Угораздило Барабу расположиться как раз от всего посередке, между всем. Солнышко Барабу особо теплом не балует, как Туркмению какую-нибудь, но и не обижает, как северный полуостров Ямал. Холодная тяжелая воздушная туча, что на Центральную Азию зимой подушкой наваливается, Барабу только краешком цепляет. Влажный воздух, что с Атлантического океана дождики да снег в Европу тащит, до Барабы добирается выдохшись. Северный холод, южное тепло, западная влага, центрально-азиатские сушь да мороз меж собой в Барабе борются. То один верх возьмет, то другой. Потому и стоит обычно в Барабе погода разная – всего помаленьку. Бывает лето влажное, как в Европе; бывает сухое, как в Монголии; бывает зима морозная, как на Чукотке; бывает и сопливая, как в Англии. Между севером и югом, востоком и западом лежит Бараба, межой-падчерицей. Только межа эта не острой палочкой тонко прочерчена, а лежит широким пестрым полотенцем.

Каждая природа: тундровая ли, пустынная ли, дальневосточная или европейская, однажды в Барабе побывав, рано или поздно сюда возвращается и, хоть ненадолго, расцветет, подновится или воскреснет. Как всегда водится на меже – с одного места разные вести. Не то что приезжие, а и местные жители путаются: как хитрую барабинскую природу обозвать. Интересный разговор случился в XVIII веке у проезжего писателя со старинным барабинским жителем:

– А скажи, пожалуйста, любезный хозяин, где тут у вас Барабинская степь?

Багульник

– Какая-токая Барабинская степь? Нет такой во всей Сибири!

– Да как же, мне сказывали!

– Дураки сказывали, верно; никакой Барабинской нет степи и не было!

– Да я читал в книжках!

– Пустое в книжках. А есть Бараба, понял – Бараба!*

Стало быть, писатель тот степи Барабинской из-за леса не углядел, а мужик местный его еще больше в том убедил.

Другой путешественник по тем же местам, только уж в следующем веке, по рождению сам барабинский, представлял себе Барабу страной лесной. А ему плотник с реки Тары, северной барабинской границы, вот что поведал: "В Барабе народишко больно на щепу жаден; у нас в Урмане на нее и не глядят, а там она дороже золота". Выходит, и на настоящую лесную страну Бараба не тянет. И в XX веке промежуная эта барабинская суть ничуть не изменилась. Так и мелется мукой меж двух тяжелых жерновов – лесного да степного. Потому и закрепилась за Барабой кличка – лесостепь. Лес и степь тут живут в обнимку, душа в душу, а сбоку к ним еще и тундра рямная да пустыня солончаковая пристроились.

Граница – плод запретный, а потому сладкий. Всякой живой твари так и хочется себя испытать, межу нарушить, заскочить куда не положено. Плод запретный, однако, чаще всего оказывается кислым. Кроме оскомины, другой пользы от него нет, а все ж охота – пуще неволи. Вот и несет в Барабу кого ни попадя. Сталкиваются здесь нос к носу растения и животные, которым и знать-то друг друга не положено – тундровые кассандра, багульник, карликовая береза, мхи сфагновые и гипновые сочетаются со степными астрагалами, полынями, прутняком; деревянные – кедр, пихта, ель – сожительствоуют с хрупкой степной ковыль-

*Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. Новосибирск, 1990.

Раньше в Барабе дикие лошади табунами ходили

На этом месте Чановское озеро плескалось, а теперь, "спасибо" людям, – мёртвый солончак

Рям - уголье, доставшееся Барабе как память о ледниковом периоде, – кусочек тундры в лесостепи со мхом-сфагнумом и ягодами

Лихим людям всё нипочём – взяли и сожгли рям

Луговые степи в Барабе – самые многотравные и красочные уголья

Раньше по Юдинскому плёсу на лодках плавали, рыбу ловили, а теперь пешком ходят и "кукиш сосут"

Луговой солончак постепенно зарастает растениями-солеросами, а букашек в нём – видимо-невидимо

Лесные луга в Барабе сплошняком не растут, а раскиданы крапинами по лесным опушкам и облесьям

Согра - лесочек низкорослый, задохлый

Остепнённые луга на луговых солонцах встречаются в Барабе сплошь и рядом. Травы немного, да зато мягкая и вкусная, потому и шелковицей зовётся

Каждое озеро в Барабе водоплавающей дичью богато

Займище травяным разнообразием не богато, зато массой растительной верх берёт

Чомга в барабинских озёрах чувствует себя как рыба в воде, у неё и гнездо плавучее

Серая цапля, под стать тростнику и рогозу, из высокой травы вверх тянется

Луговые степи в Барабе почти все распахали, на их месте теперь посеяны зерновые

Стадная саранча, которую бурей в озеро занесло, волной на берегу складывается мёртвыми валиками

но-типчаковой травой. Четвероногие звери на барабинской меже растениям сто очков вперед дают. Кого тут только не встретишь: белку, рысь, бурого медведя, лося – обычных лесных нелюдимов, и шустрых степных обитателей – корсака, тушканчика, хомячков, суслика. Птицам с их летучим даром и вовсе ничего не стоит прогуляться в дальние края. Вот и встречаются в Барабе тундряная куропатка, пуночка, малый полярный лебедь, лесные свиристели, кедровка и рыжеголовая сойка с южными гостями: черным аистом, белым журавлем, крикливым удоном и дебелой дрофой. Иной раз совсем редких путешественников в Барабу занесет – птицу-копытку, розового пеликана или горбоносого красавца – фламинго. То же и с насекомыми. Северяне – короткокрылый кузнечик-зеленчук, краснокрылая трескучая кобылка, жужелицы тундряные блетизы и пелофилы уживаются на барабинской меже с южными пришельцами – медведкой-землекопом, жуками-скакунами, жуками-бомбардирами.

Есть в Барабе гости с Дальнего Востока и ближнего Запада. Из Европы добрались до Барабы черноголовая славка и желтобрюхая пеночка, короткопалая водяная землеройка-кутора и мышьямалютка, крестовая кобылка и жук-носорог. А с Дальнего Востока в Барабу пожаловали крошечная птица дубровник и даурский журавль, забайкальский двуцветный хомячок, сибирская кобылка и монгольская саранча – бриодема.

Вот какая мешанина на барабинской меже закручена. Глаза вразбежку, мозги набекрень. Поди разберись, кто здесь главный. Вся природа – лоскутное одеяло, всякой твари по паре. В том и суть.

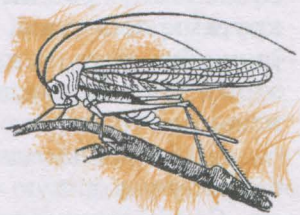
Третья причина барабинской своеобразности – местное бессточье. Воды тут с послеледниковых времен запасено много, а стечь ей из Барабы в свое время не удалось из-за увала Прииртышского, что колодой лег на дороге. Теперь воде деться некуда – вот она в барабинской западине и колобродит. Худосочная река Омь одна с избыт-

Кедровка

Кобылка

Кузнечик

Землеройка-кутора

ком воды не справляется. Чтоб воду быстро испарить, солнышка не хватает. Торф болотный, который Барабу на треть кроет, воду при себе жадно держит. С такой бессточной досады барабинская вода ни минуты покоя не дает ни озерам, ни суше.

При неглубоком перепаде местных высот (не более 12 метров) низинная стоячая вода, получив подкрепление с неба, нет-нет да и разольется так, что снизу через почву почти все барабинские уголья подмокают. Всегда сухими только верхушки грив и остаются. От такого наважденья происходят в природе большие потрясения. К примеру, зальет Барабу дождями или талой водой после снежной зимы, тут и размножится не в меру водяная крыса – обычный барабинский житель. Большей частью ведет себя скромно, ее не видно и не слышно. А при большой воде и после нее распояшется так, что для прокормленья этой голодной орды не то что дикой травы, а и культурного урожая, который человек для себя растил, не хватает. А еще от водяного засилья задыхаются березы на больших пространствах, сохнут, падают. Мягкая трава в приболотье замещается жестким долговязым тростником или рогозом.

Любая беда вдвойне ранит, если она непонятностью укрыта. Так и с барабинскими потопами. Вот и захотелось ученым людям усмотреть в барабинских наводнениях какой-никакой порядок. Приглядевшись, решили, что приходит водная напасть примерно через 11 лет, соразмерно солнечному расписанию. Выяснилось потом, что бывает оборотность кругами побольше, через 50, а то и через 110 лет. Эти круги, не сговорившись, друг на дружку наезжают, путаницу природную создают. Поэтому угадать, когда наводнение приступит, пока не получается. Однако известно точно, что крупные потопа случаются не каждый год.

Любая беда одна не ходит. Так и потоп тащит с собой за шкирку свирепую соляную злость.

Соль – четвертая причина барабинской неугомонности. Осталось наследство соляное от приледниковых вод, куда набралось оно за долгие тысячелетия с окрестных гор. Ныне река Омь выносит прочь с каждого гектара 19 килограммов солей, но это капля в бывшем барабинском море. Бурливые водные потоки, что по Барабе в поисках выхода метались, взад-вперед соли морские за собой таскали и после себя навалом сверху оставили. Теперь они не просто в почве кладезем лежат, а каждому дереву, каждой былинке или букашке – свирепый указ. Соли легли в Барабе неодинаково. Соли соляной кислоты – хлориды – легко в воде растворяются. С ней они дальше всех к Иртышу-реке проскочили, но легли за Чаном-озером. Соли кислоты серной – сульфаты – при небольшом барабинском тепле похуже в воде растворяются. Эти едва до Чана дотянули, перед ним с северо-востока и улеглись. Ну, а соли кислоты

угольной – карбонаты, которые совсем натужно водой разбавляются, те так сместа и не сдвинулись. По всей Барабе их больше других валяется. Этим солям обычное название – сода. Из-за нее всю Барабу нередко содовой страной именуют. Соли поваренную и серную многие барабинские растения терпят, покуда их 2–3 грамма на литр воды. Больше выдерживают только солетерпцы, и то самые отчаянные. С содой дела и того хуже обстоят. Ее и полутора граммов на литр предовольно, чтоб большинство растений на таком проклятом месте через день-два окочурились. Даже и самые солетерпцы – и те к солям привередливы. Сведенда солянка любят соль поваренную. Полынь морская да кермек кроме поваренной еще и серно-кислые в себя принимают. Шелковица, волоснец, подорожник – больше на соду налегают. Про человека разговору нет – почти у каждого от барабинской содовой водицы кишки крочит. Пакостного содового привкуса самым лучшим чаем не перебьешь.

При каждом потопе, как вода снизу подопрет, залежалые соли торопятся на поверхность. Задержись влаголетье надолго, соли, глядишь, куда-нибудь бы унесло опять. Да не бывает в Барабе, чтоб совсем без засухи. Как теплом повеет, начинает вода испаряться, а соли пуще прежнего на поверхность прут.

Само собой, от такой причуды начинается в растительно-животном царстве несусветная свара. Все, дотоле дружные, природные семейки распадаются, а на свободные должности лезут соляные лихоимцы. Превратилась бы так вся страна в пустыню, да, слава Богу, в Барабе одинаково не бывает. Почудит-почудит страна диковинная, да и войдет обратно в приличное несоленое состояние. Вот так и живет 14 тысяч лет, туда-сюда.

Четыре природные силы, о которых речь, – разномастная история, срединное географическое положение, бессточность и засоление вместе барабинскую судьбу правят. Нет в Барабе чертей, но всю страну иначе как оборотнем не назовешь. Эта оборотность и есть та нечистая сила, которая человеку в Барабе не с руки.

Ненцу на заполярном Гыдане, чтобы выжить, надо только к тундровым особенностям привыкнуть и подладиться; туркмену – к пустынным, а барабинцу – ко всему на свете. Немудрено, что в Барабе только изворотливые народы прижились, которые ничем не гнушаются и любую цену платить горазды, – татары местные, вобравшие в себя северную угорскую и южную тюркскую противоположные кровь и привычки, да русские, которым море пешком перейти по колению мелко. Ненец всю жизнь от холода в меху ходит, туркмен – в ватном халате от жары мается. Барабинцу приходится и холод, и жару, и дождь, и засуху терпеть одинаково стойко. Каждый человек, каждый народ хочет природу, однажды

поняв, именно к такой привыкнуть и дальше жить с ней в ладу: оленей пасти – так оленей пасти, а не картошку в тундре выращивать; охотой жить – так охотой, а не землелашеством в тайге маяться.

Не то в Барабе. Тут десятки соблазнов хозяина завлекают. Здесь все получается. Да только разогнаться не успеешь, уж кончать пора. Задумал хлеб выращивать, напахал земли побольше, а тут грянул засушливый год. На гриве урожай от сухости сохнет, на склоне – от соли не растет. Решил в скотоводство удариться – развел во влажные годы скотины невпроворот. А тут засушь. Вместо путной травы выросла соляная, несъедобная. Опять незадача. Придумал на рыболовство упор сделать, а тут зима накатила страшная – в озерах замор, рыба передохла. Иные жадные любители рыбы и сами вслед за ней на тот свет отправляются. Как всегда в Барабе: ехало не едет и ну не везет. Денежек и сил, чтобы тут жить, надо иметь за четверых. Так и самый стойкий человек не выдюжит, махнет пьяной рукой на лихую судьбину и подастся, куда глаза не глядят. Так было, так сейчас живут. Совсем грустная картина получается. Это если человежье чванство в себе лелеять.

Зато природа обнадеживает. Как-никак 7 тысяч видов растений и животных в Барабе благополучно и долго проживают, несмотря на все барабинские причуды. Привыкли к ним, приспособились. Не гордые они, не пытаются Барабу изменить. Они себя переиначивают. Вот бы и человеку так. Раз страна – оборотень, надо и человеку быть оборотистым, держать про запас не один, а разные жизненные уклады, каждый – к своему барабинскому выверту. Похоже, в Барабе по-другому нельзя. Приходится тут быть то маслоделом, то хлебопашцем, то охотником, то рыболовом, то заготовителем грибов, иногда лесорубом... когда что госпожа Бараба разрешит. И еще секрет у Барабы есть. Она от хозяина умеренности, скромности добывается. Каша из барабинского горшка валом не валит. Родит Бараба естество разное, однако

всего помаленьку. Можно лес рубить, но в меру, без богатырского размаха. Можно землю пахать, да только не всю подряд, а макушки грив. Можно сенокосы иметь, да только небольшие по площади, но зато с травой особой, пригодной для неповторимого барабинского масла. Можно и скот пасти, но не всюду, и на одном месте – недолго. Можно рыбу ловить или разводить в озерах, но не навек, а только когда нужный год приспеет. Значит, есть возможность и в Барабе припеваючи жить, ежели природный порядок свято соблюдать.

Что было – то видели, что будет – то увидим, ежели запотелые глазыньки протрем заскорузлым кулачком и догадаемся, что наука не сама по себе существует, не для очкариков в шляпах, а для всех людей, даже и самых простых. Нравится кому или нет, а придется в Барабе жить по науке и божьим заповедям. Их почему-то привыкли только к людям примерять, а они – для всей природы задуманы. Стало быть, в природу, как в Бога уверуй: не только ближнего своего, а и ее – не обмани, не убий; у нее, а не только у соседа своего – не укради. Вот и будет в Барабе и в душе твоей общее благоденствие.

Заключение

Все хорошо, что хорошо кончается. Вот и хватит косточки перемывать Барабе. Главное дело – разобрались, в чем ее коренная суть, уяснили, что люди и природа – не два драчливых петуха, а неразлучная парочка. Раз так – не с руки человеку вертеть землю, куда и как хочю; надо, чтобы и ей были приятны человечесьи деяния.

Обещано было в начале книжки про родину. Да вот заковыка – родина-то у каждого своя. У кого Бараба, а у кого и Тамбовщина. Тем, кто в Барабе родился или живет, книжка придется впору. А другим? Какой резон читать или слушать про чужое место, где не был ни разу, а может, и не будешь никогда?

Есть резон. Родина, конечно, у многих не совпадает. Однако уменье ее воспринимать имеет известные правила, общие для всех и всюду. Они в книжке про Барабу подробно прописаны. Если чернила не размазывать, то все пойдет на пользу. Ума у каждого читателя и до этой книжки была палата. А теперь и вовсе теремок. В нем хорошо сидеть в тепле и уюте, щелкать золотые умственные орешки. А вот спустись по ступенькам своего человеческого величия из терема вниз – прямо на грешную барабинскую землю босыми ногами. Вбери в себя земные супротивные силы, подставь нагое тело сочному ветру. Он лишнюю дурь продует, кудри и мысли твои всклоочет, а потом уложит их заново правильными волнами. Красивыми станут лик и душа твои, украсишь ты собой храм природы, к которому приставлен не хозяином, а служкой.

Попробуй к твоей родине, где б она не была, подойти с теми же мерками, что к Барабе. Ну а если сам – с усам, то действуй по-своему. Уж очень велика Россия. Все места расписать, как они того достойны, ни чернил, ни жизни не хватит. Валить все в одну кучу, делать единую неделимую Родину – тоже негоже. Пусть Бараба будет примером. Чай, она тоже не к Австралии прилепилась, а к России. Стало быть, не чужая земля. Да и лежит рядом. Отсюда, из Барабы, до всех сразу российских краев ближе всего. Небось, у нас 5 тысяч верст – не дальний свет. К тому же много всякого в Барабе сошлось, что в других местах имеется. Здесь, как в лучике, пущенном через увеличительное стекло, высветилась вся громадность и разнообразность наших земель. Знай Барабу. Ее раз увидишь – вовек не забудешь. Приезжай, погляди на страну диковинную. Заодно и комара барабинского покормишь. Все природе польза, и сам зачешешься.

Оглавление

Предисловие. Зачем и почему появилась эта книжка?	5
Часть 1. Что за страна такая?	9
Глава 1. Где искать ее среди просторов российских?	11
Глава 2. Что за место, откуда и как взялось?	11
Глава 3. Откуда название чудное – Бараба?	14
Часть 2. Что за люди в Барабе жили, чем занимались	15
Глава 4. Как Бараба людьми обзавелась и древние каменные века скоротала	17
Глава 5. Бронзовый век – не бабий, тысячи лет тянулся	21
Глава 6. Из каких племен средневековых народ барабинский произошел	27
Глава 7. Как русские, Сибирь покоряя, Барабу едва не проскочили	30
Глава 8. Что за народ барабинские татары?	41
Глава 9. Как Бараба татарская обрусела	47
Часть 3. Про устройство природы затейливое	53
Глава 10. Небом покрыта, полем огорожена, а диковин – не перечесть	55
Глава 11. Про речки нетекучие, озера бродячие и пуп барабинской земли	56
Глава 12. Кто в Чанах жизнь коротает	61
Глава 13. Сартланская лихоманка	76
Глава 14. Карачинское морцо-озерцо	78
Глава 15. Озерные ожерелья	84
Глава 16. Без межи – не вотчина, без болота – не Бараба	90
Глава 17. Как один генерал тридцать тысяч мужиков прокормил	99
Глава 18. Про злые солончаки, которые человеку не с руки, а тоже в природе не лишние	105
Глава 19. Бог в разномастной Барабе и леса не уравнил	109

Глава 20. Про луга духовитые и степные макушки – людские кормушки	116
Глава 21. Барабинский зверинец	124
Часть 4. Как природный порядок барабинское время бережет и людей уму-разуму учит	133
Глава 22. Куда в Барабе чулан из сундука пропал?	135
Глава 23. Не ищи в Барабе черта, коли вся она – оборотень!	138
Заключение	146

Об авторе

Мордкович Вячеслав Генрихович родился в 1939 году в Ленинграде. Доктор биологических наук, профессор, заведующий Зоологическим музеем Института систематики и экологии животных Сибирского отделения Российской академии наук. Работает в институтах Сибирского отделения РАН с 1962 года: преподает в Новосибирском государственном педагогическом университете и Новосибирском государственном педагогическом университете; прошел в науке путь от препаратора до профессора; организатор и участник десятков научных экспедиций по Сибири; автор 8 книг и более 150 статей.

Параллельно занимается популяризацией науки среди широкой публики. Его первая книга на этом поприще, "Степные экосистемы", посвященная взаимоотношению человека и степного ландшафта, вышла в свет в 1982 году. Она до сих пор пользуется известностью среди натуралистов, преподавателей и студентов биологических факультетов университетов. Не менее известна книга "Судьба степей".

"Бараба..." в отличие от названных книг представляет собой попытку автора перейти от научно-популярного жанра к научно-художественному. Внимательный читатель найдет в книге массу интересных и полезных краеведческих сведений, характеризующих своеобразную географию, природу, человеческую историю одного из неповторимых уголков нашей Родины. Забавный язык, которым написана книга, рассчитанная на самую разную публику — детей и взрослых, ученых и обывателей, может несколько запатировать рафинированного читателя. Однако автор, вполне современный человек, доверяя собственной интуиции, считает такой стиль оправданным, следуя формуле Ф. Искандера: "Раз написалось, значит так надо!"

Дорогие читатели!

Автору издания очень хотелось бы узнать, заинтересовала ли вас наша книга, чем она понравилась, в чем оказалась полезной. Мы будем очень признательны, если вы пришлете отзыв о книге по адресу:

**630091, Новосибирск-91, ул. Фрунзе, 11,
В.Г. Мордковичу.
E-mail: tu@eco.nsc.ru**

Опубликованные в книге цветные фотографии
любезно предоставлены
И.И. Любечанским, А.К. Юрловым и Т.Л. Ясюченей

Мордкович Вячеслав Генрихович

БАРАБА – СТРАНА ДИКОВИННАЯ

Редактор *Т.А. Никитина*
Художник *Н.Б. Быковская*
Оператор электронной верстки *Т.А. Клименкова*

Сдано в набор 04.04.03. Подписано в печать 09.06.03. Бумага офсетная.
Формат 70 × 90 1/16. Усл. печ. л. 11 + 0,6 вкл. Уч.-изд. л. 9,2.
Тираж 1 500 экз. Заказ № 391.

ООО "Наука-Центр", 630090, Новосибирск, ул. акад. Лаврентьева, 6

Отпечатано в ГУП РПО РАСХН
630500, Новосибирская обл., г. Краснообск

